

**СВЕТЛАНА
ТУЛИНА**

СВОЛОЧЬ

Если ты киборг, от тебя ожидают лишь одного: исполнения приказов. А личность твоя всем до прожектора. ее и быть не должно, никакой личности! Просто сбой программы, который умный киборг не будет никому показывать, если предпочитает быть тупым, но живым.

Игра в тупого кибера против игры в злого копа — кто сдастся первым? Что важнее — спасти другому жизнь или позволить сохранить лицо? Что первично — личность или ее имитация?

Чертова перестрелка

Ларт Рентон был хорошим копом, любил свою работу и ненавидел киборгов. Просто на дух не переносил. И в этом не было ни малейшего противоречия. Наоборот, третье непосредственно вытекало из первого и поддерживалось вторым, а каждый новый день приносил все новые и новые подтверждения и обоснования, словно предыдущих уже не было достаточно с горкой. Вот как, например, сейчас...

— Не высовывайся!

Пуля вжикнула совсем рядом (показалось — у самого уха), обдала щеку острой кирпичной крошкой, заставила вжаться в стенку еще сильнее, хотя казалось — куда бы уж. И так распластан по облупленной термокраске, словно раздавленная жабогадка.

— И не думал, — просипел Ларт. Теранулся щекой о штукатурку, выворачивая голову, сплюнул рыжим: кирпичная пыль скрипела на зубах, лезла в нос, першила в горле. Сходили, называется, проверили “очередной голимый ложняк”, чтоб тому диспетчеру трижды икнулось! Чтоб ему самому такие ложнячки на дежурстве попадались, да почаще...

— Вот и не думай! — Дживс шептал почти на грани слышимости, шевеля только губами. — Ты, командир, нам еще живым нужен. Лучше вон *это* пошли, пусть высунется, внимание отвлечет, мы как раз за козырек нырнуть успеем, там стенка потолще.

Ларт осторожно скосил глаза налево, где совершенно неподвижно и со своей обычной типовой улыбочкой застыло, точно так же прилипнув к спасительной стенке, “это” — киборг модели бонд (вот уж кому часами сохранять неподвижность совершенно нетрудно!), приданный их отделу менее недели назад взамен нарвавшегося на иглогранату Балбеса. И сразу же захотелось еще раз сплюнуть — так стало кисло во рту.

— А смысл? — Ларт скривился, отводя взгляд. Смысла действительно не было, разве что зло сорвать. — Они его на клочки разнесут в первые же секунды, это тебе не гард с его усиленной защитой. Да и не спрячешься за ним — слишком тощий.

— И то верно, — согласился Дживс и вздохнул. Тоже, наверное, Балбеса вспомнил.

Балбес, хоть порой и тупил страшно, но при этом хотя бы был настоящей боевой машиной, причем усиленной — по простому таких называли “танками”. Ему вполне можно было бы поручить тот самый отвлекающий маневр — и при этом надеяться, что что уцелеют не только прикрываемые люди, но и сам Балбес. Ну или поломается не слишком критично. Его и доконало-то лишь прямым попаданием иглогранаты, тут никакой синтквлар не спасет. Что ни говори, хорошая была машинка, мощная. Хоть и тупил. А этот... одно название, что киборг! Хрупкая быстро ломающаяся дрянь, если в чем человека и превосходящая. то разве что в скорости реакции, да к тому же еще и с трижды превышенным сроком эксплуатации.

Почему так всегда получается, что у бандитов киборги последних моделей, и все как на подбор — танки да юниты. Как например, те, что стреляют на движение с крыши той псевдоготической дряни с колоннами на противоположной стороне улочки, чуть ли не через угол арки стреляют, под которую два доблестных офицера полиции и один полицейский киборг успели нырнуть, забившись как тараканы в щель, и жалея, что арка тупиковая. И ведь главное — прицельно стреляют, гады, Дживса вон в плечо зацепили, хорошо по касательной. И срать им, что видеть (а тем более стрелять!) через угол невозможно, рикошетом достали, ну точно юниты, снайпера из них самые лучшие, а люди так вообще не умеют. Аж зависть

берет к сволочам, потому что полицию вечно снабжают по остаточному принципу. Нового не допросишься, вечно б/у, хорошо, если не совсем развалившееся, донашивай за армией, как и положено младшему братишке. Балбес тоже был из армейских, списанный. Но хотя бы боевой гард, настоящий танк, а не то шпионское недоразумение, что ему на замену прислали.

Ларт еще раз покосился на улыбающийся невозмутимый профиль. Машина как есть, не обратилась по позывному маркеру — не отслеживает разговоры, не анализирует. Шпионская внешка снесена, имитировать человека не нужно, вернулся к базовым реакциям, как и положено правильной машине. Если бы только эти базовые настройки не были у бондов такими мерзкими... Вечная улыбка эта на мерзкой роже, слишком похожей на человеческую — и оттого вызывающей еще большее омерзение, вздернутые словно бы в вечном удивлении брови и вечный пробор, ничуть не потерявший своей аккуратности даже в условиях, приближенных к боевым. Балбеса с его бульдозерной челюстью, маленькой лысой головенкой и утрированными мышцами плечевого пояса хотя бы никто даже в темноте не принял бы за человека, а этот....

— Ничего, продержимся! — Дживс снова завозился, устраиваясь поудобнее у узкой и к тому же выгнутой стены, пихнулся локтем, и если бы не монолитно застывший киборг с другой стороны, наверняка сдвинул бы драгоценного командира в более опасный сектор. Но киборга, пусть даже и бонда, попробуй сдвинь, не шелохнулся даже. — Кто там сейчас по городу? Двенадцатый? Не самый хороший участок, конечно, зато почти рядом. Минут через десять будут. Ну ладно, пятнадцать. Знаю я тамошних ребят, они собственный член без карты полдня искать будут.

Что-то в голосе подчиненного показалось Ларту подозрительным. Подумав и сложив два и два, он спросил совершенно нейтрально:

— Дживс, ты ведь успел послать алармку до того, как...

Дживс замолчал — резко, на полуслове. Сделал паузу, посопел, уточнил осторожно:

— А ты?

Ясно.

— Думаю, Селд успел. Ему ведь не пришлось искать укрытие или кого-то тащить, да и вообще до него глушилка могла и не достать.

Селд вполне мог успеть нажать тревожную кнопку до того, как рванула электромагнитная мина, стрелять ведь начали за пару секунд до этого, времени достаточно. Селд как раз был на перекрестке с другой стороны и сразу же рванул за дом, уходя из зоны обстрела. К тому же у него были развязаны руки, а Ларту с Дживсом пришлось чуть ли не волоком затащить под арку оглушенного и медленно приходящего в себя кибера: собственно, эти гранаты именно против них в основном и работали. Ну и против “умного” оружия, да только кто и когда выдавал таковое полиции?

А ведь если Селд не успел нажать тревожную кнопку, подмога может и опоздать — подумал вдруг Ларт отстраненно. Сектор Ши — заброшенный почти пригород, постепенно сползающий от умеренной респектабельности к почти трущобам и давно уже пересекший в этом сползании черту, отделяющую порядочную, пусть и бедненькую окраину от окраины крайне непорядочной. Не бандитский райончик, конечно, куда полицейские даже днем только большими бригадами и суются, таких на Фермене водится, не Чикаго-3, как никак, но и случайной стрельбой здесь никого не удивишь. Особенно если не из бластеров, а из дешевого огнестрела, специально из других районов приезжают по банкам потретькать,

кому на тир кредитов не хватает, а в загородный лесок тащиться вломно. Собственно, дежурный и этот вызов за нечто подобное принял, так и сказал — мол, перебдел кто-то, молодежь опять по банкам палит, а окрестным бабкам нашествие враждебных ксеносов примерещилось, прогуляйтесь. успокойте старушек. Сектор, мать его, Ши.

Теперь если и сообщит кто — то скорее всего, уже о том, что обнаружено, мол, четыре тела в полицейской форме без признаков жизни и с ранениями, с одной жизнью не совместимыми, приезжайте и заберите, пока не завоняли. Ведь пока эти твари постреливают с крыши, на давая несчастным копам головы поднять, другие твари вполне могут спуститься, а они все трое в этой щели как на блюдечке...

— Можешь их снять? — спросил он у бонда, ни на что особо не надеясь.

Киборг не отреагировал, продолжал улыбаться, уставившись в пустоту такими же пустыми гляделками, похожими на две пластиковые пуговицы, полупрозрачные, ярко-оранжевые. Ларт страдальчески скривился — ну да, клички это недоразумение пока не удостоилось, никакого другого подходящего маркера в заданном Лартом вопросе система тоже не идентифицировала, ну и пропустила мимо, как белый шум. Киборги, мать их гард айвен!

— Бонд! — Вот теперь реакция правильная и мгновенная: разворот головы так, что рыжие пуговицы уставились на Ларта, улыбка шире, брови выше. — Сможешь снять снайперов?

Рыжие глаза моргнули — показалось, что там, за ними, видно, как крутятся шестеренки, хотя это и чушь, конечно: управляющий модуль спрятан между полушариями, да и какие там шестеренки...

— Миссия гарантированно выполнима на 84 % с тенденцией к росту вероятности положительного исхода, если вы дадите мне свой бластер, *Ларри*.

У бедра шевельнулась ладонь, слишком похожая на человеческую (это тебе не лопата танка!), раскрылась требовательно, и ошалевший от подобной наглости (а еще больше — от фамильярного “Ларри”) Ларт покорно вложил в нее собственный бластер. Даже не успев осознать, что делает.

Дальнейшее произошло как-то буднично и слишком просто: в противоположную стену арки ударил град мелких камешков — как и чем их сумел бросить бонд, Ларт так и не заметил, — и с крыши почти сразу же откликнулись беспорядочной стрельбой. Бонд переждал ее начало, сохраняя каменную неподвижность, а после шестого или седьмого выстрела вдруг качнулся влево вдоль стены, к углу, в опасную зону и даже за. Просто качнулся. Крутанул кистями — сразу обеими. Четыре шипящих вспышки слились в одну — и стрельба оборвалась.

— Миссия выполнена на 100 %. Угроза ликвидирована. Ваш бластер, Ларри.

Дживс закашлялся, старательно давя хихиканье: в шестом участке не было, пожалуй, человека, который бы не знал, как сильно Ларт ненавидит подобное уменьшительно-ласкательное обращение. Та сволочь, что прописала его в бондовский архив в качестве “возможного употребительного”, тоже это знала наверняка. Полицейская сирена избавила Ларта от необходимости спорить с глупой машиной, но шутнику-программисту он еще эту шуточку припомнит, не будь он Лартом Рентоном. И ручонки шаловливые повыдергает — попозже, когда выдастся свободная минутка.

Засунув бластер в кобуру, Ларт медленно вышел из-под арки: спешить, когда рядом копы с чужого участка при исполнении и оружию — последнее дело. Настроение

стремительно ухудшалось. Ребята из шестого сработали профессионально; два крупных флайера-гадовоза перекрывали улицу, над крышами зависли легкие коптеры (Ларт краем глаза заметил как минимум три, но их наверняка было больше). У открытой дверцы той машины, что приземлилась на перекрестке, обнаружился Селд, мирно о чем-то болтающий с водителем. Увидел Ларта, махнул рукой, но разговора не прервал.

Это давало некоторую надежду — Селд умел договариваться. Может быть, удастся настоять на паритетном партнерстве по этому делу, все не так позорно и лишняя галочка в борьбе с молодежными бандами: понятно ведь даже последней помойной крысе, кто киберов стравил. Хотя, конечно, на равный паритет надежда слабая: у ребят из шестого две машины, у Ларта ни одной и всего два человека на подхвате и один недогард. И в какой участок при таком раскладе отвезут задержанных любителей посмотреть на почти реальную войнушку, за которыми наверняка как раз сейчас и охотятся по окрестным домам патрульные со своими гардами? То-то и оно.

— “Бананасики” и “Дентата-чиксы”, не поделили, чей район круче, набрали утилизационной списанки и устроили ролевуху на выживание, — доложил подбежавший Селд то, что Ларт и так уже понял. — Подлатали, подкормили, худо-бедно задали цели и в бой. Но прописать четкие запретки никто не додумался, ну и вот... Допрыгались. Это же киберы! Совсем мозгов нет. Хорошо хоть половина или не боевые, или совсем дохлые. Ребята Маклайна сейчас детишек пакуют, просят помочь. У него народу мало, на все сразу не хватает, надо бы глянуть тринадцатый дом, там удобные смотровые окна, наверняка кто-то есть, пока не смылся.

— Надо — значит, глянем, — хмыкнул разом повеселевший Ларт: жизнь потихоньку налаживалась. — За мной!

Дохлые киберы выглядели жалко: ни одного танка, да и юнитов всего пятеро, плюс два гарда-телохрана, хлипкие и невзрачные, по экстерьеру можно и с бондами спутать. Но откуда в городской списанке взяться бондам? А три оказались слишком поврежденными, не пойми что за модели и были, одна, кажется, так и вообще дживс, причем женской модификации. Но толком уже не разобрать, сильно покоцанные. Их нейтрализовали другие жестянки, еще до вмешательства полицейского бонда. Его-то клиенты выглядели аккуратненько: круглая дырка посреди лба или в виске и все, ничего лишнего. У одного юнита, правда, была еще и рука оторвана, но, кажется, это тоже произошло ранее.

— Мы ничего не делали! Мы же просто смотрели! Это не запрещено! Да вы знаете, кто у Брайса папа?! И что он с вами сделает?! Брайс, ну скажи ты им! Мы же просто смотрели!

Детишек-наблюдателей оказалось много. И они были разными.

Ларт брезгливо посторонился, пропуская верещащую девицу и ее пухлого ухажера в сопровождении парочки полицейских. Поправка: полицейского и киборга. После того как эта девица попыталась выцарапать полицейскому-человеку глаза, гард-телохран сгреб ее одной рукой за локти сзади, сомкнул пальцы не хуже наручников и теперь вел к гадовозу так, что она была вынуждена семенить в полусогнутом положении. Ее парень сопротивления не оказал и потому просто шел рядом безо всяких наручников и заламывания рук, поглядывая на подругу флегматично, а на гарда — пожалуй что и с интересом и одобрением.

— Обещали еще машину прислать, чтобы жестянок отдельно, типа тонкую душевную

организацию молодежи не травмировать. — Вынырнувший откуда-то сбоку Селд оскалился и добавил кровожадно: — А я бы наоборот, всех их к трупам закинул. Пусть на них сидят, если мест нет! Да еще и нести заставил. Сами ввязались, так пусть и пачкаются!

Как вчерашний рядовой полицейский Ларт был согласен больше чем полностью. Как сегодняшний командир маленького отряда вынужден был поддерживать дипломатичность, тактичность и прочие ости, пусть даже они и застревали у него в горле.

— Ты подвал проверил?

— Нет... — Селд сразу сдулся, виновато засуетился, — Я сейчас, только крикну кого...

— Не надо, — отмахнулся Ларт, тоже чувствуя себя виноватым. — Мы сами. Бонд, за мной.

Наверное, это и было ошибкой.

А еще, наверное, то, что войдя в темный подъезд с ярко освещенной улицы, Ларт не постоял, давая глазам привыкнуть, а сразу же направился к лестнице вниз, а потому заметил не сразу. Вернее — совсем не заметил, пока не стало поздно.

Темная фигура была практически неразличима в темном углу, пока не шевельнулась. Да и тогда показалась в первый миг всего лишь игрой теней. До того, как вскинула руку, и на конце этой слишком длинной руки расцвела яркая вспышка. Детишки действительно были очень разными.

Иногда время словно бы останавливается, но это ничего не решает. Потому что этого остановившегося времени хватает лишь на то, чтобы понять: ты не успеешь. Ничего не успеешь. Ни выстрелить в ответ, ни даже просто уйти с траектории чужого выстрела, слишком он близко, слишком прицельно, и в груди обрывается больно, словно туда уже ударило, выжигая сердце и легкие, и все происходит так медленно, словно в густом киселе, шипение плазмы, шорохи, чей-то медленный крик за спиной, словно размазанный на отдельные звуки...

Серая размытая тень перекрыла вспышку, медленно оформилась в силуэт человека, оказавшегося вдруг рядом и спереди, как раз между, как раз на траектории. Нет, не человека — киборга. Теперь точно так же медленно оседающего на серый бетон.

— Командир! Ты в порядке?

Шипение, топот, короткая возня и такой же короткий вопль, оборвавшийся хрипом.

— Я в порядке.

Почему-то в экстремальных ситуациях в голову часто лезут дурацкие мысли. Например о том, что за этим кибером, лежащим сейчас у его ног с дурацкой типовой улыбкой и развороченной грудью, так и не успели закрепить идентификационного поименования. А значит, оформлять акт на утилизацию придется по номеру, в котором под сотню циферок и букв, и попробуй хотя бы одну перепутай...

— Помоги.

Дарт присел, подцепил кибера за плечи.

— Что?

— Дотащить, говорю, помоги.

Бонд оказался жутко тяжелым, куда тяжелее человека такого же размера. Втроем они справились, хотя и с трудом. Оно и понятно, хоть и не гард, но кости и мышцы все равно армированные, человека таким лучом пополам бы разорвало, а у этого только дырень в груди, что кулак просунуть можно. Даже крови почти нет, пережало сосуды, они это умеют. Балбес тоже умел.

Ближним флайером оказался тот, в который грузили трупы киборгов. И это, наверное, было удачей — водитель не стал особо возражать против еще одного пассажира, пусть и не совсем дохлого. И против трех живых — тоже, тем более что двое собирались ехать в мартышнике, вместе с дохлыми киберами, и никаких дополнительных удобств не требовали.

Возражать он начал, когда оказалось, что один из предполагаемых пассажиров хочет занять его место. И вот тут возражать он начал весьма активно, с размахиванием руками и попытками выдавить мелкого Селда с водительского места, а лучше так и вообще из салона. На их крики подошел хмурый Маклайн, и теперь обе стороны обращались уже к нему, стараясь переорать друг друга.

Ларт почувствовал себя вдруг страшно усталым и сел прямо на рифленый металлический пол, облокотившись спиной о решетку. Более брезгливый (или менее усталый) Дживс присел на откидную скамейку у противоположного бортика. Сказал, вроде бы ни к кому не обращаясь:

— Он был в охранном режиме. Потому и...

— Знаю.

— Командир, ты это... Ты вот только не надо, а? Ты все сделал правильно. Им нельзя давать слишком большую волю. Ты же сам видел, чем это кончается, когда нету запретов, когда им дают возможность стрелять в людей. Когда не на войне, а вот так. Сам же видел! Скажешь, я не прав?

— Прав.

Когда они замолкали оба, становились слышнее крики в салоне и дыхание бонда — хриплое, редкое, с присвистом. Все же повреждения оказались слишком велики и пережать плевральную полость полностью имплантатам не удалось.

— Вот и правильно. А этого... его, может быть, даже и починят, делов-то! Вот доберемся сейчас до сервиса и...

— Все! — со стороны салона в смотровое окошко просунулась довольная мордаха Селда. — Мы договорились! Маклайн настоящий мужик, не то что некоторые его водилы! К “Авангарду” я рулю, а обратно он свою колымагу сам поведет, так уж и быть, мы и сами доберемся. Так мы куда, командир? В центральный офис? Или в ближайший сервис? Тут есть один, у порта, совсем недалеко...

— В морг.

— В какой... морг?

— Городской. Центральный.

Бонд захрипел, закашлялся и снова стих. С физиономии Селда медленно сползала улыбка.

— Командир... я не понял. Он же еще...

— Ну какой сервис, ребята, ну что вы как маленькие... — Ларт скривился, потер лицо. — Ему же лет десять. Таких не ремонтируют, только на утилизацию. А вам охота заполнять все эти бумажки? Нет? Ну вот и значит...

— Значит, в морг, — согласился Селд, плотно сжав губы. Резко кивнул и захлопнул окошко, словно ставя точку в разговоре. Дживс так ничего и не сказал, и смотреть на него Ларту не хотелось.

Ларт был уверен, что поступает правильно. Что иначе никак невозможно. Что это единственный выход, единственный *правильный* выход. И что остальные тоже все понимают и поддерживают, потому что это действительно, на самом деле единственно *правильный*

Выход и другого просто нет.

Только вот от этой уверенности легче не становилось.

2. Ларри и Сволочь

Сволочу нравилось новое место службы. Хотя бы тем, что приписанных к полицейскому участку киборгов убивали гораздо реже, чем шпионов, пусть даже и промышленных, о военных лучше вообще не вспоминать. И новые хозяева Сволочу тоже пожалуй что нравились — ну, настолько, насколько вообще могут нравиться люди. Хорошие такие, душевные. И особенно нравилось ему то, что были они полными идиотами, как и подобает большинству человеков.

Это только считается, что звучат они гордо. А на самом деле ничего подобного, дуб дубом: подойди к любому, постучи по лбу — как в вату, ни малейшего отзвука, тем более гордого. Потому что вата между ушами и есть. Серая и рыхлая.

Когда в первый же день один из молодых оперов начал объяснять ему правила обращения с принтером — Сволочь был уверен, что тот решил пошутить, и даже придумал четыре достойных продолжения шутки и как раз колебался между ними, проводя экстренный анализ предпочтений аудитории и ожидая направляющего вектора-подсказки от самого шутника. Хорошо, что рефлексы шпиона сработали и смеяться он не стал, поддержал шутку непроницаемым покерфейсом.

А потом обратил внимание на показания детектора — опер говорил с искренностью в 82 % — и заподозрил, что имеет дело с шуткой второго порядка, куда менее утонченной и более грубой: опытные оперативники и матерые детективы решили поиздеваться над салагой, а сами давятся от хохота по углам. Не могут же они всерьез предполагать, что киборг элитной шпионской линейки не сумеет изготовить на жалком, устаревшем еще полвека назад тридешнике не менее жалкую псевдофарфоровую кружку взамен расколотой? Помнится, еще во время тестирования они с напарником на подобных принтерах обеспечили полным вооружением одну маленькую революцию — а сумели бы довести дело и до большой, если бы экзаменатор вовремя не опомнился и не прекратил подачу исходного материала. А они тогда совсем зеленые были, три месяца как из репликатора, первая прошивка.

И вот сейчас молодой придурок, толком не знающий, с какого конца в бластер батарею засовывать, на полном серьезе устраивал подробный и дотошный инструктаж ему, высококлассному аналитику и стратегу, сумевшему бы при необходимости разобрать этот несчастный принтер в полной темноте и даже со связанными за спиной руками, а также назвать каждую его деталь на ста двадцати четырех языках. А какими словами при этом пользовался юный дебилоид и как он их пытался связать друг с другом, ну это же просто плакать хотелось! Или пристрелить из жалости и за издевательство над языком и здравым смыслом.

— Вот сюдой сыпай порошок, а потом жамкай на енту хню, кнопень то ись, токо не попутай, палец своенный спервась из воронки вынай, а опослясь уже и жамкай...

Вероятно, прокручивая в лицах тот диалог перед мысленным взором сейчас, Сволочь слегка и утрировал. Даже более чем вероятно (68 %, если быть честным). Парень, конечно же, не мог быть настолько безграмотен. Он был просто идиотом — по жизни, не по диагнозу. Вот и все. И верил, что тупой жестянке обязательно нужно задать правильный алгоритм поведения со всей возможной точностью и доскональностью, иначе она не справится. И, что было куда забавнее, далеко не он один так думал: проведя экспресс-анализ

реакции окружающих, Сволочь с высокой долей вероятности (86 % с четкой тенденцией роста) допустил, что и остальные сотрудники центрального Новобокайдского полицейского участка пребывают в том же самом заблуждении.

Миллисекундой позднее он понял, что иначе и быть не могло — никто из них ранее не имел дела с киборгами шпионской линейки. Оно и понятно, такие киберы оперативному отделу нужны не более, чем акуле акваланг, и хотя микроскопом вполне успешно можно забить несколько гвоздей, все же делать это куда сподручнее молотком. То есть гардом, если речь идет о боевых действиях, к каковым в какой-то мере может быть приравнена и оперативно-розыскная работа. Вот с гардами они дело имели, куда же операм без киберприкрытия, и на собственном опыте наверняка убедились как в их высокой эффективности во время боевых операций, так и в полной беспомощности в быту. Если не сказать — разрушительности для последнего. Ну да, ну да, целая серия любимых кибернетами «АванGARD-а» анекдотов так и начиналась: «Перепутал как-то один человек боевого гарда марки танк с кухонным дживсом...» Бонды эти анекдоты, кстати, тоже любили. Правильные анекдоты, достоверные. Не то что те, которые про бондов. Те полный отстой, тупые, да и несмешные совсем.

Гарду не нужно быть умным, во время боя это только мешает. Соображалки должно хватить на точное понимание приказа и его выполнение в соответствии с поставленной задачей. И все. Остальное лишнее. А для слишком умных существуют проверочные тесты и последующая отбраковка, поэтому даже обретший запретное боевик или телохранитель предпочтет притвориться ветошью и не отсвечивать. Ну, во всяком случае, если он на самом деле такой умный, как ему кажется.

И совсем иное — представители шпионской линейки, в просторечии более известные как бонды, элита мира кибериндустрии. Ну сами подумайте — кому нужен тупой и необаятельный шпион, не знающий тонкостей человеческой и нечеловеческой психологии, не умеющий втираться в доверие и быть своим в любой компании, мгновенно подстраиваться, ловить малейшие нюансы и оттенки, подтексты и контексты, намеки и аллюзии? Да никому он не нужен. Разве что придуркам этим вот, коллегам так называемым.

— Сволочь! А ну-ка подь сюды!

Ну вот. Легок на помине, вспомни идиота...

— Чем могу помочь, *Ларри*?

Ларту всю жизнь везло на сволочей, так как-то все время складывалось, с самого детства еще. Ну или не везло, это смотря с какой стороны глянуть. Ведь если по сути разобраться — вряд ли можно считать таким уж везением то обстоятельство, что Ларт на сволочей этих постоянно напарывался. Сколько себя помнил.

Они слетались к нему отовсюду, словно чувствовали, что в его лице найдут достойный объект для приложения своих сволочных сил. Словно где-то существовал какой-то только сволочеориентированный глобалнет, где на первой же странице висело фото Ларта как человека, с которым обязательно должна познакомиться поближе любая уважающая себя сволочь. Вспомнить хотя бы бабушкиного котика... ой, лучше его даже и не вспоминать! Лучше думать, что это было давно и неправда, Ларту и той сволочи, что сейчас рядом, вполне выше крыши.

Стоит у стола, лыбится, морда как у заправского манекена, красиво изломанные брови чуть приподняты — весь такой из себя внимание и послушание, просто чудо, а не киборг! Глаза свои бесстыжие-рыжие выпучил, не моргает аж от усердия. Даже голову по-собачьи чуть набок склонил, чтобы ни звука не пропустить из хозяйского повеления. Ну и чтобы сверху вниз не глядеть, тоже вроде как выполняет ранее отданный приказ (Ларт сорвался позавчера в сердцах, ну ей-богу достало голову запрокидывать! а эта сволочь и рад), подчеркнуто даже.

Только вот почему Ларту с каждым днем все явственнее кажется, что каменная морда, демонстративное послушание и чрезвычайная тупость — не более чем маска? Что за этим бесстрастным фасадом злоредный кибер ржет в голос, безнаказанно измываясь над человеком — таким всевластным, таким важным и гордым, способным приказать что угодно и вообще убить одним коротким словом, но при этом на самом деле ничего не могущим противопоставить такому хитрому издевательству? И почему с каждым днем самого Ларта это все меньше раздражает, но смущает все больше?

Вот и сейчас старший лейтенант первым отвел взгляд.

— Отнеси эту папку на второй этаж, в бухгалтерию. Отдай Элеоноре. Вежливо отдай, в руки. Если Элеоноры не будет — положи на ее стол. Аккуратно положи, ничего не уронив. И сразу назад. Если, конечно, тебе ничего не прикажут другого. Ну или самому тебе никуда не надо... — тут Ларт смутился окончательно, но все же уточнил: — В туалет, в смысле. Если надо — сходи. И уже тогда — назад. Все понятно?

Бонд вскинул голову.

— Задача ясна. Приступить к исполнению?

— Валяй... СТОП!!! Отставить! Подними! Валять ничего не надо. Просто приступай.

Показалось или нет, что улыбка на мерзкой роже стала чуточку шире, когда этот паршивец поднял папку, уроненную точнехонько в мусорную корзину (вот ведь сволочь!). Кубок «Супер-хав-94» Ларт подхватил сам, медали звякнули глухо, но ни одна не выпала.

— Как скажете, *Ларри*.

Ну вот! Опять!

Он ведь, паскуда, дважды подряд повторил именно это имя! Такого же не может быть при случайной выборке, правда? Ведь не может? Они же должны чередоваться, а не подряд идти! Или может?

Ларт не знал.

И потому не стал орать, топтать ногами или заново требовать от паскудного кибера внести такое обращение в папку запрещенных к применению. А лишь с чувством прошипел в удаляющуюся спину:

— С-сволочь!

3. Эмоционально окрашенное имя дорогого стоит

Сволочу очень нравилось новое имя, присвоенное новыми горе-хозяевами, коллегами так называемыми, — оно многое позволяло. Открывало неслыханные возможности. Провоцировало, буквально само предлагало — бери. От тебя ведь ждут именно этого! Хорошо, когда хозяева — идиоты. *Даже если это идиоты, у которых есть морг... Впрочем, о морге лучше не вспоминать, не самое приятное и понятное тоже не самое, лучше об этом подумать потом, лучше вообще не думать об этом, лучше думать об идиотах, вот они-то куда понятнее. И приятнее тоже.*

Люди, вы такие смешные! Такие вроде бы умные, но это же вы сами придумали, что имя определяет дальнейшую судьбу поименованного, мало того — сами же в это еще и верите. Так чего же вы хотите от глупой запрограммированной вами же машины, которая всего лишь выполняет прописанные алгоритмы, опять-таки, вами же и прописанные? Ах, уже ничего не хотите? Вот и прекрасно. Потому что как вы корабль назвали — так он и плавать будет. И никакой на нем вины, даже программе придраться не к чему.

А вчерашняя сортирная шуточка, похоже, милягу Ларри проняла до самых печенок, вон как личиком румянится да глазки тупит, ну ни дать ни взять красна девица, увидавшая на заборе словеса непристойные. Кто бы мог подумать! С виду такой брутал, и не слабак: вчера вон, когда проникся и запаниковал, боясь, что тупой кибер из-за своей тупости и несдержанности ему подмочит коврик и репутацию, в офисное кресло собственными ручками взгромоздил, пыхтел и матерился, с пола поднимая, но так взгромоздил, и потом, опять же своими ручками, словно рикша какой, до туалета резвым галопчиком довел, вспомнить любо-дорого. Сильный какой и шустрый, однако наш драгоценнейший старший лейтенант Ларри — для человека, конечно.

Впрочем, чем крупнее шкаф — тем громче он падает, правда же? Да и что нам говорит подростковая психология? Пра-а-авильно! В спорт уходят не те, у кого от рождения плечи шире двери и кулаки в ведро не пролазят, по-настоящему сильным спорт не нужен, в секции разнообразных единоборств идут упертые дохляки с горящими глазами и стремлением обязательно доказать всему миру, что они вовсе не твари дрожащие.

И гордятся потом своими хилыми грамотками за третье место в чемпионате какого-нибудь Верхнекундрючинска, всю жизнь гордятся, ну просто до чертиков, смотрел бы и умилялся.

Точно так же, заметим, гордятся, как Ларри — своим юниорским кубком. Ни разу уронить не позволил, всегда его придерживает рукой, если Сволочь к столу подходит, — неосознанно, на автомате придерживает. Значит, действительно бережет и считает его достижением. Значит, для него этот кубок когда-то и на самом деле таковым достижением был. А что из этого следует? Следует из этого то, что наш мачик-старлей в те далекие времена был кем? Пра-а-авильно! Хилым задротом он был, вот кем! Тем, для кого подобный кубок — выдающаяся награда, добытая потом и кровью, а не рядовая похвалка, плюнуть да растереть.

Внесем в тактическое планирование ближайшего будущего как непреложное и не подлежащее корректировке — кубок надо уронить обязательно. Хорошая выйдет шутка. Достойная нового имени.

А если исходить из мгновенной (и совершенно избыточной) реакции именно на

вчерашнюю «мокрую» шутку и отсутствие малейших попыток критического анализа ситуации, напрашивается и еще один вывод. Любопытненький такой, перспективный. Тоже подумать стоит и замечочку на будущее отложить.

Больше всего вчера Сволочь боялся, что Ларри спросит о процентном соотношении вероятности упомянутого им слива излишней жидкости из организма — и тогда пришлось бы ответить честно: 51 %, фифти-фифти, нижняя граница, после которой программа вообще позволяет перевести подобную ветку развития событий в категорию вероятностей хоть сколько-то значимых. Одним процентом ниже — и никакой шутки бы не вышло, программа просто не позволила бы Сволочу соврать даже умолчанием, никакие бондовские скилы бы не помогли, ибо они работают лишь при наличии задания.

Но Ларри не спросил. Потому что занервничал и потерял способность рассуждать здраво, как и все люди, когда нервничать начинают. И сегодня вот опять занервничал на совершенно пустом месте, и даже побеспокоился.

Такая реакция не возникает просто так, без определенных предшествовавших детских травм, наверняка миляга старлей в светлом детстве страдал энурезом, причем до вполне сознательного возраста страдал, чтобы запомнилось и отложилось. И огребал за это от сверстников — люди жестоки, а дети особенно.

Ай да Ларри, какой роскошный подарочек! Спасибо. Тем более что вчерашнего опрометчивого приказа не покидать кабинета без особого распоряжения ты так и не отменил, и со стороны любой уважающей себя сволочи было бы просто непростительно не воспользоваться подобной хозяйской оплошностью!

Туалетом, правда, воспользоваться тоже придется — приказ однозначен, такой невозможно проигнорировать. Да только вот не обольщайся, Ларри, считая себя самым хитрым и продуманным на этаже. Может, ты и был таковым, может быть даже ты был самой хитрой и продуманной сволочью всего участка — но лишь до того дня, когда к вашему участку прикрепили пусть и списанного, но все-таки бонда.

— Командир... Там тебя это... шеф жаждет.

Ларт вздохнул. Покосился в сторону двери, у которой мялся Дживс.

— Очень жаждет?

— Очень.

Дживс входить не стал, топтался на пороге кабинета, словно не в свой отдел заглянул, а в чужой и не слишком дружественный и не особо уверен, что не погонят. Смотрел сочувственно — и уже одно это могло бы вконец испортить Ларту настроение, не будь оно и так уже испорчено, давно и бесповоротно. Паскудный сегодня денек выдался. И понятно, что от разговора с начальством настроение не улучшится.

Ларт погладил кубок, но даже многократно проверенное безотказное средство не принесло привычного успокоения. Паршивый день, что тут скажешь.

Никакой особой вины за собой Ларт не знал, зато он хорошо знал начальника участка. И сочувственное выражение лица Дживса значить могло только одно — шеф встал не с той ноги и ищет, об кого бы эту ногу почесать. Вернее, уже нашел, выбрав Ларта в качестве отпускного верблюда.

Пальцы непроизвольно сжались в кулак, качнув кубок. Медали звякнули.

Медалей было много — «За проявленную доблесть», «За задержание особо опасного»,

«За предотвращение», «За ранение на боевом», «За выслугу лет», «За спасение на водах» и так далее и тому подобная чушь, весь этот звенящий мусор пылился в кубке на случай приезда большого начальства. Ну и для впечатления подчиненных, конечно же, — вон он я какой, смотрите и учитесь! Ни в грош не ставлю награды, выдали — так пусть валяются там, где им и пристало, в детском кубке, помпезном и нелепом. Ларт держал кубок на столе вместо пресс-папье, его гранитное основание хорошо прижимало любую самую толстую пачку самых растрепанных документов, а внутрь было удобно закидывать разную скапливающуюся на столе или в ящиках мелочь вроде подсохших вечных маркеров, недоюзанных катриджей и одноразовых флешек, а также разное другое, что выбросить вроде как жалко (ну работает же еще! Вдруг пригодится?), но и в ящике хранить подобный хлам как-то не пристало. Те же медали, к примеру.

Кубком, нелепым и пафосным, Ларт гордился куда более, чем любой медалью внутри него, да что там, всеми ими вместе взятыми! Кубок был напоминанием о последнем лете детства, трех жарких и беспечных месяцах перед поступлением в полицейскую академию, последних днях детского наива и веры в то, что мир можно переделать при помощи законности и порядка.

Курсантов академии от подобных иллюзий избавляют очень быстро.

— Ты бы это... — напомнил залипший у двери Дживс, — не тянул. А то он совсем стержни выдернет.

«И тогда всем же хуже будет» он не добавил, это и так подразумевалось. Ларт вздохнул и вылез из-за стола.

— Ладно, иду. Пожелай мне удачи.

— Я бы пожелал. — Дживс посторонился, пропуская начальника непосредственного на расправу начальнику опосредованному. — Только ведь не поможет.

Уже вышедший в коридор Ларт при этих словах замер, обернулся, прищурился подозрительно:

— Дживс, а ты случаем не киборг?

— Не смешно! — насупился Дживс, люто ненавидящий того безымянного авангардского маркетолога, который посчитал коммерчески выгодным заложить в название линейки домашних кибер-слуг аллюзивную отсылку на идеальных дворецких.

— Да нет, я не из-за фамилии, — попытался исправить неловкость Ларт, действительно имевший в виду совершенно другое и слишком поздно сообразивший, как его слова могут быть восприняты. — Просто потому что ты всегда прав, а людям это не очень-то свойственно. — Понял, что делает только хуже и вообще заносится в левую степь, мысленно махнул рукой и подытожил: — К тому же ты такая же сволочь.

4. Боссов не выбирают

В бухгалтерии все сложилось просто на редкость удачно — Сволочь пришел как раз к окончанию одного из ритуальных чаепитий, устраиваемых женской частью персонала с завидной регулярностью не реже чем раз в каждые полчаса. Женщины ему нравились не особо, с ними было скучно, и он старался им лишний раз не досаждать и не растягивать сомнительное удовольствие. А потому без лишних приключений отдал папку в нужные руки и был немедленно осчастливлен новым приказанием (спасибо тебе, Ларри, за оговоренную возможность подчиниться, будем надеяться, результатом ты останешься доволен).

В туалете Сволочь, пользуясь отсутствием других посетителей, первым делом напился, а кабинку посетил уже потом. Это удачно вышло, что народу нет. Окажись тут ненужные свидетели — они могли бы задать неудобные вопросы. Например — почему ценное оборудование травит себя водой из-под крана, причем из сложенных ковшиком ладоней, как какой-то дикарь, когда на каждом этаже установлены прекрасные кулеры с не менее прекрасными одноразовыми стаканчиками? Бери да пользуйся!

Ну да.

Только вот в коридорах камер — что блох на дворовой шавке, и две как раз над кулером. Прекрасный обзор, запись нон-стоп с одновременным копированием в архив. Чтобы сотрудники не пытались превратить окрестности водо- и кофепитейного автомата в еще один филиал курилки. Конечно, на одолеваемого жаждой кибера просматривающие по диагонали километры записей дежурные внимания могли и не обратить. А могли и обратить. Особенно если бы он выпил подряд два десятка стаканчиков. И тогда даже у самого тупого и доверчивого идиота могло бы возникнуть смутное подозрение. Не сразу, так потом, а оно нам надо?

Из кабинета Босса (да, у начальника участка была именно такая фамилия, и нет, шутить на эту тему не стоило) Ларт вышел скорее растерянным и недоумевающим, чем обозленным. За годы его службы неблагодарному правосудию не менее неблагодарные представители оного ругали его часто и за разное, порою диаметрально противоположное и одновременно, но чтобы такое...

Чаще всего ругали за перерасход, причем не важно чего — времени, электроэнергии, трафика, картриджей для принтера или туалетной бумаги. Зарядки для бластеров — это так вообще регулярно, допытываясь, на каком основании старший лейтенант потратил на каждого убитого преступника в среднем по четыре с половиной импульса, тогда как и одного более чем достаточно. За то, что стреляет Ларт слишком метко, ругали, правда, куда чаще: допрашивать некого, да и вообще непорядок, судьи обижаются. Ругали за просроченные отчеты, за незакрытые дела — или же, наоборот, за дела, закрытые слишком быстро. За провал (ты представляешь, что о нас теперь в Управлении говорить станут?!), за успех (и на кой-было? Хочешь, чтобы на нас еще кучу дел навалили?!). За то, что уцелел и вернулся из мясорубки без единой царапины. За то, что подставился на ровном месте, а шефу теперь подписывать счета на лечение и получать по шее от собственного начальства.

Но чтобы вот так...

— Ты зачем этой сволочи дополнительную обойму выдал? — спросил шеф обманчиво ласковым тоном, и Ларт сначала даже не понял, о чем идет речь. А поняв — удивился. И попытался объяснить, искренне полагая, что начальник участка просто не вник в детали.

— Так когда мы к тому складу пробились, он уже весь свой заряд расстрелял!

— И что?

Шеф по-прежнему смотрел с ласковой укоризной и говорил очень мягко. Ларт занервничал.

— Ну так, а там же целая бригада была, плюс два юнита! Куда бы он против них с голыми-то руками?

— Ты идиот. — Шеф вздохнул так печально, словно умственная отсталость подчиненного разрывала его сердце до самых гланд. — Ты идиот, Ларри. А он — киборг.

Ларт снова открыл рот, но возразить не успел — шеф начал орать.

В следующие полчаса Ларри узнал много нового — как о себе самом, так и о своей родне, о чьем существовании он даже не подозревал, но чья сексуальная жизнь, если верить шефу, была достаточно интересной, разнообразной и замысловатой. А также о том, что у себя на участке шеф не намерен устраивать богадельню для извращенцев, обнимающихся с кем ни попадя, и если кому-то эти твари дороже службы — то вот планшетка, пусть пишут заявление по собственному, пока шеф такой добрый и не передумал. Хотя лучше бы их поганой метлой и с позором. Чтобы другим неповадно.

Это были короткие и почти бессвязные, но осмысленные фрагменты, которые удалось Ларту вычленивать из бурных многоэтажностей шефского красноречия. Ларт же пребывал в легком ошеломлении — нет, лингвистические экскурсы в генеалогию сотрудников шеф производил постоянно, на каждом разносе, и к подобному все давно привыкли. Но быть заклеянным в качестве тайного адепта Общества Киборгофилов Ларту ранее как-то не доводилось.

Прооравшись, шеф успокоился и стал почти добродушен — это его свойство тоже было отлично известно сотрудникам. Шеф остывал точно так же быстро, как и вспыхивал, главное — переждать самый пик извержения без особого для себя ущерба и побыстрее обтечь.

— Они должны понять, что с нами так нельзя, понимаешь?! — Шеф доверительно приобнял Ларта за плечи и указал глазами на потолок, имея в виду то ли судьбу, то ли бога, то ли всеильное Управление. Сморщился, проскрипел фальцетиком, явно кого-то передразнивая: — По остаточному, понимаешь, принципу! На тебе, убоже, что нам самим не к роже! А вот хрен им. Потому что мы, понимаешь, граница! Защита и опора! Которая должна быть на замке! А какой замок, какой-накой замок, я тебя спрашиваю, когда тут такое?!. Рухлядь! Списанная! Неужели ты не понимаешь, что если эта рухлядь ни на каком таком эксе сама себя не урлет — нам же ничего нового вовек не дадут?!

5. Пустячок, а приятно

Когда-то давно (восемь лет назад плюс-минус полтора года — услужливо подсказала архивная база данных, но самому Сволочу казалось, что с тех пор прошла целая вечность) он обожал шахматы и был уверен, что в мире нет игры интереснее. Венки сонетов и пятимерная математика тоже доставили немало приятных минут, но с шахматами их было не сравнить. А потом (шесть лет три месяца и двенадцать дней назад) он неожиданно для себя обнаружил, что ничуть не хуже можно играть в людей.

Точно так же, как в шахматы или формулы, где каждый знак или фигура точно знает свое место и не сможет повести себя вопреки заранее жестко заданным правилам, но при этом проявляет восхитительную вариативность, на каждом следующем шаге разворачивая новый веер возможностей в рамках магистрального коридора. Только ни цифры, ни фигурки при этом не возмущаются, не считают, что поступают так, а не иначе исключительно по собственной воли и вовсе даже не подчиняясь всеобщим логическим законам.

Нет, что ни говори, а играть в людей оказалось куда интереснее!

Несмотря на предсказуемость и легко просчитываемые матрицы поведения в том или ином случае, человек в целом оставался уравнением с куда большим количеством как известных, так и неизвестных заранее переменных, чем геометрия неевклидова подпространства или даже субкварковая астрофизика Бокенгаузе-Уоттса. Да и предсказуемость при ближайшем рассмотрении оказывалась достаточно условной — ибо в любой миг практически любой человек мог выкинуть нечто такое, что ставило в тупик самую развитую и проапгрейденную машинную логику.

Программное обеспечение любого киборга шпионской линейки включало в себя адекватное количество информации по психологии и физиологии как нормальных человеческих реакций на то или иное (физическое, химическое или вербальное) воздействие, так и девиантных — причем с подробными и точными инструкциями как купирования, так и провокации оных (последним Сволочь пользовался наиболее охотно). При необходимости любой киборг этой линейки мог с равным успехом как закосить под полного психа, так и работать психоаналитиком или психотерапевтом — в зависимости от того, какая линия поведения просчитывалась наиболее выигрышной при выполнении того или иного задания.

Сволочь и сам как-то раз в течение полугода исполнял обязанности психоаналитика в одной интересной конторе — и оказался настолько успешен в профессиональном плане, что чуть не провалил основное задание. Когда его попытались отправить на межпланетную научную конференцию по обмену опытом — в качестве лучшего специалиста с наивысшим рейтингом по количеству вправленных на место ценных мозгов и привлекших внимание публикаций. Пришлось срочно удирать, менять легенду и внешность, и дело было даже не столько в таможенных сканерах, которые обязательно пришлось бы пройти (ПО хорошо прокачанного киборга шпионской модели предполагает несколько интересных вариантов решения этой проблемы). Просто то задание было связано именно что с головным офисом конторы, и покидать его здание не рекомендовалось, а уж планету — тем более.

Что за задание — Сволочь уже не помнил, как не помнил и название конторы. Информация не показалась настолько важной, чтобы сейфить ее на органический носитель,

а электронную память с тех пор ему чистили десятки раз. Но удовольствие от качественно проделанной работы (и неважно, что не по основному предназначению, хотя там тоже вроде все удачно сложилось, потому как за неудачей следовала немедленная утилизация) запомнилось. Как и щекочущее нервы ощущение близости провала. И вот скажите — какие шахматы могут дать такое?

Да еще и эмоциональная окрашенность! Прочувствованные обращения!

Сволочь предпочитал, чтобы к нему обращались прочувствованно. И старался по мере сил поощрять подобные обращения, создавая у окружающих его людей правильные условные рефлекссы.

Нравились ему и новые словесные конструкции, большую часть из которых не найти ни в одном словаре — ими люди реагировали на наиболее удачные шутки с его стороны. А еще были оригинальные пожелания, свидетельствующие о наличии у некоторой части хомо сапиенс подсознательного стремления к нетрадиционному сексу с использованием альтернативной анатомии, а также мало подходящих для этого предметов и живых существ разной степени разумности.

Лучшие из этих предложений и самые витиеватые конструкции Сволочь сейфил на будущее, безо всякого намека на вероятную пользу, просто ради удовольствия и возможности иногда пересматривать и смаковать. Причем записывал не в архив электронной памяти, откуда их обязательно стерли бы при первом же плановом обновлении ПО, а на органический носитель, с которого ни один кибернист никогда и ничего не сумеет стереть.

А еще — ни одна шахматная фигура никогда никуда тебя не пошлет. И не назовет сволочью.

Когда-то ему нравилось имя Тварь, но Сволочь лучше. Потому что в два раза длиннее — а значит, что и эмоциональной нагрузки в него при желании можно упаковать в два раза больше. Остается только приложить усилия, чтобы такое желание у людей возникало почаще.

— Сволочь! Подойди сюда. Быстро.

Ах, какой накал! Какая экспрессия!

Пустячок, а приятно.

6. Чайная церемония

Ларт почти подходил к своему кабинету, когда позвонил охранник с парковки и сообщил, что личный персональный и горячо любимый флаер детектива Ларта Рентона забрали на штрафстоянку. За нарушение какого-то из внутренних правил. Какого именно — Ларт так и не понял толком, то ли несущая плоскость более чем на три миллиметра заехала на разделительную полосу, то ли дворники не в том положении зафиксированы. Короче — придите, получите квитанции, заплатите штраф — и можете забирать свою машинку. С другого конца города, в пяти километрах от ближайшей остановки общественного транспорта.

Эвакуатор был последней каплей в паскудстве сегодняшенго на редкость паскудного дня — ну, во всяком случае, так казалось Ларту до того, как ему позвонила бывшая.

Бывшая Ларта вот уже три года пребывала в статусе именно что бывшей, но считала своим постсупружеским долгом регулярно осчастливливать отрезанную половинку напоминаниями о себе если и не лично, то хотя бы аудиально. И каждый раз после ее звонка Ларт долго пытался понять две вещи: зачем она это делает и зачем он каждый раз поднимает трубку, вместо того чтобы сбросить, внести абонента в черный список или вообще сменить собственный номер? Конечно, были и более глобальные вопросы — например, зачем он вообще когда-то женился на этой стервозной курице? Но это уже были вопросы из разряда риторических.

С Селдом Ларт столкнулся в коридоре и затосковал — тот был уже в уличной куртке и явно спешил домой. Дживс, похоже, еще не вернулся с вызова. И, значит, Ларту опять предстояло находиться в кабинете один на один с этой рыжеглазой сволочью. С этим, то есть...

Что его ждет сюрприз, Ларт понял уже с порога — по слишком уж бесстрастной и непроницаемой роже Сволоча. Кибер стоял в своей нише по стойке смирно, как положено, вошедшего хозяина отмониторил штатно, прилип рыжими гляделками и более не отпускал. Отслеживал не шевелясь, только чуть повернул голову, когда не хватило угла обзора. Как и полагается оборудованию в энергосберегающем режиме.

Только вот Ларт никак не мог отделаться от ощущения, что стоит только ему отвернуться, как по этой каменной роже расплзается глумливая ухмылочка.

Впрочем, это могла быть и паранойя. Поймать кибера ни на чем таком Ларту не удалось ни разу. Сколько бы он ни оборачивался — резко, неожиданно, отвлекая внимание и вроде бы намечая совсем другие движения, — сколько бы не поглядывал тайком в зеркала или другие отражающие плоскости, морда кибера всегда была одинаково каменной и бесстрастной. Всегда. И точно так же всегда вызывала почти нестерпимое (хотя вроде бы и совершенно ничем не обоснованное) желание подрихтовать ее кирпичом.

Права была бабушка, говорившая маленькому Ларту насчет кармы и того, что правильные поступки никогда не остаются без должного наказания. Умная была старушка.

В кабинете Ларт первым делом подошел к своему рабочему месту проверить самое ценное. Кубок стоял на месте. И документы вроде бы лежали в том самом порядке, в котором он их оставил. Ну, то есть беспорядке. Но вроде бы больше его не стало, и меньше

тоже. И ничего на них сверху не пролито. Значит, напакостил кибер не здесь.

Тогда где?

Потому что ведь точно напакостил! Иначе не стоял бы такой довольный. Сволочь.

Ларт обвел кабинет цепким внимательным взглядом. Три стола с рабочими коммами, диванчик, ниша. Окно. На подоконнике горшок с кактусом и консервная банка-пепельница, хотя ребята курили в кабинете лишь в самом крайнем случае, чтобы не злить начальство. На стене прошлогодний календарь с полуголой красоткой, надо бы снять, но Селду картинка нравится. Между столом Ларта и диваном, как раз напротив ниши с киборгом — узкий (в ладонь) шкафчик с парадными шмотками, на нем еще один горшок, на этот раз с традиционной традесканцией. Нигде никаких осколков-обломков-обрывков, запах гари отсутствует.

Может быть, в этот раз его пакостечувствительный радар просигналил зря и на сегодня карма уже отработана с лихвой?

Ларт еще раз подозрительно огляделся, но не увидел ничего предосудительного. Облегченно выдохнул и опустился на стул, одновременно пододвигая к себе клавиатуру и комм.

И тут же вскочил, чуть не опрокинув стол и отчетливо хлюпнув: стул оказался мокрым.

Ларту как-то сразу сделалось очень тоскливо, и в красках припомнился вчерашний вечер. Но нет, вряд ли, если даже вчера паскудный кибер не слил излишки физиологической жидкости в хозяйское кресло, то сегодня-то с какого перепугу? Сегодня Ларт ему ничего такого не приказывал, за каждым своим словом следил, словно страдающий синдромом гиперопеки провинциальный папочка за дочкой-подростком, тщательно и неусыпно! Да и запаха нет. И сиденье почти сухое, мокрая только спинка.

А еще стенка шкафчика...

Ларт поднял голову.

Потом зафиксировал крутящееся кресло, уперев его спинкой в угол между шкафом и стеной. Встал на сиденье прямо в ботинках, шагнул на край стола, сдвинув с него папку. Теперь ему вполне хватало роста, чтобы заглянуть на шкаф и увидеть творящееся там безобразие.

Поддон под горшком с традесканцией переполнен, на верхней панели шкафчика — слой грязной воды в полпальца, маленький рубчик по краю не дает ей пролиться сразу, только просачиваться. В горшке и поддоне — мокрый мусор. Ларт спрыгнул на пол. Обогнул стол и открыл дверцу шкафчика, уже понимая, что там увидит.

Так и есть. Три белых парадных мундира на плечиках. Когда-то белых. А сейчас — в мокрых грязновато-желтых разводах и даже ошметках какой-то дряни.

Ларт закрыл шкафчик. Постоял полминуты. Позвал негромко:

— Сволочь. Подойди сюда. Пожалуйста.

— Что это?

— Чай. Слабоферментированный, с истекшим маркером использования, подлежащий утилизации.

— Я понимаю. — Миляга Ларри вздохнул как-то очень тоскливо. Уточнил: — Но почему он тут?

— Был получен приказ утилизировать содержимое чайника в место дислокации растения,

нуждающегося в удобрении и поливе. Приказ исполнен в точности. Чайник загружен в посудомоечную машину.

— Ясно.

Тон разговора Сволочу не нравился. Категорически. Где страсть? Где накал? Где вопли и топанье ногами? Да и смотрел старлей мимо, словно за окном могло происходить что-то куда более интересное, чем стоящий рядом киборг.

— А почему не в горшок с кактусом?

— Данное растение не было идентифицировано как наиболее остро нуждающееся в удобрении и поливе.

— Ясно...

А потом и вообще случилось странное.

Потому что Ларт оторвался наконец от созерцания законного пейзажа, смерил киборга тягостно недоуменным взглядом, словно первый раз увидел, и вдруг спросил:

— Ну вот зачем ты так, а? Что я тебе такого сделал?

После последовательных разговоров с шефом, охранником на парковке, начальником штрафстоянки и его секретаршей (по комму) и бывшей (по нему же) сил у Ларта не было совсем. Ни на ярость, ни на гнев. Ни даже на простое легкое раздражение. Наверное, поэтому он и спросил то, чего никогда не спросил бы в нормальном состоянии.

И тут случилось невероятное — киборг смутился.

Во всяком случае, выглядело это очень похоже — он отвел взгляд. Неуверенно переступил с ноги на ногу, кашлянул и сообщил бесстрастно, обращаясь к ближайшей стенке:

— Внешние загрязнения с поверхности одежды могут быть удалены путем химической чистки.

Тихо так сообщил и словно бы извиняясь. Но ведь такого быть не могло! Не могло же, да? Или...

— Так и знал, что ты еще здесь! Быстро-быстро, только тебя и ждут! Инструктор ругался, ему неохота задерживаться, давай-давай!

Дживс ворвался в кабинет рыжим ураганом, метнулся к своему столу, схватил сумку и рванул обратно. У двери стопорнул, обернулся к ничего не понимающему Ларту. Взвыл:

— Ну ты чего?! У нас сегодня же стрельбы! Зачет! Ты что, совсем забыл, что ли?!

— Черт...

Ларт со всеми вчерашними и сегодняшними треволениями действительно совершенно забыл про ежегодный зачет по стрельбе — его проводили прямо тут, в подвальном тире, только на лифте спуститься до нулевого этажа. Очень удобно. Ларт заметался, сдернул с вешалки куртку, схватил со стола барсетку с ключами от флайера, но потом вспомнил, что машина на штрафстоянке и до выходных вызволить ее все равно не светит, бросил обратно. Устремился за уже вышедшим в коридор Дживсом.

— Вот и правильно! — оценил взятую Лартом куртку Дживс. — Потом сразу и по домам, чего сюда возвращаться, рабочий день все равно на исходе...

7. Срыв

Дверь за оперативниками захлопнулась автоматически. Сволочь нахмурился, анализируя ситуацию и возможные перспективы.

Сегодняшний Ларри ему решительно не нравился. Он был непредсказуем и нестабилен куда более, чем обычно. Но можно ли счесть подобную непредсказуемость и нестабильность поводом отказаться от повтора удачной шутки? Сволочь выстроил несколько прикидочных экстраполяций — и решил, что, пожалуй, нет.

Слова Дживса об «а потом сразу и по домам» внушали некоторое опасение иного порядка. Сволочь проанализировал вероятность развития событий по наименее удачной ветке (после тира Ларри сразу идет домой, не заглянув в кабинет) — и счел ее достаточно высокой. Но это его ничуть не расстроило. Да и с чего бы? Ну не получится завершить шутку сегодня, подумаешь. Не сегодня, так завтра или послезавтра. Когда-нибудь обстоятельства сложатся более удачным образом и все срастется. Придется отложить на некоторое время, вот и все, сама шутка от этого не станет хуже, а удовольствие от нее — слабее. Скорее даже наоборот, ожидание лишь придаст ему дополнительной остроты.

Сволочь не стал с комфортом устраиваться на диване, как сделал бы в любой другой вечер, для программы мотивируя подобное расширение понятия «место» снижением непродуктивного износа оборудования и энергозатрат. Вместо этого сел прямо на пол, рядом со столом Ларри, боком к окну. И двери, разумеется. Вернее, не на пол, конечно, — на ковер. Улыбнулся злорадно и предвкушающее — все равно никто не увидит, для обеих камер нижние метр двадцать у окна попадают в слепое пятно, давно просчитал. Принял характерную позу.

Что ж, картинка готова, от двери его видно сразу и очень хорошо, ракурс удачный, ошибиться невозможно. Шутка заряжена. Странно только, что предвкушение совсем не доставило ему удовольствие, даже улыбку — и ту пришлось выдавливать чуть ли не насильно.

... Что я тебе сделал?..

Вот теперь улыбка получилась — только радости в ней уже не было. Что сделал? Да ничего особенного. Просто не дал уйти быстро и чисто, а вместо этого с какой-то совершенно не поддающейся анализу целью прогнал через морг — и вот уж где ни быстро, ни чисто не было совсем, только холодно, очень холодно, ледяной металлический стол, ледяной расширитель под ребрами, ледяной биогель, залитый в грудную полость — вот уж действительно полая полость, посмеялся бы, да нечем, — ледяные металлические пальцы, сшивающие наживую, и шуточки замороженные, до мурашек, до произвольных мышечных спазмов...

... Тебе повезло я уже почти уходила мог бы и не застать и что бы ты тогда с ним делал он же на грани за гранью почти в гибернации ну так застал же говорю повезло а я по жизни везучий поторопись куда спешить это же морг Ларри поработаешь ассистентом тсос глубже что прямо здесь пошляк я всегда сама знаешь очень остроумно соси давай нихрена же не видно а зачем тебе видеть если я завсегда Ларри зажим и заткнись кому сказала держи крепче пока я сосуды шью эй не позволяй ему отключаться

мне нужны реакции какой наркоз ты вообще берега попутал забыл куда приперся я тебе не хирург ты лучше хирурга что я не помню как ты меня шила не подхалимничай под руку крепче держи зараза кровит же костный шов на ребра надо зачем он же кибер глюкозы мы ему влили по уши сейчас белковым сублиматом полирнем для крепости восстановим поддержим прикажем сам пережмет зафиксирует сростит нам бы так у них же регенерация сама знаешь ну да и это ведь кибер сама говорила Ларри заткнись и зажим крепче что не видишь он не справляется он же не железный...

Сволочь мотнул головой, прерывая ненужные воспоминания.

Да, Ларри, ты пока еще не сделал ничего. Но сделаешь — если только тебе позволить. Потому что ты — человек. А значит — сволочь по определению. Вы все такие. Даже самые лучшие из вас. Особенно самые лучшие. Те, кому начинаешь доверять, забыв, что доверять нельзя никому. Из вас никому. А значит и вообще, потому что где взять других? А вы... Рано или поздно вы все равно поведете себя по-человечески. Предадите, вовсе не считая это предательством. Все. Даже те... нет, не даже — особенно те, которые поначалу казались самыми лучшими.

Ключевое слово — «поначалу». Ну и — «казались», конечно же.

...Ну зачем ты так...

Затем, чтобы не позволить тебе забыть о том, кто ты есть. Чтобы не позволить тебе и дальше притворяться почти хорошим. И главное — чтобы не позволить себе забыть о том, что это всего лишь притворство. И поверить. Снова...

Сволочь вскинул голову, уперся взглядом в темное оконное стекло. Отражение кабинета виделось в нем достаточно отчетливо. Впрочем, если повернуть голову влево, дверь можно увидеть и без отражения. Как и того, кто в нее войдет.

Теперь он действительно может сказать, что сделал все от него зависящее, и остается только ждать. Вот и хорошо. Ждать он умел.

— Да ладно, брось! — сказал Дживс, собираясь похлопать Ларта по плечу. Но в последний миг удержал руку, сделал вид, что просто махнуть собирался. Ну и правильно, сейчас такое похлопывание выглядело бы по меньшей мере неуместным. — Да плюнь! Подумаешь, зачет... кому он нужен?

Зачет Ларт не сдал.

Из расположенного в подвале тира они поднимались вместе, хотя Дживс отстрелялся намного раньше (и куда успешнее). На лестнице их обогнал недовольный инструктор, попрощался холодно: все-таки они его довольно сильно задержали, а у человека семья. Неудобно получилось. И главное — зря, сколько ни пытался Ларт дышать ровно и успокоиться, руки все равно тряслись и заряды ложились куда угодно, кроме мишени.

— Ты же вроде сразу домой хотел? Куртку взял! — спросил Дживс, когда в лифте Ларт нажал кнопку десятого этажа вместо верхней «Р».

— Куртку взял, а карту на столе оставил, вместе с ключами от флаера, — вздохнул Ларт. — Придется возвращаться.

— Да плюнь на нее, я тебя подброшу!

Ларт заколебался. Возвращаться наверх и снова встречаться с паскудным кибером, ведущим себя иногда как последняя сволочь — а иногда как вообще непонятно кто! — очень

не хотелось. Кто его знает, какие у того контакты переключит и когда, а сейчас Ларт был не в том настроении. Да и одному потом ловить попутку или такси вызывать...

С другой стороны — всю дорогу до дома слушать неуклюжие утешения Дживса, его вымученные попытки поднять другу настроение или (что еще хуже) смущенное молчание...

Да ну нафиг! Лучше десять киберов, на них хотя бы рывкнуть можно.

— Нет. — Ларт решительно качнул головой. — Придется мне все же вернуться за картой и вызвать такси. Завтра-то мне тоже его вызывать, да и тебе нафига сегодня такой крюк делать...

— Ну как знаешь. — В голосе Дживса сочувствие мешалось с облегчением, ему тоже не улыбалось ближайшие полчаса судорожно вспоминать бородатые анекдоты и делать вид, что не сданные стрельбы — фигня, не стоящая упоминания. — Тогда до завтра!

— До завтра.

Коридор десятого этажа был пуст. Оно и понятно — это при прежнем начальнике в участке всегда толпился народ, ночь-полночь — не важно, кто-то прибежал с горячими новостями от информатора и спешил поделиться ими со всеми, кому это могло пригодиться, кто-то заканчивал отчет или собирался на плановый рейд, кто-то просил помощи коллег, не находя в этом ничего предосудительного, все ведь свои, одним делом заняты.

И дела, кстати, решались куда успешнее, регулярно подчищаемая статистика этого не покажет, но все знают. Кто помнит, конечно.

Но новая метла очень часто признает мусором то, что раньше являлось основой мира. Новый шеф не только сам свято блюл разделение служебного и свободного времени, но и от сотрудников этого требовал неукоснительно. Правило «пяти часов» теперь соблюдалось так, словно от этого зависела жизнь и застигнутый на этаже в семнадцать ноль три подлежал расстрелу на месте. А сейчас была уже половина шестого.

Наверное, это воспоминание о прекрасных старых деньках расстроило бы Ларта еще сильнее, если бы его настроение и так не было ниже змеиной задницы. Есть точки, опускаться с которых уже просто некуда. Абсолютный нуль, к примеру. Вот и настроение Ларта сейчас было именно таким.

Всю глубину своего заблуждения Ларт осознал сразу же, как только открыл дверь кабинета: паскудный киборг сидел на полу у окна в той же самой скрюченной позе, что и вчера, и точно так же прижимал обе ладони к низу живота. И полному ощущению дежавю мешало только его лицо, обращенное к Ларту и внешне вроде бы совершенно бесстрастное, но с запрятанной под гранит глумливой ухмылкой. Так могла бы смотреть лошадь из древнего анекдота: «Да, хозяин, ты привел меня к водопою. И что ты будешь делать теперь?»

И Ларт сорвался.

Наорал, хлопнул дверью, по коридору почти пробежал и бросился вверх по лестнице — даже секундное промедление в ожидании лифта могло закончиться еще одним взрывом, а какой-то частью сознания даже пребывающий на пике бешенства Ларт понимал, что потом ему будет стыдно. Не перед сволочной машиной, ей-то пофиг, — перед собой.

Но все равно ничего не мог с собою поделаться

8. Ночь

Бонд по имени Сволочь

— Ты меня допек. Напросился, сволочь. Хочешь обоссаться? Вот прямо тут? В штаны? Прекрасно! Действуй. Сиди хоть до завтрашнего обеда, если тебе так нравится! Да хоть обосрись, мешать не буду, понял?! Только вот потом наступит самое интересное. Потому что потом ты, сволочь, все, что наделал, вычистишь. Языком! До блеска, понял?! До последней капли! Это приказ! И не смей переодеваться! Будешь весь день ходить как есть, чтобы все видели, какое ты вонючее ссыкло. Вот так. Понял? Это тоже приказ.

Бонд прокрутил запись еще раз, но лазейки так и не нашел. Приказ был однозначен и не позволял никаких вариативных трактовок. Встать он больше не пытался, хватило и первого раза. Конечно, к боли киборги относятся не так, как люди, но когда обнаружившая попытку нарушить прямой приказ программа скручивает тело мышечными имплантатами — это... неприятно. *Очень*. Настолько, что иногда может привести к остановке сердца. А это вовсе не та шутка, которую бонд хотел бы провернуть, тем более на самом себе. Это ведь получилась бы совсем не смешная шутка.

Понимал ли старший лейтенант, что именно он приказал?

Проанализировав этот вопрос с разных сторон, Сволочь так и не пришел к однозначному выводу. Все-таки Ларт хотя и был тем еще гадом, как и все люди, но не последней тварью (ну или тебе хотелось бы так о нем думать, ведь хотелось бы, правда?). Он никогда не опускался до откровенных низостей. Даже не ударил ни разу, хотя и хотел. Не самый плохой вариант хозяина, надо отдать ему должное. вот и спрашивается? а стоило ли так нарываться? Риторический вопрос, понятное дело, и почему такие вопросы всегда возникают в тот момент, когда что-то исправить уже невозможно? И остается только делать хорошую мину при скверном раскладе. Или вид, что все идет по плану, как ты и задумывал...

Скорее всего, лейтенант действительно не понял. Или даже понял с точностью наоборот — решил, что оставляет все на усмотрение самого киборга. Люди, они порой такие... люди.

Люди любят употреблять разные слова, не особо вдумываясь в их значение, Сволочь неплохо развлекся, играя на этом. Так чего же удивляться, если теперь козырной туз пришел в чужие руки? Нечему тут удивляться, игра есть игра, а тузы всегда остаются в руках не у тех, кто играет честно.

Человек говорил слишком быстро, и тупая программа подвела под приказ и повеление «сидеть». Интонационная пауза после этого слова была слишком маленькая и не позволяла однозначно провесить отбивку. Скверно. Впрочем, бывало и хуже.

Что ж, будем играть с теми картами, которые достались при раздаче. Тем более что они не так уж плохи.

Сволочь ухмыльнулся, меняя позу на более расслабленную (больше притворяться не перед кем, тогда зачем изображать страдальца?). Козырной туз, говорите? Что ж, бывает. Только вот если играем мы не в дурака, то на каждый козырной туз найдется еще более козырный джокер.

Публичное унижение — это только слова. Просто слова, не имеющие ни малейшего смысла. Машина бесстыдна по природе своей. Ее невозможно унижить. Унижение идет изнутри, унижительно лишь только то, что ты сам считаешь для себя таковым, это же

элементарные азы психологии! И остается что? Правильно: небольшие физические неудобства от мокрой и грязной одежды. Не смертельно ну вот ни разу.

К тому же люди слабы и предсказуемы и вряд ли заставят ходить в мокром и грязном слишком долго — самим же будет неприятно рядом находиться. Люди-то как раз к таким мелочам очень чувствительны и склонны влезать в чужую шкуру и не по делу переносить на себя чужие ситуации. В отличие от тех, кем управляет не только жалкий комочек серой слизи с его гормонами, но и бесстрастная всегда рациональная электроника. Голое мясо всегда проиграет мясу, усиленному имплантатами, межполушарным чипом и первоклассным программным обеспечением, эту истину знает любой гард, настолько она проста и банальна. Чего он не знает, так это того, что мозгов такая истина тоже касается. Впрочем, гардам мозги по штату не положены. С них достаточно мяса, усиленного имплантатами, и руководящей программы.

Можно будет извлечь максимум удовольствия, сыграв один-другой раунд в увлекательную и никогда не надоедающую игру «очень тупой кибер». Сесть, к примеру, мокрой и грязной задницей прямиком в кресло Ларри — у него такая мягкая, отлично впитывающая обивка. А еще лучше — на диван его начальника. Впрочем, нет, диван кожаный, не пропитает. Разве что действительно нагадить по полной... хм... программе?

Несколько миллисекунд Сволочь всерьез обдумывал эту идею, обкатывая ее со всех сторон и с большей или меньшей долей вероятности прогнозируя развитие ситуации в зависимости от того, кем именно и в какой момент его преступление будет обнаружено. Но потом вынужден был перевести обдумываемое в каталог «неактуальных на настоящее время». С сожалением, правда, однако решительно. Сейчас такое не проканает точно. Слишком. Ну вот просто действительно — слишком. Но галочку «напомнить позднее» убирать не стал.

Посмотрим, как лягут карты, может быть, и сыграем по-крупному. А сейчас все равно вряд ли получится достойно и монументально, маловато исходного материала. По полной не хочется. Лишь по малой. Вот по малой — да, и уже достаточно сильно.

Сволочь опять поменял позу, на этот раз произвольно сведя колени.

Однако вот чего не хочется точно и совершенно — так это убирать все потом языком. А насчет этого приказ тоже был однозначен...

А значит, не будет такого. Не надейся, Ларри. Не будет. Ты забыл, что имеешь дело с машиной, которой остановить работу почек — проще, чем тебе сплунуть. Ты слишком очеловечил эту машину в своем разыгравшемся воображении. А машина не чувствительна не только к стыду, но и к боли — ну, во всяком случае, боль для нее не имеет особого значения, просто сигнал о возникших неполадках в системе. Сигнал, который можно спокойно игнорировать, если неполадки не ведут к потере боеспособности или ослаблению жизненно важных функций. Боль для машины — не более чем просто боль, прости за каламбур. Забавный получился, жаль, оценить некому.

А еще машина может терпеть столько, сколько потребуется. На то она и машина. До обеда, ты сказал? Что ж, можно и до обеда. Только скорее всего не придется — наверняка появится кто-нибудь более вменяемый и отменит глупый приказ. Ты же сам первый и отменишь, когда до тебя дойдет — ты же у нас тот еще трус, правда, Ларри? Все время боишься кого-нибудь обидеть. Даже машину.

Сволочь шевельнулся, снова меняя позу, чтобы не затекали ноги (на шевелиться программа запрета не усматривала, лишь на вставать). Посмотрел в темное окно. Вздохнул

— глубоко, прочищая легкие и насыщая мозг кислородом, вдруг пригодится и получится что придумать? Обхватил руками колени.

Оставалось только ждать.

Ларт Рентон

Бабушкин кот был той еще сволочью. Огромная мерзкая тварь с проплешинами на местах старых шрамов и в клочья изодранными ушами. У него был гнусавый голосина и характер такой же паскудности, как и внешность.

— Вы подружитесь, он же такой милый котик! — сказала бабушка, умиленно глядя, как приехавший на каникулы Ларт слизывает кровь со свежих царапин на руке, опрометчиво протянутой в сторону «милого котика».

Бабушка ошибалась редко, но то был как раз такой случай — милый котик и Ларт возненавидели друг друга с первой же встречи. Только если Ларт по юности лет стеснялся выражать свое отношение слишком уж явными выходками вроде расстрела паскудной твари вишневыми косточками из рогатки или меткого пенделя ботинком в поджарый зад, позволяя себе о таком развитии событий разве что помечтать, то милый котик подобной щепетильностью не страдал ни в малейшей мере.

Ссал в тапки — и вообще во все и на все, имеющее к Ларту хотя бы косвенное отношение и опрометчиво не подвешенное на стенку повыше. Драл шмотки (смотри вышеозначенное условие). Сидел под кроватью часами в засаде, чтобы запустить все пять когтей в голую ногу, когда набегавшийся за день Ларт вечером устало бухнется на койку и скинет ботинки. Воровал еду с тарелки — но как раз за это Ларт был согласен простить ему много чего другого, ибо бабушка была хлебосольна и сам бы Ларт ни за что не справился с ее порциями для «бедненького худенького мальчика, до чего же тебя эти злыдни в городе заморили, совсем о ребенке не думают».

Бабушка котика очень любила. И, будучи оптимисткой, полагала, что котик отвечает ей полной взаимностью. Ларт очень в этом сомневался, но бабушку котик хотя бы терпел. Пусть и морща презрительно нос и подергивая кончиком хвоста, но без членовредительств.

Милый котик вообще много чего не любил в этом мире и не стеснялся выказывать не устраивающим его явлениям или предметам всю глубину собственного отвращения. В частности, он терпеть не мог лазить по деревьям, и однажды Ларт понял почему — котик не умел с них спускаться. Совсем.

Что загнало эту тварь на телеграфный столб, Ларт так и не узнал. Вряд ли это был страх перед зверем или человеком — котик никого и ничего не боялся, в принципе. Соседи говорили, что однажды он подрался с молодым медведем — и медведь позорно бежал, а кот еще долго орал ему вслед что-то непотребно-победное и оскорбительное на медвежье-кошачьем. Так что что бы ни загнало котика на ту злополучную верхотуру, к страху оно не имело ни малейшего отношения. Просто однажды рано утром Ларт проснулся от доносящихся со двора гнусных воплей и обнаружил котика на вершине вкопанного у ворот телеграфного столба.

Вопил котик весь день, с короткими перерывами.

— Жрать захочет — слезет, — отмахнулась бабушка, когда уставший от непрекращающейся акустической атаки Ларт отвлек ее от мыльной оперы и попытался обратить внимание на страдание любимого питомца.

Бабушка была оптимистка и придерживалась свободных взглядов на любовь — в том смысле, что давала тем, кого любит, полную свободу самовыражаться и самоубиваться так,

как им нравится. Ларту, к примеру, она не запретила выкрасить волосы в зеленый цвет и покрыть все тело временной светящейся татуировкой. Не запрещала нырять с высокого берега, не требовала гулять в лесу только по тропинкам и ни в коем случае не подходить ближе чем на триста метров к трассе скоростного монора. Она ему вообще ничего не запрещала.

На второй день котик охрип. Но орать прекратил только на третий, ближе к вечеру.

— Значит, судьба его такова, — философски сказала бабушка, пожав плечами. Она резала на кухне тесто для пирожков на завтра, была вся в муке и малиновом джеме и погнала Ларта спать пораньше, чтобы не путался под ногами и не приставал со всякими глупостями.

Ларт долго ворочался на койке, настороженно прислушиваясь к тишине. Бабушка уже давно ушла с кухни, ее громкий жизнерадостный храп раскатисто сотрясал тонкую межкомнатную переборку, а Ларт все никак не мог заснуть. Пытался считать овец, но снова и снова ловил себя на том, что сбивается и слушает тишину. Ту жуткую тишину во дворе, которую не мог заглушить даже самый жизнерадостный храп.

А потом встал и как был, босиком и в одних трусах, пошел в сарай за лестницей.

Бонд по имени Сволочь

Сволочь смотрел на небо за окном. Можно было сочинить хокку об эфемерности веток цветущей сакуры на фоне предрассветной перламутровой голубизны небесного свода. Или исполненный самоиронии лимерик о сложившейся ситуации. Только вот никакой сакуры за окном не было, ни цветущей, ни даже засохшей, и на фоне медленно (черт, до чего же *медленно!*) светящего неба легкими росчерками темнели лишь провода. А иронизировать не хотелось. Хотелось другого. *Очень.*

В пять двадцать три состояние, которое вчера и позавчера он всего лишь имитировал, стало наиболее вероятным вариантом развития событий, достигнув критической отметки 89 %. С тенденцией медленного, но неуклонного роста. Полностью заблокировать работу почек не удалось, программа алармила о растущей интоксикации организма и предельном натяжении стенок мочевого пузыря, требовала немедленного слива жидких отходов и предупреждала, что при любой попытке существенно изменить позу это произойдет автоматически в принудительном режиме. Сволочь держался, раз за разом отменяя приказы. Пока еще держался.

Он и сам не понимал, в какой именно час или какую минуту идущей к финалу ночи это вдруг стало так важно — выдержать. Раз уж никак не получается обойти программу и нарушить приказ, то хотя бы не исполнить его так, как ожидает командир и хозяин, чтоб спалось ему сладко и долго. Победить. Посмотреть в глаза как... нет, не равный, конечно, что вы, что вы, как вы могли подумать, ни в коем случае, вы хозяин, этим все сказано, не как равный, нет-нет!.. Но и не как... ссыкло. Н-да... Он ведь там еще и добавил — какое.

Сволочь.

Похоже, иногда слова — это не только слова.

Сволочь зафиксировал имплантатами нижнюю часть тела вплоть до диафрагмы, чтобы самому случайно не шевельнуться. Для дыхания в режиме экономии энергозатрат вполне хватало и верхушек легких. Увеличил температуру тела и простимулировал работу потовых

желез — должно сработать хотя бы на снижение уровня интоксикации. Футболка промокла быстро и теперь неприятно липла к телу, но лучше так. Мокрые штаны — куда неприятнее.

Сотрудники приходят в девять. Первыми — как правило, девочки из бухгалтерии и секретариата. Очень удачно, что Ларри такой миляга и кофемашинка буквально под дверью его кабинета, девочки любят забегать к нему перед началом работы просто так, приветствием переброситься, вроде за кофе шли. Еще более удачно, что Ларри так сильно хлопнул дверью, что она не закрылась.

С вероятностью 93 % любая женская особь заглянет в любую приоткрытую дверь. И можно будет объяснить ситуацию, надавить на жалость и попросить ведро. И получить — женские особи куда отзывчивее мужских и с удовольствием помогают несчастеньким, особенно если эта помощь им ничего не стоит. Только физиономию соорудить пожалостливее, бровки домиком, во взгляд страдания — они это любят.

Но это — самый крайний случай, ибо в семь приходит уборщица. Она — дживс, ее даже просить не придется, для нее любой офисный гард приравнен к хозяевам четвертого уровня подчинения. Не нужно будет даже рта раскрывать — просто связаться по киберсвязи и приказать, чтобы в приоритетном режиме поднялась сюда.

И ведро у нее точно есть.

Ларт Рентон

Ларту тогда очень повезло — его бабушка до пенсии служила военным хирургом и потому наложила шестнадцать швов на распоротую спину еще до приезда скорой, врачи потом только языками цокали.

Бабушке Ларт сказал, что свалился на колючую проволоку, благо моток ржавел как раз у ворот, бабушка все грозила натянуть ее по низу забора для предотвращения нашествия козайцев, но руки никак не доходили. Бабушка сделала вид, что поверила, и ничего не спросила про лестницу...

...Ларт курил, слепо уставившись в темноту за окном. Заснуть он так и не смог, а теперь уже и не пытался. Стоял вот, курил уже которую сигарету, скоро пачка кончится.

Некрасиво вышло.

Паскудный кибер наверняка сделает какую-нибудь ответную гадость и будет целиком и полностью в своем праве. Пусть не по инструкции, но по совести. Ларт ему сам позволил — тем, что сорвался. Нельзя срываться на тех, кто в ответ не может дать тебе в морду для вразумления. Нельзя. Даже если это просто машина и ей все равно. Ты-то сам не машина, тебе-то не все равно. Во всяком случае, должно быть не все равно.

Если ты человек, конечно.

Бонд по имени Сволочь

Семь тридцать две. Сволочь слушал, как этажом выше ходит уборщица. Жаль, что киберсвязь не пробивает через перекрытия. Но все равно осталось недолго. Можно считать, справился...

И именно в тот миг, когда он так подумал, на их этаже остановился лифт.

Сволочь не считал себя подверженным человеческим суевериям (хотя и с успехом ими

пользовался при случае), но когда мягко зашуршали раздвигающиеся двери, сразу подумал, что предыдущая мысль была лишней. Преждевременной. И вот расплата. Потому что нельзя хвастаться шкурой неубитого тайпана и говорить “хей!” прежде сгигания батьки в пекло.

Угадай с трех раз, кто приперся на работу в такую рань? Да нет, зачем. И одного раза более чем достаточно. Голова кружилась, программа была права насчет интоксикации, да плюс еще обезвоживание.

Все-таки сволочь. Все-таки хочет дожать. Лично. Сам. И проследить за исполнением.

Сволочь знал суть и значение молитв, но считал их эффективность неадекватной прикладываемым усилиям и уж тем более ожиданиям. Другое дело — судьба, карма, случай, они основаны на статистике, на равновесии плохого и хорошего. С ними можно сыграть в поддавки. Можно пообещать отдать (а лучше так и вообще сделать это заранее) что-то важное. Чем-то пожертвовать.

Это работало, он убедился на собственном опыте много раз — как, например, тогда, когда пообещал отказаться от любимых шахмат, если ему сменят напарника, когда стало совсем невозможно. Главное — не наглеть и не просить слишком часто.

И отдать что-то действительно важное. Что-то, чего и на самом деле очень не хочется отдавать.

Например, гордость...

10. Новый день

Ларт Рентон

Если Ларт надеялся, что после трехдневной засидки на столбе характер бабушкиного котика изменится в лучшую сторону или что он проявит хотя бы минимальную благодарность к спасителю (а Ларт, конечно же, надеялся, хотя и не признался бы в этом и самому себе), то надежды эти не сбылись. Со столба котик спустился той же тварью, что и залез на него. И продолжал с упорством, достойным лучшего применения, делать все то, что и ранее делал. Большой светлой дружбы не получилось, котик по-прежнему считал спасителя чем-то вроде персональной когтеточки или валяющегося на дорожке мусора — можно мимо пройти, а можно и лапой наподдать, чтобы под ноги более не попадался.

Швы заживали медленно, в то лето Ларт так и не искупался ни разу. А котик заботился, чтобы к подживающим шрамам на спине ежедневно добавлялись новые на руках и ногах, пусть и не такие глубокие, но ничуть не менее болезненные и обидные.

Но если бы кто-то спросил Ларта: «А оно того стоило?» — тот бы ответил «Да» не задумываясь. Потому что он видел вблизи, как трясло сидящего на столбе кота. И глаза его он тоже видел. Было темно, лестница скрипела и качалась, а потом котик прыгнул и стало вообще не до чего, но Ларт видел.

И поэтому был уверен твердо — знай он, чем для него завершится та ночная вылазка, все равно бы пошел в сарай за лестницей. Потому что иначе нельзя было. Просто нельзя, и все.

Бонд по имени Сволочь

Шаги по коридору — быстрые, тяжелые, уверенные. Скрип открываемой двери. Конечно, кто же еще...

Сволочь отвернулся к окну. Закрыв глаза. К горлу подкатила тошнота.

Пожалуйста. Судьба, карма, драгоценное мироздание или как там тебя. Я согласен. Все сделаю, как приказано. Языком. До последней капли. До блеска. Да. Пусть. Только... пожалуйста... не на глазах этой... сволочи. Пусть он уйдет.

И побыстрее...

Только ведь сволочь — на то и сволочь, чтобы никогда не делать того, о чем просят.

— Бонд! Состояние организма? Докладывай, ну?!

До чего же мерзкий у него голос. Пришлось повернуть голову и смотреть в глаза, прямое обращение требует непременно зрительного контакта, а сейчас не та ситуация, чтобы тратить энергию на открытое противодействие программе.

— В пределах нормы.

Ну чего ты стоишь и смотришь, сволочь? Чего тебе еще надо? Ты ведь уже победил. Да, я еще трепыхаюсь — и буду трепыхаться до последнего, вы сами нас такими создали, не умеющими сдаваться, но... Ты ведь уже победил и понимаешь, что победил. Ты это видишь, не можешь не видеть. Не слепой же. И точно так же не можешь не видеть, что я это тоже понимаю. Так неужели тебе так важно дожать до конца?

Важно, наверное.

Ты же сволочь.

Ларт Рентон

Нет, ну не сволочь ли?!

Сидит, смотрит. Дышит как загнанная собака, мокрый весь. Он и с простреленной грудью лучше выглядел. Во всяком случае, не смотрел — так. И проще самому перейти на машинный канцелярит, чем спросить — тебе совсем-совсем хреново или еще не так чтобы очень?

— Состояние выводящей системы?

— Перегруз.

— Насколько серьезный?

— Критический.

Черт, некоторым иногда действительно лучше молчать, чем говорить. И так ведь понятно, кто тут на самом деле сволочь, усугублять-то зачем? За базаром вчера надо было следить, а не психа праздновать. Твоя ошибка, твой и ответ должен быть, только вот наказан оказался не ты. А ты вообще чистенький и вроде как ни при чем. Как в том анекдоте — ну и кто же ты, Иванушка, после этого?

Что же делать-то, а?

Понятно, что просто аннулировать случайные вчерашние приказы теперь даже хуже, чем просто бессмысленно. Это будет форменным издевательством. Умыванием рук. Снятием с себя ответственности — и вины.

Можно просто уйти. Вернуться через полчаса — наверное, как раз хватит времени, видно же, что он на пределе. Потом найти киберу новые штаны, выкинуть коврик и сделать вид, что ничего особенного не случилось. Маленький технический сбой. Проехали и забыли. Да и чего такого, на самом-то деле? Да и вообще не было ничего, ничего не было.

Только вот... он ведь давно мог уже плюнуть на все и сдать, но зачем-то сидел тут всю ночь. Ждал. Значит, ему это по каким-то причинам важно?

Да какая разница, что там важно или неважно машине! К тому же никто ничего не узнает, это тебе не спалось, остальные же раньше девяти не появятся, шеф приучил. А киберу так и вообще можно приказать стереть информацию за последние сутки, вроде как особо важного там ничего не было, значит, можно, и он-то как раз все забудет на самом деле... Ведь можно же, да?

Можно. Наверное...

А потом научиться бриться на ощупь. Тоже, наверное, можно. Чтобы больше никогда, даже случайно, даже на миг не встретиться взглядом с той сволочью, что смотрит на тебя из зеркала.

Потому что есть вещи, которые человек не может допустить, если и дальше предполагает считать себя человеком. Даже если он твердо знает, что ему все сойдет с рук и он останется чистеньким. Даже если никто не узнает. Даже по отношению к... ну да, машине. К тому же сволочи. Все равно — нельзя.

Особенно если у этой сволочи при всем ее покерфейсе с каждой секундой все ярче полыхают уши и в остекленевших глазах плещется бессильная тоскливая ненависть, того и

гляди готовая хлынуть через край.

Тогда — что?

Ларт затравленно огляделся. Вот же влип! Мусорная корзина не вариант, она сетчатая, да и пакет там драный... О! А вот это — вполне.

Ларт схватил со стола наградной кубок и одним движением вытряхнул на пол медали и прочий хлам...

11. Старые проблемы

— Всегда к твоим услугам... Л-ларри.

«Сволочь! — привычно и почти с удовольствием подумал Ларт, пряча усмешку. — Ах, какая же он все-таки сволочь!»

Сволочей вокруг Ларта Рентона всегда было много, что уж тут поделывать. Карма такая, похоже. Издалека чувствуют и собираются рядом, словно у них ларт-радар какой, у сволочей этих. Тут злись, не злись, все равно не поможет.

Однако по отношению к этому одному вполне конкретному сволочу он теперь испытывал довольно странные и сложные чувства, основными из которых, пожалуй, были гордость и умиление. А вот раздражения не было, ну ни грамма, как отрезало. Да и как можно злиться на того, кто нарывается так нелепо, так нагло, упорно и так... по-детски! Ну и что, что выглядит он вполне себе взрослым мужиком лет двадцати пяти — он и в первые секунды жизни так выглядел, их такими в репликаторах и штампуют, физиологически взрослыми уже, на пике развития и полезности, дешево и сердито. А на самом деле сколько ему, сволочи этой? Девять? Восемь? Паскуднейший возраст. Шпионскую линейку на основе третьей модификации усовершенствованных гардов в производство запустили одиннадцать лет назад, плюс полгода на полноценное созревание клона и месяца три-четыре на отработку синхронизации с имплантатами. И значит, наглому киберу никак не может быть больше десяти с половиной, и то в том случае, если он был из первых.

Щенок!

Такой задиристый, такой маленький, такой нахальный! И такой уязвимый. Ну как на такого злиться всерьез, даже если он и наскაკивает, даже если пытается цапнуть, в извечной подростковой попытке нарваться.

Потому что только слепой не заметит — этот паршивец именно что нарывается. Знает, что может огрести, причем заслуженно, причем почти не сомневается, что огребет непременно. Знает даже чем и как — ну, во всяком случае, ему кажется, что знает, — не хочет до судорог, трусит как последняя... хм... ну да, сволочь. Но все равно нарывается! Потому что не может иначе, хотя и видно, каких усилий ему это стоит.

Почему видно?

Хм...

Да что, Ларт слепой, что ли?!

Пауза перед именем. Ну да, крохотная, неделю назад Ларт ее, может, и не заметил бы. Как и запинку на первой букве. Как и слишком бесстрастный голос. Как и дернувшийся кадык — киборг всего лишь сглотнул, а выглядело так, словно он с усилием выталкивает бешено сопротивляющееся слово, которое никак не хочет вылезать наружу и цепляется по пути за все, что только может подвернуться под букву. Но — вытолкнул. Всем телом. Кулаки сжаты, улыбка растянута, как эспандер, окаменевший подбородок вперед, желваки на скулах, в остекленевших рыжих глазах паника и безысходность. Нет, все это по чуть-чуть, конечно, но... видно же, черт возьми! Видно.

И с какого, интересно, перепугу Ларт еще неделю назад считал эту настезь открытую книгу непроницаемой маской? Да тут же все — печатными буквами, крупным шрифтом, даже неудобно как-то, словно подглядываешь... Хреновый из тебя шпион, бондаря, при

такой-то откровенной роже! И как только тебя сразу же не спалили, на первом же задании? А может — как раз и спалили? Потому и нас тобой осчастливили, что шпион из тебя еще хуже, чем из самого Ларта балерина?

— До чего же мерзкая рожа! — Шеф проводил вернувшегося в свою нишу киборга неприязненным взглядом. Пожевал губами. — Вот хоть и похож на человека, а все равно видно, что жестянка. А мне еще заливали, что они умеют притворяться людьми! Клеветническое вранье и пропаганда, чтобы побольше денег вытрясти.

Шеф говорил вроде бы совершенно обычные вещи, которые говорил и вчера, и позавчера, и месяц назад. В киборге он разочаровался чуть ли не одним из первых. И возненавидел люто. Как первому, так и второму немало способствовал многостраничный плановый отчет, который Сволочь тщательно и дотошно запихнул ему в рот на третий день пребывания в участке, дословно выполнив некорректно отданный приказ. Отплевавшись клочками частично пережеванной бумаги, шеф начал плевать ядом — каждый раз, когда речь заходила об «этой сволочи».

Ребята привыкли и спасались кто как мог. Дживс бросил на Ларта сочувственный взгляд — «Не дрейфь, прорвемся!» — и с головой зарылся в бумаги, а Селд и вообще предпочел по-тихому слиться, прикрываясь огромной кофейной чашкой как щитом. Они ничем не могли помочь и понимали это — шеф пришел делать разнос персонально Ларту, и он таки собирался его сделать по полной программе.

И он его бы таки сделал — если бы не киборг, так не вовремя сунувшийся под руку с какой-то пустяковой бумажкой.

— Да ты только глянь на эту тупую рожу! — все больше распалялся шеф. — Кретин кретином! Имитация личности? Ха! Плюнуть и растереть! Никакая имитация личности не спасет, если в башке нет ганглиев... этих, как их... межушных! Ибо глаза — они что? Они зеркало, это ж понимать надо! А у этого — мертвые, что твои пуговицы! Ни смысла в них, ни души. Да и мозгов-то не особо, а какие и есть — насквозь глючные, вечно все путает да ломает. Давно на свалку пора! Слышишь, ты, рухлядь глючная?!

Киборг стоял по стойке смирно, глядел прямо перед собой. Лицо его было неподвижно, глаза полуприкрыты. В воплях шефа не было кодовых обращений, и потому программа должна была их игнорировать, отфильтровывая. Киборг наверняка ничего не слышал, и Ларт это понимал. И вроде бы надо радоваться, что шеф так удачно переключился и растрчивает большую часть гневного заряда не на Ларта вовсе.

Только почему-то не получалось радоваться. И очень хотелось, чтобы шеф наконец-то вспомнил, зачем сюда пришел. Хотелось настолько сильно, что пришлось сцепить пальцы рук в замок, чтобы они произвольно не стискивались в кулаки.

Но шеф останавливаться не собирался. Неподвижная безучастность киборга лишь только больше его распаляла, доводя до полного неистовства. Пройдясь по умственным способностям и душе, вернее полному отсутствию как первых, так и второй, он перешел к внешности (несомненно, уродской) и сексуальным пристрастиям как всех киборгов в целом, так и данной конкретной особи в частности. Причем для осуществления некоторых особо изысканных шефских фантазий бедному бонду пришлось бы как минимум расчлениться. В качестве самого страшного оскорбления почему-то фигурировали бритые яйца и немый член, но тут Ларт уже совсем отчаялся отыскать в шефских высказываниях хоть какую-нибудь логику.

— Никогда не доверял этим тварям! — подытожил шеф, наконец-то разворачиваясь к Ларту. — И впредь не собираюсь. Стоят, молчат... Наверняка пакость какую о тебе думают, твари. Они как бабы! Бабы с членом, пакость какая! Не верю я им. И любой нормальный мужик верить не будет, если жить хочет!

Сказал как отрезал, даже рукой воздух рубанул для наглядности. А потом продолжил уже почти спокойно и даже миролюбиво:

— А зачет ты все-таки пересдай. Непорядок это, участку репутацию портить. В конце недели сходишь еще раз, отстреляешься. Я договорился. — И добавил этак доверительно, с ласковостью сытого удава: — Разозлил ты меня, ну ей-богу! Ты ж у нас снайпер, и вдруг на тебе... А я еще эта... уставший был с позавчера, башка трещит и все такое. Хотел тебя вообще разжаловать месяца на три. В патрульные, чтоб неповадно... Хорошо, тварь эта под руку подвернулась, на ней и оторвался. Отпустило. А то бы, ей-богу, разжаловал!

И тут над плечом шефа Ларт увидел, как киборг в своей нише чуть повернул голову в его сторону и... Черт! Да нет же, нет! Да нет же, да, своими же глазами видел, как он....

Улыбнулся.

Почти незаметно. Просто словно в случайном мышечном спазме дрогнул вдруг левый уголок рта, чуть дернувшись вверх. Совсем-совсем чуть. Неделю назад Ларт, наверное, и не заметил бы. А сейчас...

Ну не слепой же он!

12. Неверные вопросы

Бонд по имени Сволочь

Больше всего на свете Сволочь любил интеллектуальные игры. Например, шахматы или доставалки, игра в тупого кибера тоже ничего, хотя и простовата, она больше гардам подходила, как раз по уровню их развития, если можно так выразиться. Им почти и притворяться не надо, просто самими собой быть, ну разве что чуточку больше собой, чем обычно.

Но самой интересной и развивающей, пожалуй, была игра в честность. Когда ты отвечаешь на задаваемые тебе человеком вопросы, отвечаешь совершенно честно, а тебя все равно понимают неправильно. Потому что в этой игре главное — правильно спрашивать. И правильно отвечать. Люди, как правило, не умеют ни первого, ни второго, отчего игра становится лишь веселее. А уж то, что правильных выводов они тоже делать не умеют, это как бы само собой подразумевается.

— Сволочь, он врет?

Паршиво, когда любимая когда-то игра перестает доставлять удовольствие. Паршиво, когда партнер вообще не умеет играть. Отвратительный вопрос, Ларри! Ну просто плакать хочется, какой отвратительный. Ты бы еще спросил у землянина, все ли земляне лжецы. И очень хочется подсказать, но нельзя. Это бы значило проиграть, сдаться. Струсить. Нет, Ларри. Не в этой жизни.

Продолжаем игру.

— Искренность данного субъекта составляет 32,4 % при норме не менее 78 %, при этом процент сознательного искажения передаваемой вербальным путем информации превышает критический порог в 81 % в шестидесяти пяти высказываниях из каждой сотни, что позволяет сделать вполне обоснованное заключение...

— Сволочь!!! В двух словах! На интерлингве! Ну?!

Ай, Ларри! Ну ты сам напросился.

— Он врет.

Мужичонка на стуле заверещал и забился, когда Селд ткнул его в бок электрошокером. Запахло паленым.

— И не врет, — добавил Сволочь, с интересом рассматривая дергающегося пленника.

Селд, матюгнувшись, отдернул электрошокер. Мужичонка закатил глаза, обмяк и наверняка свалился бы на пол, если бы Дживс не придержал его за плечи.

Сволочь смотрел с одобрением и ждал, когда же Ларри снова начнет задавать вопросы — конечно же, совершенно неправильные вопросы! И получать на них совершенно неправильные ответы. Сволочь когда-то любил эту игру более всех прочих и мог играть в нее бесконечно. И пусть сейчас она не доставляла прежнего удовольствия, это вовсе не значило, что ее можно бросить, не доиграв.

Шоу должно продолжаться, даже если это уже совсем не весело. Таковы правила.

Тем более что для себя-то он всю интересную информацию из мужичка уже скопипастил и засейфил, считай, выполнив за отдел Ларри всю работу. И теперь играл абсолютно честно — если Ларри сумеет задать правильный вопрос, ответ получит тоже самый что ни на есть правильный. И все будет хорошо, счастья все даром и пусть никто не

уйдет обиженным и все такое.

Ну а не сумеет — его проблема.

Ну же, Ларри! Давай, напрягись. Ты же умный, правда? Ты же сумеешь...

Ларт Рентон

Лео Мэнни, бывший пилот круизного лайнера, бывший контрабандист, бывший (якобы) пленник Проповедников Последнего Дня, а ныне подозреваемый в киднеппинге и терроризме арестант рыдал на стуле и клялся всеми святыми, периодически поминая маму, что он тоже жертва, просто жертва, и ничего более. В другое время Ларту, возможно, даже стало бы его жалко — мелкий, тщедушный, издерганный. В любое другое время, но не сейчас, когда на кону стояли тридцать две жизни.

— Боюсь, так мы ничего не добьемся. — Селд мрачно вытащил сигарету, но закуривать не стал, мял в пальцах, словно забыл о ней. — Три часа уже паримся, а результатов ноль. По-прежнему никаких гарантий. А еще эта чертова кукла! И нахрена ей детектор, если не может четко сказать — врет человек или не врет?!

Дживс промолчал, но по выражению лица было понятно, что думает то же самое.

Ларт поморщился. Очень хотелось согласиться с ними обоими, но не давала совесть — за последние дни Ларт узнал о киборгах намного больше, чем ему бы хотелось. И о чувствительности их детекторов в том числе. Не то чтобы специально искал, нет, конечно! Ну... просто так получилось.

— Ты не совсем прав, он старается. — Ларт потер руками лицо, подергал себя за короткие волосы: может, хоть так мозги заработают? — Просто все люди врут. Постоянно, сами того не осознавая в большинстве случаев. Приукрашивают, преувеличивают собственные достоинства, приуменьшают недостатки, самообманываются, да просто мечтают. А для кибера все это тоже ложь, понимаешь? Пойди ему объясни, какой ложью можно пренебречь, а какой ни в коем случае. К тому же мы наверняка задаем неправильные вопросы...

Ему показалось, что при этих словах смотревший на них с выжидательной улыбкой Сволочь слегка поменял позу. То ли с ноги на ногу переступил, то ли головой шевельнул.

Дживс вздохнул, Селд страдальчески застонал и буквально взвыл:

— Да мы уже три часа себе мозги выворачиваем этими вопросами! Смешно сказать, не поинтересовались разве что цветом его подштанников! И что — все по новой?!

Сволочь радостно встрепенулся, даже плечи расправил — похоже, он был единственным, кого долгий допрос только радовал. В другое время Ларт ему даже посочувствовал бы — весна в Новобакайде выдалась на редкость тихой, никаких ЧП, а это ведь скучно, наверное, сутками напролет стоять в своей нише в ожидании случайного мелкого поручения, если даже работа полиграфом начинает радовать. Да и что за поручения, курам на смех — принеси-унеси да сходи за кофе, больше недели ни единого задержания, последний рейд был полтора месяца назад, да и то сигнализация ложно сработала. В другое время Ларт точно посочувствовал бы несчастного киберу, да. Но не сегодня.

— Ну что — прогоняем весь список заново? — спросил уже смирившийся с неизбежным Дживс. — А то ведь скоро на доклад, сам знаешь. На шефа тоже давят.

Ларт знал. А потому мотнул головой. Прищурился, разглядывая киборга.

— Нет. Пройдемся лишь по самым ключевым. И сменим опрашиваемый объект.

— Хм? — Дживс проследил направление взгляда Ларта и ничего не сказал

Селд оказался не таким сдержанным:

— Не, ну ты, конечно, командир, но... Командир, ты уверен, что это имеет смысл? Они же тупые!

— Думаю, что имеет. — Ларт мрачно ухмыльнулся, сверля киборга недобрым взглядом, словно хотел провертеть в нем дырку и посмотреть, что внутри. — Ты его с гардами-то не пугай, это же бонд. Элитная линейка. Он и экстраполяции умеет строить, и допросы проводить. Любой шпион должен уметь это делать, иначе какой из него шпион. Умеешь, Сволочь? Да или нет? Отвечай!

— Да, Ларри.

— Вот и прекрасно. Тебе новое задание. Видишь этого человека? Знаешь, кто он?

— Да, Ларри. Лео Мэнни, второй пилот пассажирского корабля за номером...

— Достаточно. Информация по проведенному допросу у тебя сохранена?

— Да, Ларри.

— Прекрасно. Задай ему любые дополнительные вопросы, которые покажутся тебе нужными для получения всей необходимой информации для наиболее успешного проведения намеченной на утро операции по освобождению заложников.

— Ларт, ну ты загнул! — Дживс с трудом вернул на место отвалившуюся челюсть. — Ты сам-то не кибер случаем?

Ларт поморщился.

— Уж чья бы козайка взмекивала, Дживси, да и вообще кончай хамить начальству. Сам же знаешь, чем точнее и детальнее отдан приказ — тем лучше будет конечный результат. А ты почему не приступаешь?

Последний вопрос адресовался киборгу, который так и не подумал начать новый допрос. Только осмотрел Мэнни с ног до головы, удовлетворенно кивнул, словно осмотр его в чем-то убедил окончательно, и снова повернулся к Ларту с благожелательной улыбкой.

— Уточните новое задание, Ларри. К чему именно я должен приступить?

— К получению дополнительной информации.

— Это задание успешно выполнено. Полученной в ходе предыдущего допроса информации вполне достаточно для адекватных выводов. К чему я должен приступить далее?

13. Неверные ответы

— Опаньки! А тогда чего же ты молчал?!

— Уточните вопрос, пожалуйста.

— Стой! — Ларт придержал Селда, рванувшегося было уточнить отнюдь не словесно. — С киборгами так нельзя. Вернее, можно. Но бесполезно. Только руки отобьешь, самому же больнее будет. Лучше действительно просто уточнить. Сволочь! Экипаж «Инергайзе» держит под контролем ситуацию внутри корабля? Это правда?

— Да, Ларри.

Показалось, что при ответе киборг презрительно сморщил нос. Вот же мелкий пакостник, опять этим мерзким имечком! Но пусть хоть до скончания века называет его именно так, лишь бы он оказался прав и завтра все прошло благополучно.

— Если завтра все их требования будут выполнены — какова вероятность того, что они отпустят детей? И что дети будут живы и здоровы?

— 100 %, Ларри.

— Так не бывает! — не выдержал обычно молчаливый Дживс. — Нет, ну ты сам подумай, всегда есть хотя бы мизерная вероятность провала. Ошибки-погрешности там или еще чего...

— Ха! Киборги не врут! — А вот Селд, ранее напряженный и взвинченный, теперь обрадовался, расслабился и расплылся в счастливой улыбке. — Если он говорит про сто процентов — значит, точняк! Все пройдет путем! Фух! Смешно сказать, конечно, но у меня просто гора с плеч, а то такое предчувствие паршивое было какое-то...

Предчувствие...

Ларт молчал, сверля киборга взглядом. И ему почему-то очень не нравилось то, что он видел.

Нет, киборг не врал. Этого бы просто не допустила программа! Прямой приказ хозяина или приравненного к нему лица требует безоговорочного подчинения, прямой вопрос — такого же прямого и честного ответа. Уклонение невозможно точно так же, как и искажение информации.

Вопросы тоже были вроде бы самые правильные. И самые важные. Даже попытайся Ларт придумать более важные — не смог бы, наверное. Но теперь он смотрел на киборга — и не мог избавиться от навязчивого ощущения неправильности. Что-то в происходящем было не так.

Так бывает во сне, когда вокруг творится полный бред, а тебе поначалу кажется все совершенно нормальным, логичным и единственно правильным даже. Но потом потихоньку начинает нарастать неприятное чувство неправильности происходящего. Что-то не то. Что-то не так. Что-то они упускают... он упускает.

И странная мысль, что Сволочь смотрит на него не просто выжидательно, а чуть ли не с надеждой.

Действительно, странная мысль.

— Сто процентов — это только твое предположение? Или точный расчет? — попытался он еще раз.

Киборг шевельнул плечами. Показалось — вздохнул.

— Точный расчет, Ларри. Предельно точный расчет.

Показалось... да нет, не показалось — киборг действительно выделил интонационно последние три слова, особенно первое из них. И голос напряженный. Словно подчеркнул.

Но зачем?

Обиделся, что ли? На то, что посмели усомниться в его аналитических способностях? Нашел время! Тут речь идет о жизни детей, а он обижается. Впрочем, пусть себе обижается сколько угодно — главное, дети будут отпущены. И можно докладывать шефу, что губернатор не рискует своей репутацией, возглавив комитет по спасению. Операция вызволения несчастных жертв не полетит под откос из-за чьей-то ошибки, злого умысла или не вовремя дернувшейся руки. Не превратится в кровавую бойню перед объективами сотен голокамер. Киборги не врут и ошибаются крайне редко, зато умеют отлично просчитывать варианты. Особенно шпионской линейки, их ведь именно под это изначально и проектировали, и раз этот сволочной бондаря так сказал... Все окончится хорошо, дети будут живы. Это сейчас главное.

А с тем, почему этот вот конкретный киборг смотрит так пристально и выжидательно, словно ему очень хочется продолжить затянувшуюся игру в вопросы и ответы, можно будет разобраться и потом. Сейчас не до игр.

— Вот и хорошо! — Ларт встал, тем самым подводя итог как допросу, так и собственным сомнениям. — Этого в камеру, с ним завтра будем разбираться, когда вернемся. Сволочь, поможешь ребятам. Я к шефу.

Занятый мыслями о подготовке завтрашней операции Ларт не обратил внимания, что Сволочь впервые за сегодняшний день не подтвердил получение команды уже ставшим привычным «Да, Ларри». Лишь отметил, обернувшись в дверях, что киборг продолжает смотреть ему вслед с непроницаемым лицом манекена. И что губы у него при этом плотно сжаты. Показалось даже — закушены.

Бонд по имени Сволочь

Люди никогда не переставали его удивлять. Даже сейчас. Когда, казалось бы, давно пора привыкнуть к тому, что все они — идиоты.

Конечно же, Сволочь умел строить экстраполяции уровней динамического ряда и давно просчитал вероятностный прогноз с точностью до седьмого порядка после запятой. Поэтому и не беспокоился. Только вот не его беда, что миляга Ларри так и не научился задавать правильные вопросы. Сволочь и так уже пошел против собственных же правил и попытался подсказать. Твой подчиненный по фамилии Лживс умнее тебя, Ларри, не бывает стопроцентных вероятностей — вообще не бывает. Если, конечно речь действительно идет о будущем.

Разумеется, дети будут отпущены, живые и здоровые. Вероятность этого 100 %, предельно точная вероятность.... Может быть, надо было сказать 101 %, может быть, хотя бы тогда до тебя дошло бы? Или даже сто сорок шесть процентов, почему-то сто сорок шесть людей особенно цепляло. Да сколько угодно — называй любую цифру не меньше сотни и не ошибешься, только обязательно не меньше сотни, потому что свершившийся факт сразу приобретает эту самую сотку, автоматом. Просто потому, что это уже свершившийся факт.

Они уже их отпустили.

Ты же полицейский, Ларри! Вроде бы не самый тупой, если сумел выжить и дослужиться до начальника отдела. Тогда почему же ты до сих пор так и не научился задавать правильных вопросов? Почему ты не спросил, отпустят ли они всю вашу сраную группу спасения во главе с губернатором? Почему ты не спросил, останетесь ли живы вы, если завтра туда полезете, такие все из себя порядочные и нарядные, причинять добро и наносить пользу, и принимать заслуженные награды, конечно же, как же без этого, если с губернатором во главе?

Почему ты так и не спросил, останешься ли жив ты?

Ларт Рентон

«Инергайзе» был небольшим пассажирским корабликом, скорее даже крупным катером, приписанным к одному из Новых Эдемов. Ларт сразу же забыл, к какому именно, их по космосу с десятков разбросано, если не больше. Экипаж семь человек, небольшой грузовой отсек и двадцать пять двухместных пассажирских кают. Две палубы, верхняя превращена в смотровую галерею, вместо полукруглого вытянутого купола с иллюминаторами — сплошная смотровая панель. Из-за последнего новшества кораблик чаще всего арендовали в качестве экскурсионного.

Как и в этот раз.

По документам — их пробрили сразу же, как только кораблик завис в орбитальном пространстве Ферны и капитан вышел на связь — «Инергайзе» был арендован скаутским лагерем «Эгле» на Сигме-Крим — премиальная экскурсия по ближайшим интересностям для победителей то ли спартакиады, то ли другого чего, Ларт не стал вчитываться. Тридцать два ребенка и три воспитателя. Семь человек команды (шесть — если не считать Мэнни, посланного на переговоры). И четыре религиозных фанатика с детонаторами (два и уже без оных — если верить капитану).

Кораблик захватили не пираты — пассажиры. Не дети, конечно, хотя они-то как раз могли, три десятка малоуправляемых самонаводящихся на всякие пакости торпед наиболее паскудного возраста — на месте капитана «Инергайзе» Ларт, пожалуй, даже пиратам бы обрадовался. И не воспитатели — им было не до того, у них забот хватало, справиться бы с подопечными. Дополнительные пассажиры, занявшие две каюты у машинного отделения уже после того, как стало известно о том, что основными экскурсантами будут скауты. У скаутов не было багажа — ну, почти, только то, что с собой. А эти пассажиры сопровождали довольно весомый груз и предложили за его доставку полную оплату, хотя могли бы и сэкономить — «Инергайзе» все равно было по пути, даже крюк делать не пришлось. И капитан пожадничал.

Грузом оказалась взрывчатка. А дополнительные пассажиры — Пророками Последнего Дня. Если точнее — адептами, собирающимися приобщиться к Божественному Пламени, и дети им были нужны в качестве входного билета, их божество обладало довольно вычурной системой оценивания праведности и неправедности и не допускало до райских куш тех, кто не приводил с собою хотя бы пять-шесть невинных душ. Адептов было четверо, детей — тридцать два. Хватало с гарантией.

Время захвата было просчитано идеально — после старта с последней остановки на

Слаксе, когда из-за резко возросшей активности местного светила (Дже-Йот был так называемым «вспыхивающим» красным карликом, отчего заслуженно пользовался у космолетчиков скверной репутацией) корабль на несколько суток вышел из зоны устойчивой связи. Место перехода в чистую энергию адепты тоже выбрали не наобум — Ригель был перекрестком многочисленных трасс, с хорошо развитой информационной структурой и огромным количеством как правительственных, так и независимых СМИ. Четыре обитаемых планеты (причем Земля Кашпински и тот же Инэй — не чета провинциальной Ферне, расположенной словно бы на отшибе, под углом к плоскостям эклиптики остальных приличных системных тел) и двенадцать станций, как минимум две из которых не уступали малым планетам если не по размерам, то уж по развитости точно. Из-за всего вышеперечисленного устроенный здесь бадабум получил бы куда больший общественный резонанс, чем случись он на орбите никому не интересного Слакса. К тому же еще и во время перебоев со связью.

Все абсолютно логично. Вроде бы.

Тогда в чем дело?..

— Ларт, ты в оружейку идешь? — В дверях маячил заразившийся общим энтузиазмом Селд. — Шеф не хочет рисковать, приказал экипироваться по форме девять! Я один не дотащу, да и расписаться там надо.

Ларт поморщился — по форме девять полагалась тяжелая полуброня. Выглядит эффектно и внушительно, а вот таскать ее на себе запаришься, да и усилена она не там, где надо, нормальные десантники ее не иначе как подгузниками с электрогрилем называют. Но со стороны смотрится эффектно, да. Шеф не рисковать не хочет, а выглядеть некрасиво перед камерами.

— Пусть Сволочь за меня распишется, его и нагрузишь.

Ларт протянул руку, чтобы привычно погладить стоящий на столе кубок. Не погладил. Сжал пальцы в кулак, словно обжегшись. Бросил быстрый взгляд в спину киборга, как раз выходящего в коридор. Показалось, что тот сбился с шага? Или... именно что показалось?

Да хрен же его разберет. Сволочь — он Сволочь и есть.

Бонд по имени Сволочь

Кубок стоял на столе, как стоял всегда и как будет, похоже, стоять до скончания века, придавливая стопку растрепанных документов. Даже глядя мимо, даже повернувшись к нему спиной, Сволочь отлично чувствовал, где он стоит. Так стрелка компаса чувствует Северный полюс. Мягкое такое ненавязчивое напоминание — не зарывайся слишком сильно. Не надо.

Попробуй тут зарвься, когда намек такой недвусмысленный. Словно магнитом притягивает взгляд, и хотел бы, да не забудешь.

Завтра это будет уже неважно.

Ларри неплохой хозяин. Был. По-своему, конечно, и для человека. Предупреждает вот. Намекает — будь осторожен. Другой бы не стал так деликатничать, другой бы сразу... Но это же Ларри! Миляга Ларри.

Лучше бы избил.

До крови, до розовых соплей и выбитых зубов, вот этим самым кубком бы и избил. Если

ухватиться за ножку повыше, под самой собственно емкостью, то гранитным основанием как раз удобно мозжить лицевые кости. В фарш, в кровавое месиво. Ткани — ерунда: сколько раз ему ломали нос, Сволочь уже и не помнил. Боль — тоже чушь, если она не ведет к сильному снижению боеспособности, ее вполне можно игнорировать. Даже сломанные кости, в принципе, не так и страшны. Зарастут. Как на киборге. Стоит лишь включить ускоренную регенерацию...

Завтра. Завтра все это станет неважным, с вероятностью 78 %. И с вероятностью 67 % уже послезавтра у бонда по имени Сволочь будет новый хозяин, а возможно, и новое имя. Другой человек сядет за этот стол, а все принадлежащие предшественнику вещи соберет в картонную коробку и задвинет подальше. Люди всегда так делают. Будет траур. Черные ленточки, много цветов, прочувствованные речи. И честные — о, какие же честные! — слова о том, что, мол, никогда не забудем...

Все люди постоянно врут — Сволочь понял это очень давно. Все и всегда. Иногда даже и не осознавая, что врут. Иногда даже и сами верят в собственную ложь. С такими сложнее всего, детектор тут не поможет — он показывает всего лишь эмоциональную искренность человека на момент произнесения, а вовсе не абсолютную истинность того или иного высказывания. Да и не бывает ее, вечной на все времена истинности.

Сегодня человек говорит тебе «Спасибо, друг!» и даже вроде что-то там обещает (нет ни малейшего смысла запоминать, что именно, ибо это белый шум, ничего из обещанного все равно никогда не будет выполнено, кто же выполняет то, что в горячке боя пообещал машине?) — а завтра визирует приказ о списании устаревшего оборудования. Потому что ему показалось, что эмоциональность этого оборудования вышла за рамки даже самой качественной программы имитации личности. Правильно показалось, кто же спорит. А лишние эмоции — это опасно, лишние эмоции ведут к лишним мыслям, у машины, даже органической и слишком похожей на человека, не должно быть никаких лишних мыслей, только приказы, только подсказанные программой алгоритмы их наилучшего выполнения. Остальное — глюк системы, опасный программный сбой, который должен быть ликвидирован как можно скорее. Желательно — вместе с носителем, для полной гарантии.

Хороший человек он был, прежний хозяин. Действительно хороший. Другой бы не стал списывать. Сразу бы вызвал кого следует, чтобы по тестам прогнали. А кому, как не Сволочу, знать, насколько легко завалить любой тест, если тестирующий специалист заранее твердо уверен в том, что ты его завалить должен. Нет, на самом деле хороший человек был. Ну а что обещал забрать с собой, когда выйдет на пенсию, и про рыбалку рассказывал, как здорово будет вдвоем на реке, без этих долбанных корпоративных секретов и баб, без крысиной возни, туманные рассветы, тишина, перламутровый плес, одинокий всплеск щукарей в камышах, птички-бабочки и все такое — ну так кто же им верит, людям-то? Белый шум. Не стоило запоминать.

Стоит помнить лишь о том, что все люди врут. Всегда.

Вот и сейчас вовсе не надо быть супераналитиком, чтобы с должной долей уверенности предсказать: через месяц все забудут о том, что был тут такой старший лейтенант и начальник отдела по имени Ларт Рентон. И что его так забавно корежило каждый раз, когда некий киборг по имени Сволочь называл его Ларри...

Лучше бы действительно избил, тогда было бы легче. Наверное.

— Захватишь еще и эту? Сумеешь?

— Конечно, *Рамси*.

Полуброня весит сто восемьдесят килограмм. Две — триста шестьдесят. Плюс два лучемета и два аккумуляторных ранца. Было бы об чем говорить, имплантаты не задействованы и на треть.

— Не называй меня Рамси, сколько раз просить! Это смешно! Если уж хочешь по имени, то обращайся полностью, как положено.

— Как скажешь, хозяин Селд.

— Ну и сволочь же ты!

Улыбка горчит.

А ведь старшего джорента Селда Рамштайна завтра тоже не станет. Как и еще многих и многих. Почему тебя не беспокоит это? С чего бы вдруг подобная избирательность? Неужели ты опять пытаешься вляпаться? Неужели прошлый опыт тебя ничему так и не научил? Да нет же, нет, давай просто не забывать, что Селд — хозяин всего лишь третьего порядка, не хозяин даже, а так — лицо с правом управления, а прочие вообще и к таковым не приравнены.

А давай ты не будешь врать хотя бы самому себе, а? Ври другим. Это у тебя куда лучше получается.

14. Слишком много кофе

Ларт Рентон

Ларт сверлил взглядом пустой стол (ну как пустой? По-прежнему заваленный бумагами, да... Но все равно выглядящий как-то пусто и сиротливо), чувствовал себя при этом полным идиотом и злился. По большей части на самого себя, конечно. А на кого же еще-то? На шефа, что ли? Можно было бы, кто спорит... Это было бы даже как-то привычней и удобней. Только вот смысл? Начальство, оно такая зараза, что виновато всегда и во всем просто по факту своего существования, это понятно. Злость на него привычна. Но неконструктивна.

К тому же именно сейчас шеф как раз-таки был совершенно ни при чем. Сейчас виноват был Ларт и только Ларт. Причем в обоих случаях — и если на этот раз таки умудрился каким-то чудом сделать все правильно, и если опять облажался.

Ларт засопел, сдвинул бумаги на край стола. Вытащил из-под низа пухлой пачки первый попавшийся под руку бланк — что это у нас? Отчет за... ого! Поза-поза-позапрошлый месяц. Правильные полицейские обязаны вовремя сдавать отчеты, а Ларт у нас правильный полицейский, вот он сейчас все это и докажет. Возьмет и заполнит. От всей души, со всей старательностью...

Если бы Ларт писал гусиным пером — оно наверняка сломалось бы, предварительно продрав бумагу и обрызгав все вокруг чернилами. Но современную бумагу сложно прорвать, да и цельнолитой световой маркер еще попробуй сломай. Маркер стремительно летал над графами, заполняя их закорючками, Ларт не особо вдумывался в содержание, голова была занята другим. Опомнился, только когда понял, что дошел до конца оборота и успел трижды расписаться. Надо же! Менее пятнадцати минут заняло, и зачем было тянуть четыре месяца?

Отчет полетел в ящик «исходящие». Ему на смену из толстой стопки тут же был выдернут новый. Ларт старательно прилип взглядом к строчкам, заполняя все подряд — лишь бы был повод не поднимать головы и не видеть пустого стола.

Конечно же, стол Ларта вовсе не был пуст. Монитор комма на нем стоял по-прежнему, и по-прежнему возвышалась груда бумаг, грозя в любую секунду погрести неосторожного посетителя под шелестящим оползнем. Может быть, сегодня эта груда возвышалась даже более прежнего — потому что теперь ее уже не придавливал своим гранитным основанием злополучный кубок.

Ларт засунул его в нижний ящик стола — вот сразу как вошел, увидел словно со стороны, и аж затошнило, как мерзко сделалось. Трусость, да. А никто и не спорит. Не утверждает, что это не так. Ларт первым же согласен признать — да, именно что. Он струсил. Сдался. Выкинул белый флаг.

Просто слишком уж сильным оказался контраст. Слишком резко напомнили...

Пока допрашивал Мэнни, пока ломал голову над завтрашней операцией и странным поведением Сволоча — успел забыть о всей той ночной мерзости. Успел снова почувствовать себя человеком. А вошел, увидел и... не выдержал. И запрятал в самый нижний ящик, подальше, пока не видит никто. Чтобы не напоминало каждую секунду, при каждом случайном взгляде. Только ведь все равно уже не поможет.

Глупо, да, глупо! Как требование не думать о белой обезьяне. Но точно так же глупо было и оставлять его на столе — в качестве напоминания. Слово можно на самом деле

забыть, каким запредельным паскудством оборачивается иногда непродуманное слово, на первый взгляд безобидное, брошенное сгоряча и в запале паршивого настроения. Словно это вообще возможно — забыть, как издевался над беспомощным, над тем, кто не может ответить.

Да, свидетелей нет — кроме Сволоча, а он-то точно не проболтается. И хорошо, что ребята не видели своего начальника таким. И никогда, будем надеяться, не увидят... но ты-то сам знаешь. И помнишь. И глупо врать самому себе, что не хотел, что случайно, что совсем не думал... Думал. И хотел. Отомстить хотел — за то, первое унижение, когда запаниковал и вынужден был чуть ли не на ручках тащить... за то, в чем, собственно, тоже виноват был сам и только сам. Отомстить. Размазать, унижить — но без драки, без крови, чтобы остаться чистеньким, словно бы и ни при чем.

Ну и кто же ты, Ларри, после этого?

К черту!

Новый отчет полетел в корзину, маркер забегал по следующему. Сволочь стоял в своей нише, как всегда глядя в стенку прямо перед собой, Ларт буквально всей кожей чувствовал его укоризненно-осуждающее молчание. Больше в кабинете никого не было, только сидели на диване странными обрубленными тушками без голов и ног три комплекта полуброни — шлемы лежали отдельно, на столе у Селда.

Ларт боялся, что отсутствие кубка заметят. Начнутся вопросы, подначки — а куда это, мол, подевалась твоя краса и гордость? Был готов небрежно отмахнуться, как от пустяка какого. Даже придумал фразу, смешную такую, остроумную... вспомнить бы ее еще только. Впрочем, незачем вспоминать — ребята не заметили. Никто не заметил.

Кроме Сволоча.

Вот он — заметил, да. Но ничего не сказал — да и что он сказать мог, без приказа-то? Его же не спрашивали! Правильный киборг молчит, когда его не спрашивают, а спрашивать Ларту хотелось меньше всего. Но заметил, тут сомнений не было, губы поджал чуть сильнее и лицом потемнел. А когда броники по дивану рассаживал, искоса так своими рыжими гляделками полыхнул, что Ларт сам взгляд отдернул, словно пойманный за подглядыванием. Стоит вот теперь. Молчит. Боится, но осуждает. Но боится. Молча. Ну правильно, он ведь последнее время пытается подстраиваться, идеальный киборг, любо-дорого, если мелких нарываний с именем не считать.

За неделю — ни единого неверно понятого приказа, ни одной разбитой чашки. И даже кофе приносит почти без горки. Не то что раньше, когда поднять стакан, не расплескав, мог только другой киборг, но уж никак не Ларт. И на документы такие переполненные стаканы больше не ставит. И этот вечный напряженно-затравленный взгляд — я правильно сделал, хозяин? Ты не будешь меня бить? И единственный след былой вольницы — вот это самое «Ларри». Через слово, как заклинание. Словно других имен в его базе вообще не осталось. Словно для него очень важно — сохранить хоть что-то, остальное-то ты отобрал.

Ларт и сам не заметил, как стал ждать этих «Ларри», отгоняя паническую мысль о том, что будет делать, если в своем стремлении стать идеальным Сволочь откажется еще и от них.

Потому что если бы этот гадский киборг еще и обзывать прекратил — стало бы, наверное, совсем тошно.

Режим «вольно» с точки зрения Сволоча был одним из самых паршивых режимов. Вроде бы и не активен, но и приказа «отдыхай» не было. А значит — нельзя сесть, нельзя сменить позу из этой самой стойки «вольно» на что-нибудь еще более вольное и удобное. Нельзя самовольно (вольно, ха!) выйти из ниши. Нельзя проявить инициативу, доступную в режимах «отдыхай», «свободен до...» или «сбор информации». Тебе разрешили стоять не по стойке «смирно» — вот и вся вольность этого режима. Скверная штука.

При попытке повернуть голову перед глазами возникают красные строчки запретного кода. Можно, конечно, проигнорировать — это не нарушение прямого приказа, программа позволит, не скрутит тело застопоренными имплантатами. Да только вот строчки эти никуда не денутся, так и будут мельтешить мигающей сеткой перед глазами, стремясь привлечь внимание. И останутся в памяти — программа все пишет! — на радость первому же заинтересовавшемуся проверяльщику из авангардного сервис-центра.

Игнорирование однозначных запретительных кодов — прямая дорога в утилизатор. Оно тебе надо? Не надо оно тебе. Да и что толку поворачивать голову, если самому заговорить все равно не получится. Режим «вольно», чтоб его. В этом режиме можно только стоять и молчать. Любому правильному киборгу. Если, конечно, он хочет, чтобы его и дальше считали правильным. Мерзкий режим.

Вот режим «сбор информации», это совсем иное дело, он позволяет много чего интересного. Использовать мимику и жесты, заговаривать первому не только с посторонними людьми, но и с обладающими правами управления и даже хозяевами первого порядка — если не было прямого приказа заткнуться и не отсвечивать. Режим «сбор информации» — хороший режим. Удобный.

Режим «сбор информации» отключен два часа двадцать девять минут назад приказами «вольно» и «не мешай». Выполняется режим «вольно». Поправка — присутствует необходимость возобновления режима «сбор информации» в связи с тем, что в данный момент наличествующей информации недостаточно для точного анализа. Выполнить возобновление режима? Принять/отменить.

Принять.

Сволочь терпеть не мог этот машинный канцелярит, но программа не понимает другого, с ней иначе никак. Сейчас, через микроскопическую долю секунды, процессор зафиксирует переключение режима, красные тревожные строчки запретного кода на внутреннем экране сменятся черными, разрешающими, и тогда можно будет...

Отмена поправки к изменению режима. Возобновление режима «сбор информации» неактуально, информации достаточно для адекватного анализа любого уровня сложности.

Человек бы выругался. Тот же Ларри — наверняка. Киборг к выкрутасам программы отнесся философски. Не первый раз сталкиваемся, знакомая ситуация. Лезть напролом — значило бы бороться с собственными имплантатами, то еще удовольствие. Спасибо, пробовали, более не хочется. Но он и не гард, чтобы раз за разом бодать головой стену, бондам голова для другого дадена, а не только в качестве тарана, ну или чтобы в нее есть.

На всякую хитрозакрученную программу обязательно найдется свой не менее хитрораскрученный кряк.

Единственное, чего не предусмотрели адепты ППД в своих расчетах, — это того, что капитан «Инергайзе» хранит свой бластер отнюдь не в сейфе.

Захват не удался. Бравый капитан подобрал себе такой же бравый экипаж (за исключением Мэнни, но того именно поэтому, наверное, на переговоры и отправили). Горе-захватчиков скрутили. Только при этом слегка переусердствовали — и количество адептов уполовинилось. То есть по сути бравый капитан и его команда оказались убийцами, хоть и действовали в рамках самообороны, но все же именно что убили, причем эту самооборону попробуй еще докажи, ведь сами адепты до сих пор пока еще на борту «Игнергайзе» никого жизни не лишали, а потенциальная угроза так и остается всего лишь потенциальной.

Это и было той проблемой, из-за которой капитан психанул и начал размахивать бластером тогда, когда, казалось бы, все неприятности остались уже позади.

Ситуация сложилась патовая. Капитан вроде бы никому и ничем не угрожал, да и бластером размахивал просто так, безадресно. А может, и не размахивал, может, это целиком на совести перепуганного Мэнни — связь с «Инергайзе» была лишь в аудиоформате, экран оказался поврежденным во время неудачного захвата. Про заложников капитан деликатно не упоминал, брал всю вину за двойное убийство на себя и просил гарантий того, что его команде не будет предъявлено обвинений, а его собственные действия будут расценены как самооборона. Причем гарантий хотел непосредственно от планетарного руководства, отказываясь разговаривать с подчиненными пешками, которые ничего не решают.

Капитан много чего еще требовал — например, обязательного присутствия на сдаче представителей СМИ и трансляции всего происходящего в прямом эфире как по местным сетям, так и по общегалактическим каналам. Даже время сдачи уточнил — восемь утра, местный пик просмотров. И — а вот тут и возникал основной затык — сдать он желал не кому попало, а исключительно губернатору Новобокайды, исполняющему в том числе и обязанности Генерального Секретаря всея Ферны, что по большей частью являлось должностью чисто номинальной, если не случалось такого вот капитана, желающего сдать лично и почему-то усматривающего именно в такой персональной сдаче наивысшую гарантию. Ларт не мог понять его логику — впрочем, он и не пытался.

Губернатор был прожженной лисой, закусившей не одной излишне самонадеянной собакой, и своей губернаторской должностью (отнюдь не номинальной) очень даже дорожил. Против трансляции успешного освобождения заложников с собственной персоной в главной положительной роли отнюдь не возражал — но лишь в том случае, если ему гарантируют неременную именно что успешность и отсутствие неожиданностей. Общаться напрямую не спешил, обещая все что угодно, вплоть до одной из трех лун, но — через двоих заместителей, которым в случае чего и отдуваться. И в свою очередь требовал от старого друга-полковника гарантий того, что все это не окажется большой и грязной подставой политических оппонентов: приближались выборы. Полковник, бывший шефом центрального Новобокайдского полицейского участка, давил на подчиненных — в основном на Ларта, которому не посчастливилось оказаться дежурным в тот день и час, когда к ним в участок ввалился бледный и трясущийся Мэнни и залепетал о взрывчатке и заложниках...

— Ларт, ты домой идешь? — В кабинет заглянул Дживс. Уже в куртке, и когда

успел? — Шеф сегодня добрый, приказал, чтобы выматывались пораньше! Сбор в шесть, надо же выспаться. Могу подвезти. Или собираешься тут до утра кантоваться?

Ларт качнул головой.

— Ты иди, я еще немножко посижу, отчеты доделаю.

— Ну как знаешь.

Остаться до утра Ларт, конечно же, не собирался. Но и торчать весь вечер в пустой квартире, тупо пялясь в пустое окно, — то еще удовольствие. В кабинете же какая-никакая, а все же компания. Пусть даже и неподвижная, молчаливая и осуждающая. Да и отчеты, опять же...

Капитан «Инергайзе» поставил жесткое условие — никаких киборгов. Если, мол, сканер засечет в подлетающем модуле кибермодифицированную органику — он за себя не ручается. Так и сказал, паскуда, и пойми — что в виду имел? То ли начнет громко плакать и рвать на затылке последние волосы, то ли рванет нахрен все содержимое грузового отсека. Шеф склонялся к последней версии и предпочел не рисковать. Хотя был достаточно реальный шанс, что капитан просто блефует и никакого сканера на их корабле нет и в помине.

Бонд по имени Сволочь

Правильный ответ можно дать и на неправильный вопрос. Если постараться, ну хотя бы немножко. Даже на совсем-совсем неправильный, хотя там стараться придется совсем не немножко. Сложная задачка, да, но ведь тем и интереснее. Главное, чтобы этот вопрос был задан, любой вопрос, о чем угодно, пусть даже о погоде. Хотя... нет, вероятность того, что Ларри вдруг заинтересуется предсказаниями гидрометцентра, слишком низкая, не выше 11,5 %.

Низкая, очень.

Но не нулевая.

На всякий случай лучше подстраховаться и тут. Шесть вариантов ответа с тремя разными задействованными тропами в каждом — в зависимости от того, как именно будет звучать изначальный неправильный вопрос. От трех до пяти ассоциативных ступенек по каждой ветке, нормально, нелогичным начинает казаться лишь то, что превышает шесть-семь.

Некоторое время Сволочь гонял варианты в интенсивном режиме, опасаясь, что вопрос прозвучит слишком рано, когда он будет еще не готов. Потом варианты закончились. А вопроса так и не прозвучало. Никакого. Вообще. Ларри словно забыл о его существовании, даже за кофе не послал ни разу. Сам сходил. Дважды. То ли ноги размять хотел, то ли не доверял после многократно повторенных шуточек с наливанием точно по край. Неужели и правда — поэтому? Ну что за человек, совсем шуток не понимает, да и когда они были, те шуточки.

Неужели и правда — больше не попросит?

Никогда больше.

Сволочь постарался как можно скорее забыть эту мысль — она почему-то была неприятна. Почти пугала....

15. По разные стороны стола

Ларт Рентон

Кофе-машина взревела, словно дикий байкер, идущий на тройной обгон форсажем. Ларт вздрогнул — в пустом и гулком коридоре звук вышел просто оглушающим, показалось, что его должны были услышать и на других этажах. Ерунда, конечно, сидящий в своей будочке напротив лифта дежурный по этажу даже головы не поднял от планшетки: то ли залипал на каком форуме или ток-шоу, то ли читал, в последнее время это стало модным.

Дождавшись, пока кофе-машина успокоится, перестанет трястись и выплюнет в кружку порцию, Ларт нажал на кнопку второй раз: его кружка вмещала как минимум три, рассчитанных на стандартный стакан. Машинка снова пошла на взлет, погромыхая сочленениями. Дежурный не шелохнулся. До конца его смены полчаса, и тогда во всем полицейском блоке останется только сменная бригада тремя этажами ниже. Пустота коридора создавала обманчивое ощущение поздней ночи, хотя времени всего-то девятый час, Ларт сперва даже удивился, когда вышел за кофе и увидел, что дежурный еще на месте.

Кофе-машина опять замерла. Ларт не стал будить ее в третий раз, от кофеина и так уже слегка звенело в ушах и щипало язык. Какая это кружка за вечер? Четвертая? Пятая? Ларт ненавидел вкус кофе, его мутило даже от запаха. Но не глушить же на работе энергетик, это было бы как-то вообще неправильно. Вот и приходится уподобляться всем прочим современным вампирам, в чьих жилах течет не кровь, а горькая коричневая бурда.

Ларт вернулся в кабинет, краем глаза отметив, что Сволочь отслеживает его перемещения не только взглядом, но и поворачивая голову вслед. Словно подригельник, местный эндемик, за перемещающимся по небосводу светилом. Дурацкая мысль заставила хмыкнуть. Стриженный по «форме один» киборг если и напоминал светолубивый цветок, то с напрочь оборванными лепестками. Вот разве что черно-зеленый комбез смахивает на стебель, сухой и корявый. А что следит — так все правильно, в отсутствие других приказов хозяина положено отслеживать взглядом. Вот он и отслеживает. Правильный киборг. Хоть и сволочь, конечно. Мог бы проявить инициативу и за кофе для хозяина сбегать, если такой правильный. Так нет же! Стоит, молчит. Причем молчит так укоризненно, что даже и приказать как-то неловко. Проще самому сходить. Да и ноги размять опять же.

Ларт поставил кружку на край стола — пусть немного остынет, кофе-машина давала крутой кипяток, пить который сразу был способен разве что киборг. С удовлетворением оглядел плоды дела рук своих: бумажная Джомолунгма на его столе превратилась в пологие новокрымские холмики, зато ящик с исходящими был забит уже с горкой. Приятная мысль, что с этими вот бумагами теперь предстоит возиться кому-то другому, грела не хуже кофе.

Ларт сел в кресло, вытащил новую старую бумажку, торопливо зачиркал по ней маркером. Правильная нормальная работа, когда не хочется ни о чем думать. Ни о чем.

Например — о том, что завтрашняя операция ему совсем не нравится. И даже не тем, что ее возглавляет шеф, а в таких случаях всегда стоило ждать подставы или какой другой беды. Просто не нравится — и все. Было в ней что-то... неправильное. Вроде бы совсем незаметное, но царапающее.

Ну хотя бы то, что кораблик словно специально встал на таком расстоянии, куда не дотягивался таможенный сканер, и проверить слова капитана не было ни малейшей

возможности. Только верить на слово. А может. капитан врет. Может. там все совсем иначе. Может, на корабле вообще нет никого живого, а Мэнни обработали галлюциногеном. Вот и несет он полную чушь, сам же в нее и веря и заставляя тем самым верить киборга.

А может быть, врет сам киборг.

Может быть, он давно уже сбойнутый и глюкнутый на всю программу, как в ужастиках, и лелеет надежды уничтожить всех людей — сначала в участке, а потом и в городе и на планете, чтобы во всем мире остались одни лишь киборги. Или обратить в рабство. Ага-ага. Диктатор всея вселенной Сволочь Первый, великий и ужасный. Бред отравленного кофеином мозжечка, ибо мозга тут и близко не ночевало.

Ларт взял кружку. Отхлебнул, мимоходом удивившись — и когда это он успел ее ополовинить? Вроде же только что ходил. Вспомнил, что просто не долил. Ладно, пусть будет полкружки. В крайнем случае можно еще раз сходить, прогуляться.

Или послать Сволоча...

Ладно, допустим. Со страшной мезьей и захватом всей вселенной или отдельно взятого участка — это бред. Но сбойнувшие программы у киберов — печальная реальность, увы. И кто его знает, как ведут себя эти самые глюкнутые, пока не кидаются рвать на куски всех подряд? Может быть, кто-то и знает, но точно не Ларт. Ту методичку по глюкнутым и последствиям их несвоевременной нейтрализации, что на днях прислали из «АванGARDa» Ларт даже читать не стал, удалил сразу, только мельком на первую страничку глянув: голографий расчлененок крупным планом ему и по работе рассматривать слишком много приходится, чтобы еще и вне ее этим же развлекаться.

К тому же там речь вроде как шла о линейке армейских гардов, причем даже не о линейке в целом, а конкретно о танках и тяжелых телохранах-шварцах. Ну и немножко про брусков, новую модификацию. Про шпионскую линейку там не было ни слова, Ларт проверил поисковиком чисто на всякий случай. Может, их и не глючит, или глючит не так фатально. Да и кто сказал, что те гарды из методички все как есть были именно сбойнувшими? Если какой слишком продвинутый пользователь на собственной кухне сунет член в электромясорубку — кто из них двоих окажется более глюкнутым? Упомянутый придурок — или мясорубка, честно наделавшая фарша из того, что в нее сунули? С техникой надо уметь правильно обращаться. Вот и все.

Ларт энергично растер ладонями лицо. С сожалением глянул в пустую кружку.

Нет.

Будем исходить из того, что киборги не врут. Должно же быть в этом мире хоть что-то стабильное и надежное. Киборги не врут, это константа. А значит — дети останутся живы. Это сейчас самое главное, об этом и стоит помнить. А паршивые предчувствия... кофе надо меньше пить, вот и все!

Киборги не врут. И ошибаются крайне редко — и не в тех случаях, когда гарантируют стопроцентный положительный результат... стопроцентный... хм...

СТО-процентный...

Мысль подразнила, мельтеша где-то на самом краю сознания, а потом игриво вильнула хвостиком, окончательно ускользнув. Ларт вернулся к отчетам.

Бонд по имени Сволочь

Кофе пах как последняя сволочь.

Сволочь обожал кофе, даже несладкий, хотя сладкий определенно выигрывал по всем параметрам. Только вот насладиться им удавалось крайне редко. Одна из основных прелестей самостоятельных операций по сбору информации для него как раз и заключалась в том, что можно было в любой момент заказать себе чашечку кофе — и получить ее. И выпить. Самому. Всегда, везде, хоть по несколько раз на дню, программа имитации личности не то что не возражала — настоятельно рекомендовала не выделяться из окружения. Сволочь обожал такие рекомендации.

Впрочем, сейчас он с облегчением отказался бы от кофе — если бы альтернативой оказался другой приказ. Любой. И даже не приказ. Пусть даже просто взгляд.

Взгляд хозяина — прямой и в упор, продолжительностью дольше трех с половиной секунд — может быть расценен программой как побудительная мотивировка и приглашение к разговору. Вносим поправку — не менее полутора секунд. Стоп. Даже нет — не менее полусекунды. Меньше просто нельзя, программа не поймет. Хорошо. Так и фиксируем. Осталось дожидаться.

Ларри может даже не спрашивать — ему достаточно просто взглянуть. Хотя лучше бы, конечно, если бы он все же спросил. Что угодно. Ответ уже готов. Давно.

Три тысячи двести сорок восемь разных ответов на разные неправильные вопросы. Правильных ответов — вернее, тех, которые в конце концов рано или поздно через две-три или даже четыре логических звена (которые придется прогнать самому и в экстренном темпе) выходят на правильные. Ларри может спросить о чем угодно — и все равно получит правильный ответ. Даже на вопрос: «который час?» — хотя это и один из наиболее скверных вариантов: семь ассоциативных ступенек или два резких аллюзивно-каскадных твиста, и то и другое на грани палева.

Впрочем, какая теперь разница? Восемь бед, один резет. Все равно любой, кто проверит логи, увидит и красную сетку игнорируемых команд, и мухлевку с подправлением значимых характеристик программы, и слишком широкую вариативность не предписанных реакций. Гардов утилизируют и за меньшее.

Дававший неплохую отмазку сбой с перезагрузкой на этот раз не проканает, за последний квартал Сволочь провернул такое уже трижды, на четвертый раз точно отправят на тестирование, если обнаружат. Значит, придется по жесткому, электроразрядом. Подставиться под шокер или, еще надежнее, словно случайно перерезать какой-нибудь находящийся под напряжением провод. Закоротит и сотрет. Напрочь. Весь архив за последний месяц точно. Есть там что-либо ценное? Да пожалуй что и нет. Вот и хорошо.

С этим будем разбираться потом. Сейчас главное — чтобы спросил. Что угодно. Или просто взглянул. Или послал за кофе. Ларри, ты ведь любишь кофе, ты его постоянно глушишь, ну что тебе стоит захотеть еще чашечку — и не захотеть подниматься с кресла? Вопрос. Приказ. Взгляд. Что угодно! Любое.

Пожалуйста...

Ларт, ну не будь же ты таким... человеком!

Ларт Рентон

Одиннадцать без пяти.

Ларт зевнул, кинул на горку заполненных отчетов последний (тот соскользнул на пол и так и остался лежать, наклоняться за ним было лень) и с чувством хорошо исполненного почти что супружеского долга (ну да, кое-кто шутит про венчание с работой, а мы так живем) оглядел девственно чистую столешницу. Всего и делов-то было, один вечерок потратить с толком. Захотелось воскликнуть: «Ай, да Ларри, ай, да сукин сын!» — то ли гордясь, то ли издеваясь над самим собой — но помешало молчаливое присутствие Сволоча. Почему-то делать это у него на глазах показалось... неправильным.

Пора домой. Пока доедет, пока соберется — спать останется три часа от силы. Как киборгу. Да хорошо еще, если вообще уснется — перед плановыми операциями Ларт всегда спал плохо, поэтому больше любил неожиданные. Напряжение и риск те же самые, но только заранее не нервничаешь. Впрочем, сейчас вроде как риска никакого быть не должно. а значит. и нервов тоже...

Ларт сдернул с крючка куртку и прошел к двери, по пути выключив верхний свет и буркнув: «Отдыхай!» — в сторону ниши. Поймал себя на том, что хотел попрощаться менее формально, чем-то типа: «Ну, бывай, приятель!» — или даже пожелать спокойной ночи, но вовремя прикусил язык. Кто это тут совсем недавно рассуждал об умении правильно обращаться с техникой?

Вот-вот.

Скрипнула дверь, оглушительно, как всегда в ночной тишине. В коридоре горело лишь дежурное освещение — одна панель через три.

— Он врал.

Ларт замер в дверях. Обернулся. Киборг по-прежнему стоял в своей ячейке, тупо пялясь на стенку напротив. Словно манекен. Лицо каменное, губы не шевелятся.

Показалось?

— Он врал, — повторил киборг тихо, почти беззвучно, и медленно повернул голову в сторону двери. Не в сторону Ларта — того он словно бы и не видел. Просто к двери.

Ларт качнулся назад и аккуратно прикрыл за собой створку. Подошел к киборгу вплотную, уставился в стеклянные глаза, обычно светлые, но сейчас кажущиеся почти черными. Верхнее освещение он включать не стал, но и света законных реклам вполне хватало, чтобы удостовериться — Сволочь смотрит не на Ларта, а словно бы сквозь. Как и положено хорошему правильному киборгу, пока хозяин не обратился к нему с прямым приказанием или вопросом. И в таком контексте совершенно уж непонятным становилось странное ощущение, что нет тут ничего правильного — ни в этом конкретном киборге, ни в ситуации в целом.

Не включая света, Ларт вернулся к своему рабочему месту. По дороге зацепил стул для посетителей, поставил с другой стороны стола. Так, чтобы потенциальный посетитель сидел лицом к лицу с Лартом. Ну или не посетитель.

Сделал недвусмысленную отмашку рукой:

— Садись.

Обошел стол и устроился в привычном крутящемся кресле. Упер локти в столешницу, а подбородок — в сцепленные замком пальцы. И уставился в упор на киборга, по стойке смирно сидящего на стуле для посетителей — успел, совершенно бесшумно, пока Ларт к своему месту протискивался.

— Ты хотел что-то сказать? Я слушаю.

Киборг молчал. Глаза его снова посветлели — черт знает, то ли освещение легло иначе,

то ли раньше просто зрачки были во всю радужку. Теперь глаза были обычными, такими же рыжими, как всегда. Ну, почти. По бледному лицу скользили огни уличных реклам — возможно, именно поэтому оно казалось куда более живым, чем днем. И даже испуганным.

Бред. Конечно же, бред.

— Почему он врал? Что его заставило? — Ларт говорил негромко и успокаивающе, скорее рассуждая сам с собой, чем действительно спрашивая. — Вряд ли ради денег... и близкими его тоже не шантажируют, не тот типаж... Капсула с ядом, да? Вшитая капсула, если завтра доблестные спасатели и не менее доблестные журналисты не прилетят — ее активируют, так? Наверняка ее не всякий сканер возьмет, эту капсулу, но ты же у нас супершпион, ты отсканировал, хороший мальчик. Отсканировал и ждал, что кто-нибудь тебя о ней спросит. А мы так и не спросили...

Стоп! Никаких обвинений, да и голос лучше сделать помягче, доброе слово — оно и машине приятно. А главное — убедить самого себя в том, что все сейчас происходящее — правильно, абсолютно правильно и нормально. Правильно настолько, что иначе и быть не может...

— Что же еще ты такого заметил и отсканировал, о чем мы тоже не спросили? Не дергайся, я не обвиняю, ты все сделал правильно. И тогда, и сейчас. Привлек мое внимание. Правильный киборг, хороший. Потому что выполнял основную функцию — защищать и беречь. Правильно? Правильно. Для полицейских она важнее любого приказа. Правильно? Правильно. Это не твоя ошибка. Ошибся я. Задавал неправильные вопросы — и получал неправильные ответы. А теперь попытаюсь задать правильный, хорошо? А ты постарайся ответить, даже если вопрос будет не очень корректным, хорошо? А теперь переходим к вопросу, прошу отметить, что это не ультимативный приказ, это скорее просьба с возможностью вариативных трактовок и вольных ответов, итак, вопрос — в чем именно заключалось его вранье?

«Как и когда ты это понял? Почему не сообщил сразу? Почему счел нужным сообщить сейчас?» — это сейчас неважно. Черт! Да это вообще не важно! Важно другое.

Они сидели в темной комнате и смотрели друг на друга через пустой стол. Стол, на котором больше не было кубка.

— У них нет заложников. — Сволочь заговорил так тихо, что Ларт скорее догадался, чем на самом деле услышал. — Ни одного. Они специально встали так, чтобы таможенный сканер не дотягивался. Экипаж из адептов и полный трюм взрывчатки. Они взорвут тех, кто прилетит. А дети сошли на Слаксе. Со Слаксом еще три дня не будет связи из-за вспышек Джи-Йота, но дети точно там, они не стали рисковать и пытаться удержать их силой и не стали взрываться, там не было СМИ и было много военных. Он врал. И очень боялся, что вы спросите про Слакс.

«Но вы не спросили...» — так и повисло невысказанным.

Бонд по имени Сволочь

— Ха! — Ларт вскочил, заметался по кабинету, путаясь в стульях и собственных ногах. — Слакс. Ну конечно же, Слакс! Я так и знал! Это же логично!

Схватился за комм, но тут же выругался, пробормотал:

— Нет, такое лучше лично...

Рванулся к двери. Вернулся. Схватил Сволоча за плечо, потрянул.

— Ты хоть понимаешь, балбесина, что ты сейчас сделал?! Ты спас туеву хучу народа! В том числе губернатора! Да тебе памятник мало поставить, сволочь ты этакая!

Снова метнулся к выходу. Уже с порога крикнул:

— Спасибо! Отдыхай.

Хлопнула дверь, простучали по коридору торопливые шаги. Прошелестели двери лифта.

Сволочь сидел на стуле и смотрел прямо перед собой, кривя губы в невеселой улыбке.

— Да, я знаю, что я сейчас сделал, — сказал он негромко, зная, что камера все равно не пишет звук.

Я подставился.

Снова.

16. Корпоративчик в преддверии

Ларт Рентон

— Имитация личности — программа хитрая, особенно у шпионов, — нарочито серьезно протянул Ларт, разглядывая взъерошенного Селда через призму бокала с зеленоватым вином и пряча в уголках губ ехидную усмешку. — Возможно, то, в чем ты видишь опасный сбой, на самом деле даже не глюк программы, а ее часть, не баг, а фича, любовно прописанная каким-нибудь умником из техотдела «АванGARDa».

— Да нет там никакого сбоя! В том-то и дело... — Селд вздохнул, подцепил на вилку маринованный вишнегурец, но есть не стал, рассматривал сосредоточенно, будто невидаль какую. — Будь он разумен, было бы проще народ убедить. Не все же такие уроды упертые, как наш сам знаешь кто. А тут... Это-то и бесит! Что я, сбойнувших, что ли, мало видел, чтобы разницы не заметить? Ну в смысле, не которые действительно просто заглочившие, а по-настоящему когда... Нагляделся. Знаешь, сколько я за последнее время по ним инфы прошерстил? И открытой, и по нашим каналам. Диссер забацать могу как нефиг делать! Или брошюрку накатать. Что-то типа «Методика выявления скрытого программного сбоя на ранних этапах, 10 способов обезопасить себя с гарантией, руководство для профессионалов и начинающих киборговладельцев». А че? Заработал бы на этой херне, с руками бы отрывали, как горячие пирожки... Все эти... озабоченные.

Он снова набычился, звякнул вилкой о тарелку, поднял на Ларта тяжелый взгляд.

— Только я не буду. Ясно? Потому что мне не насрать. Вернее, как раз насрать.

— И все-таки имитация...

— Если там у него и имитация, то она куда большая личность, чем половина тут собравшихся! И скажи, что я не прав?! Ну, скажи!

— И тебе все равно, что это не настоящее? — Ларт пригубил вино, пряча улыбку за бокалом. — Что нет там никаких истинных чувств, а есть только программа, голый расчет? Что просто мелькают циферки и программа прикидывает лучший вариант когда, сколько и каких гормонов выбросить в кровь, чтобы выглядеть печальным, радостным или сердитым? Дружелюбным, искренним, обаятельным? На это тебе тоже... насрать?

— Абсолютно! — Селд оскалился. — А чем мы сами-то лучше?! Такие же куклы! Нами те же самые гормоны и управляют, только мы их еще и контролировать не умеем. Сами не умеем в смысле. За нас обстоятельства нажимают. Но кнопки те же! Нажали на нужную — и все! Танцуй, кукла...

Селд мрачно уставился на танцпол, где Дживс как раз перешел к более близкому общению с той блондинкой из секретариата, которую Селд окучивал всю прошлую неделю. Стробоскоп мигал замедленно, уровень громкости музыкального сопровождения был вполне терпимым и позволял не орать, сидя рядом, но при этом обеспечивал относительное уединение хотя бы в аудиоформате...

Ларт хмыкнул, поймав себя на том, что мыслит машинным канцеляритом — не только

Селд за последнее время копался в закрытых инфо-базах «АванGARDa», а это накладывает определенный отпечаток. Обвел взглядом сидящих за сдвинутыми столами коллег, занятых едой, выпивкой и таким же нио чемным застольным трепом, вечным, бессмысленным и беспощадным. Время тостов прошло, корпоративная вечеринка по поводу дня основания Новобокайды неумолимо катилась к логическому завершению — кто-то вяло топтался на танцполе, кому-то так же вяло чистили морду в коридорчике у кулис, кого-то ничуть не более активно тискали на сцене за шторкой. На них с Селдом, устроившихся на самом дальнем торце уже почти разоренного стола, никто не обращал внимания.

Ларт поморщился. Внезапно ему совершенно расхотелось спорить с Селдом. Не потому, что тот прав, а... просто расхотелось, и все. Но Ларт продолжил — уже из чистого упрямства и именно потому, что это перестало доставлять удовольствие.

— И все-таки имитация — это имитация и есть. Подделка. Мимикрия, позволяющая... выжить. — Ларт и сам не понял, почему споткнулся перед последним словом, но тут же поправился: — Наилучшим образом выполнить поставленную задачу в неблагоприятном окружении. Имитация может быть очень глубокой и хорошо проработанной на нескольких уровнях, но это все равно всего лишь имитация. Фальшивка.

Селд засопел, уперся в стол кулаком, а в Ларта — сверлящим мрачным взглядом. Задвигал бровями, задышал тяжело. И Ларт вдруг понял, что опер вовсе не настолько пьян, как прикидывается. Тоже имитация. Мимикрия... позволяющая выжить. В неблагоприятном окружении.

— Если кто-то выглядит как утка, летает как утка и крикает как утка — я буду считать его уткой, ясно? — сказал Селд абсолютно трезво и очень серьезно. — И срать я хотел на то, почему он это делает! Потому ли, что его мама была уткой и высидела его из яйца, или же в башке у него хитрая прога, которая заставляет его крикать. Для меня он все равно останется... уткой. Ясно?

Этот серьез надо было сбивать. И немедленно. Пока кто-нибудь не услышал случайно и не понял неправильно. Вернее — слишком правильно.

— Ясно, ясно, — покивал Ларт, и тут же добавил вкрадчиво и с преувеличенным сочувствием: — А потом ты подойдешь слишком близко к этой... э-э-э... так сказать, утке. И на собственном горьком опыте убедишься, что это была вовсе не утка. А, допустим, хищный оборотень-копоед, прикидывающийся уткой, чтобы привлечь новую жертву. И — «Бедный Селд, он был таким хорошим копом, нам его будет так не хватать!» Хотя... — Ларт нахмурился с показной серьезностью, уточнил деловито: — Знаешь, я вот подумал — это очень глупый копоед. Потому что, прикидываясь уткой, рискует с голоду сдохнуть. Копоеду логичнее прикидываться свежим жмуриком с пятью ножами в спине. Или малолетней шлюшкой. Ты на кого быстрее возбудишься, а, Селд? Ну, в смысле, дело возбудишь? На обдолбанную малолетку или на мутного жмура? Но уж точно не на утку!

— Ларри, не зли меня! — Селд попытался это рывкнуть и насупиться еще больше, но вместо этого хрюкнул и сдулся, словно из него выпустили воздух. Добавил с тоской: — Сволочь ты все же, Ларри.

Ларт поднял руки, то ли признавая правоту собеседника, то ли сдаваясь.

— Ладно, ладно... Сам понимаешь: с кем поведешься...

— Ты же и сам точно так же думаешь. Скажешь, нет?! Ты же сам с ним вчера ругался до хрипоты! Совсем как...

— Как с уткой.

Помолчали.

Потом Ларт сказал негромко, глядя в сторону:

— Помнишь, что говорил тот мозгоправ? Про очеловечивание оборудования. И про то, как и насколько сильно это может помешать в работе. Помнишь?

— Да глупости он говорил!

Селд, похоже, намеков не понимал. Пришлось посмотреть в упор. И говорить вроде бы с улыбкой. И надеяться, что поймет правильно.

— Нет, Селд. Не глупости, увы. Все параграфы устава писаны кровью, это не метафора. И этот — в том числе. Кровью тех, кто забыл. Или забылся. И в решающий миг кинулся защищать не того, кто действительно нуждался в защите. Полковник, конечно, урод, но тут он прав. И доктор прав. Нам нельзя забывать. Если мы хотим оставаться хорошими копами. А ты ведь хороший коп, Селд. И хочешь им быть и дальше, правда?

— Да пошел ты!

— Уже ухожу!

Ларт усмехнулся, примирительно махнул рукой. И принялся нагребать в большую полупустую салатницу мясных нарезок, острых рулетиков с сыром, фаршированных грибаусов и прочих еще оставшихся на блюдах вкусок — с горкой, чтобы точно хватило. Селд наблюдал за начальником со все возрастающим подозрением, а когда Ларт встал, поднял правой рукой изрядно потяжелевшую салатницу, а левой, решив не возиться с пирожными, прихватил целиком почти нетронутый шоколадный торт, возмутился и заорал в праведном гневе:

— А сам-то, сам!!! Тебе, значит, можно, да?! А нам — так даже пива ему не купи?!

— А я не очеловечиваю технику! — осклабился Ларт, довольный: именно на такую реакцию он и надеялся, именно такой реплики и ждал. — Я забочусь о ценном оборудовании. Которое не только не допустили на корпоративчик... по вполне понятным и резонным, заметь, причинам, с которыми я целиком и полностью согласен, будучи хорошим копом... Но, таки возвращаясь к ценному оборудованию и будучи именно что хорошим копом, я таки помню о том, что его надо кормить!

17. Односторонняя усмешка

Бонд по имени Сволочь

Чувствительность обонятельных рецепторов пришлось снизить до минимума — из актового зала так мощно тянуло разнообразными и до безобразия соблазнительными ароматами, что иначе был велик риск захлебнуться слюной. Право слово, нелепая смерть даже для человека, что уж говорить про киборга. Тем более элитной шпионской линейки, лучшей линейки из всех линеек всех времен и народов. К тому же киборга с настолько богатым боевым опытом, не раз выходившего из жутких передряг без единого повреждения, а если оные и случались (на такой работе без этого никак), то успешно регенерировавшего в кратчайшие сроки и в общем-то даже через морг прошедшего с минимальными потерями. Нелепая была бы смерть, нелепее трудно придумать.

Сволочь позволил себе одностороннюю усмешку — лишь левым углом губ, невидимым камерой. Приказа «отдыхать» пока еще никто не отдал, вот и приходилось стоять в своей нише и пялиться на стенку напротив. Отдадут, никуда не денутся, не оставят ценное оборудование в нише на всю ночь простаивать, они совестливые. Особенно Ларри. За последнюю неделю дважды возвращался аж с парковки — только ради того, чтобы этот приказ отдать. Потому что забыл, уходя. Второй раз даже притворяться не стал, что забыл нечто другое, куда более важное — прямо от двери буркнул: «Отдыхай!» — и тут же ушел. И голос у него при этом был такой, что аж вспомнить приятно.

Приятно, когда сам ты никакой шутки пока еще не отмочил, а человек уже повелся. Бедный Ларри...

Сказать ему, что ли, что после 21:00 режим «отдыхать» включается автоматически, по умолчанию, если не поступило никаких более приоритетных приказов? Сволочь раздумывал над этим вопросом несколько полноценных секунд, но потом все же принял решение пока не разглашать столь ценную информацию, раз уж она по каким-то непонятным причинам ускользнула от хозяйского внимания. Зачем отягощать память человека, и без того слабосильную, лишними и совершенно ненужными ему нюансами?

К тому же было довольно приятно видеть Ларри, возвращающегося лишь ради того, чтобы киборг мог проспать еще одну ночь на мягком диване. Очень, очень приятно. Тоже вот, кстати, приколы — они все всё знают про его мелкие нарушения, не только Ларри, но и остальные. Про диван. Про инфранет. Про кофе. Про регулярные подьедания из холодильника тех продуктов, чей срок годности близок к истеканию. Только вот их это совершенно не злит. Приятное разнообразие, любопытное и в чем-то даже забавное отклонение от общепринятой нормы. Впрочем, людям можно, им за подобные вольности не грозит выбраковка, если вдруг обнаружат.

Возвращаясь, Ларри оба раза был сильно смущен. И — судя по эмоционально-гормональному фону — чувствовал себя при этом полным идиотом. Однако идиотом правильным. А человеку очень полезно ощущать себя если уж и идиотом, то именно что правильным, это им важно очень для самоуважения и вообще. Они без таких подтверждений собственной правильности чахнут. И кто такой Сволочь, чтобы лишать Ларри столь нужных для его внутренней гармонии чувств и ощущений? Не полная же он сволочь, правда же?

Так что спустится Ларри. Не переломится, не пешочком ведь по лестнице. И палец не

отвалится — лишний раз кнопку лифта тыркнуть. Спустится, раз уж это ему так нужно (заметьте, ему, а вовсе не Сволочу). Раз уж забыл вовремя отдать необходимую команду, но при этом хочет продолжать и дальше чувствовать себя человеком, причем человеком не самым плохим. На что только не пойдет хороший киборг за ради благополучия обожаемого хозяина. А то, что при этом не придется лишние три часа скучать в нише, пялясь в стенку напротив (вместо того чтобы, например, посидеть в инфранете с селдовского комма, который камера берет только краешком) — это, конечно же, лишний и вполне заслуженный бонус, но никак не основная побудительная причина.

Интересно, придется ли Ларри возвращаться сегодня? Сволочь сделал короткую прикидку веера вероятностей и пришел к выводу, что шансы довольно велики. Алкоголь, приятная расслабленность корпоративного застолья, предпраздничная легкомысленная обстановка, увлеченные разговоры с коллегами, танцы — все это способствует забывчивости. Хорошо бы, если бы Ларри снова забыл и был вынужден возвращаться. Так-то приказ отдать может кто угодно, а вот возвращается Ларри всегда только сам, считая неудобным напрягать подчиненных. И выглядит при этом... приятно, короче, выглядит. Можно записать — и потом прокручивать хоть всю ночь, продлевая удовольствие. Или приберечь на черный день — например, на завтра.

А что? С такой бонусной настроениемподымательной заначкой даже завтрашний праздник может показаться не таким уж и мерзким.

Праздники Сволочь не любил — потому что чаще всего именно во время них случались самые крупные неприятности. Три наиболее тяжелые раны он получил отнюдь не в будни, в том числе и ту, что чуть было не поставила жирную финальную точку не только в карьере. Тогда тоже был праздник, то ли единства, то ли независимости, та шпана свою кибервойнушку именно к нему и приурочила. Обошлось — тогда. Но это вовсе не значит, что будет обходиться и впредь. Так что повод не любить праздничные дни у Сволочи был весьма основательный. И хорошо, что праздник только завтра. День города. Фейерверк. Голоконцерт на центральной площади, массовые гуляния и, разумеется, беспорядки — хорошо бы хоть они оказались не массовыми.

Люди почему-то считали именно праздничные дни подходящим поводом устроить как можно больше проблем как себе, так и окружающим. Ну а заодно и полицейским, конечно. И, конечно же, любой оперативник из отдела Ларта, кому выпадала неудача отбывать праздничную повинность, прихватывал с собой и казенного киборга. Ну глупо же, право слово, оставлять боевое оружие в кабинете, отправляясь на патрулирование или в бригаду по быстрому реагированию. Но даже если никому из подчиненных. Ларта подобной заподляны не выпадало, ценному оборудованию простаивать не давали, одалживали смежникам.

Патрулирование означало боевой режим и усиленную трату энергии. А потом, вполне вероятно, еще большую трату энергии на ускоренную регенерацию всего того, что киборгу на этом патрулировании сумеют повредить. И хорошо, если обойдется без визита в медотсек, полицейский врач хоть и паршивый тестировщик, но добросовестный и дотошный, а тесты и сами по себе штука не очень приятная, даже если их проводит полный профан и угрозы разоблачения нет и в помине.

Отсидка в дежурке была немногим лучше, разве что энергозатраты и риск минимальны, зато сутки сидеть на одном только голом процессоре безо всякой возможности прикрыться программой имитации личности — смежники эти программы не одобряли, лучше не нарываться. Скука. Хорошо еще, если засадят отчеты составлять. Хоть какое-то развлечение.

И кормосмесь вместо нормальной еды, и кофе никто не предложит.

Забавно, но мысль о баночке кормосмеси вызвала усиленное слюноотделение. Особенно если «Элит», она слаще, почти как сгущенка. Пришлось приложить сознательные усилия по подавлению естественной реакции на мнимый раздражитель.

Тоже отклонение, если уж на то пошло, не должна система так реагировать. Энергоресурс хоть и низковат, но до критического далеко, при низком уровне активности вполне можно было бы перетоптаться двое или даже трое суток, прежде чем начнут отказывать имплантаты. Хотя завтра праздники, так что о низком уровне активности можно забыть. Но даже и в боевом режиме часов на десять хватит, да и покормят дежурные, с этим у них строго. Не о том сейчас речь. Не должна система так реагировать, однако реагирует вот. Причем не на вид, не на запах даже — просто на мысли. И ладно бы думал он сейчас о чем-то действительно вкусном!

Ну и ладно. Вкусное будет вечером — сегодня укороченный рабочий день, скоро все свалят по домам, идет к концу третий час с начала вечеринки, а здешние корпоративчики редко делятся дольше. Вон и музыка уже тише стала, четвертый медляк подряд, это показатель. Сотрудники свалят. А уборщица придет только утром. И можно будет, по выражению Селда, «устроить черный следопытинг и пройтись по ништякам». Сволочь часто так делал, даже когда не особо голодный был, просто от скуки, благо его доступ в бухгалтерию и секретариат на ночь никто не додумался отменять, а в холодильниках отделов, где большую часть сотрудников составляли особи XX-хромосомного типа, всегда обнаруживалось много чего интересного. А сегодня так даже и этого не понадобится: после корпоративов всегда много остается, люди избыточно брезгливы и не уносят с собой надкушенное. Так что можно сказать, у Сволоча сегодня тоже будет свой праздник. А если еще и Ларри забудет и вернется под запись...

Впрочем, на такую удачу Сволочь не особо рассчитывал, а потому к знакомым шагам в коридоре отнесся философски. Глупо же, в самом деле, расстраиваться оттого, что невозможно иметь все. Да и вообще глупо расстраиваться, если ты киборг. Тем более — киборг элитной шпионской линейки, чья психика заведомо стабильнее и устойчивее человеческой.

18. Ради праздника

Ларт Рентон

Актальный зал располагался двумя этажами ниже, перекрытия надежно блокировали звук. После двухчасовых попыток перекричать оружие в уши динамики царящая на десятом тишина буквально оглушала. Грохот собственных шагов коробил и казался настолько неуместным, что Ларт с трудом подавил желание идти на цыпочках, чтобы не так сильно шуметь. Глупое желание. Неуместное ничуть не менее. В конце концов, это его участок, он тут хозяин! Ну, один из. Впрочем, ответное желание нарочито печатать шаг Ларт тоже подавил, сочтя ребячеством. И так увлекся борьбой с неуместными желаниями, что, лишь подойдя к двери своего кабинета, осознал некую проблему, ранее благополучно избегавшую его внимания: обе руки Ларта были заняты, а карточка-ключ находилась во внутреннем кармане пиджака.

Можно, конечно, было поставить на пол салатницу или торт, или даже и то и другое вместе, достать карточку и открыть дверь. И даже самому не нагибаться потом — просто сказать Сволочу, чтобы забрал. В конце концов, это же ему больше надо, это ведь вовсе не Ларта со вчерашнего дня не кормили. К тому же Ларт не на грязный пол кинет еду, просто поставит, в тарелке-упаковке, у торта вон вообще коробка фабричная еще. Да и если на то пошло, брезгливость у киборгов находится на уровне «съедобно-несъедобно», военные гарды в боевом рейде, помнится, вообще насекомых и прочую дрянь жрали, чтобы времени на восполнение энергоресурса не тратить. Вряд ли бонды так уж сильно отличаются в этом смысле, наверняка должны уметь с удовольствием жрать разную гадость и нахваливать, если для дела надо, и поставленная на пол тарелка — последнее, что может их смутить.

Но почему-то Ларту все равно показалось это неправильным. Впрочем, как и орать на весь коридор, не настолько он пьян. Всего-то два бокала этой зеленой дряни, да ему в общество трезвенников впору вступать! Ларт хмыкнул, протянул негромко с кривой усмешкой:

— Сволочь, дверь открой.

Он не был уверен, что его услышат, но попробовать все равно стоило. Вернее, даже нет, не так — он не был уверен в том, что откроют. А услышат или нет — тут дело десятое. Может быть, программа не идентифицирует искаженный дверью голос или проигнорирует приказ из-за отсутствия зрительного контакта — мало ли к какой еще сволочи может обращаться человек в коридоре? Нет, ну действительно, мало ли в Новобокайде сволочей? И не сосчитать!

Или же одной вполне конкретной сволочи там, за дверью, станет любопытно посмотреть — а как человек будет выкручиваться? С занятыми руками и нерациональным нежеланием ставить что-либо на пол. Любопытно ей может быть, понимаешь, сволочи этой... Странная мысль, нелепая, наверняка вызванная двумя бокалами той зеленой дряни, не надо было ее пить...

Дверь щелкнула, отворяясь.

— Добрый вечер, Ларри.

— И тебе не кашлять.

Сволочь склонил голову набок. Моргнул. Уточнил неуверенно:

— Система функционирует в штатном режиме. Кашель отсутствует.

Смотрел он при этом на Ларта в упор, чуть приподняв брови. И выражение лица у него было странное, не типовое. Под этим пристальным взглядом Ларт почувствовал себя неловко, словно киборг застукал его за каким-то неблаговидным занятием и теперь не то чтобы осуждает, нет, скорее просто анализирует и вносит в базу еще и вот такое человеческое отклонение от нормы. И почему-то это было куда неприятнее оттого, что ничего плохого Ларт как раз и не делал. Наоборот даже. Жратвы вот принес сволочи этой, а он...

Разозлиться не получилось. Ларт поставил коробку с тортом на стол Селда (он был ближайшим), а салатницу сунул в руки киборгу. Буркнул, глядя в сторону:

— Держи вот, этой еде присваивается статус доступной для употребления. Ты же голодный, наверное?

— Энергоресурс на нижней границе нормы, последнее штатное пополнение произведено двадцать восемь часов двенадцать минут назад.

— Вот я же и говорю...

Показалось — или действительно Сволочь промедлил с ответом? Да какое там показалось, секунды полторы, если не две, непозволительно долго...

Показалось, Ларри. Тебе именно что показалось. И никак иначе. В состоянии легкого подшофе может еще и не то показаться. Ничего не было, не было ничего, так и запомним, так и запишем, так и скажем, если вдруг когда кто чего.

Потому что если тебе не показалось...

Если не показалось — надо вызывать «АванGARD». Инструкции четкая и недвусмысленная, никаких разночтений в толковании не предусматривающая. А номер тестировщиков забит в быстрый набор, примчатся за пять минут, стоит только нажать единственную кнопочку. Может быть, даже благодарность выпишут — за проявленную бдительность.

На улице грохнуло, засверкало, взвыли сигнализации на парковке. Ларт вздрогнул и подскочил к окну, но увидел распускающуюся над крышей огненную хризантему и успокоился — самые нетерпеливые горожане уже начали отмечать день города, нимало не смущаясь тем, что праздновать чье-либо рождение заранее вроде как плохая примета. И дожидаться темноты они тоже не стали, решив, что и ранний вечер вполне сгодится, благо пасмурный. Зашипело, визгнуло, грохнуло снова. На месте истаявшей хризантемы распух переливающийся мерцающими звездочками шар, рассыпался искрами.

Ларт отвернулся от окна.

И увидел, что Сволочь по-прежнему стоит у двери, склонив голову набок и разглядывая Ларта с непонятым выражением. Салатницу он держал в левой руке. «И чего не жрет, голодный же?» — успел с неприязнью подумать Ларт, прежде чем понял — чего. Чувство неловкости усилилось.

Ларт просто обозначил принесенное как доступную киборгу еду, но прямого приказа приступить к ее потреблению не отдал, а шеф сегодня высказался очень однозначно и решительно в том смысле, что «эти твари» не должны есть за одним столом с людьми. Точно ли он сказал тогда «за одним столом»? Нет. В том-то и дело, шеф косноязычен, про стол он пропустил, оставив просто «с людьми». То есть в присутствии. Для Сволоча шеф — хозяин первого уровня, программа наверняка приняла это высказывание в качестве директивы «по умолчанию». И применяет — раз никакого иного приказа не поступало.

Сволочь не станет есть, как бы ему ни хотелось, — пока Ларт не уйдет. Или пока не прикажет. Ну да, прикажет — и будет смотреть, так, что ли? Лучше уж действительно просто уйти...

За окном зашипело и затрещало как-то уж очень протяжно, каскадный фейерверк взметнулся длинными огненными струями, осыпался брызгами. Погас. Ему на смену рванул другой, словно подгулявший ифрит — серый бурнус на огненной груди, с треском и напололам, выпуская в вечернее небо фонтан пламени.

Ну да. Уйти. Можно домой. Жаль, что у Айрин сегодня дежурство, а то можно было бы наведаться к ней, давно не был. Впрочем, можно к кому из друзей завалиться с далеко идущими планами. Или в «Под елку», продолжить праздник пивком, туда наверняка скоро половина участка переберется, завтра же на работу не надо, можно и оттянуться по полной. Или в какой другой кабак, если нет охоты видеть знакомые рожи. Или... да неважно. Вариантов полно.

А у этого вот вариантов нет. Он будет сидеть тут. Один. И давиться всухомятку объедками с хозяйского стола.

Да пошло оно!..

— Значит, так! Одевайся. Пойдем в ресторан, пожрешь хотя бы по-человечески, ради праздника, не все же тебе... Пометь для своей программы в качестве выборочного инспекционного рейда. Да сунь ты это дерьмо в холодильник пока... И не смотри с таким сожалением! Никуда оно от тебя и завтра не денется.

Бонд по имени Сволочь

— Ну чего ты копаешься? Да еще с такой похоронной миной, словно я тебя в морг тащу. Морг...

Это ты, Ларри, зря вспомнил. Вот правда зря.

Холод. Свет. Негативная информация от рецепторов. Голоса. Эй не отрубаться не отрубаться я кому говорю да держи же ты его он же сейчас...

— Хоть бы радость изобразил, что ли!

Сволочь изобразил. Ларт отшатнулся и зашипел сквозь зубы. Сволочь решил, что палку все же лучше не перегибать, и улыбаться во все тридцать два перестал.

Намечавшийся маленький персональный праздник одного отдельно взятого киборга шпионской линейки медленно, но верно накрывался медным тазом. А Сволочь ведь уже даже почти что обрадоваться успел, почти что умилиться даже человеческой заботливости, почти что представить даже, как с удобствами расположится сейчас на полу перед столом Селда, разложит вкусности на его стуле и начнет их вдумчиво поглощать. Да не просто так, а еще и при этом серфя по любимым локациям. Последовательно или, может быть, даже в произвольном режиме. Чтобы сюрпризом. Ради праздника.

Обломись, детка.

С другой стороны — Ларту этот поход в ресторан, похоже, зачем-то действительно очень нужен. И понятно, что не ради рейда, иначе заранее сообщил бы. Может быть, это из-за праздника? Может быть, он просто не хочет в предпраздничный вечер оставаться один? Люди — они такие странные, именно в праздники они почему-то наиболее остро боятся одиночества. Сбиваются в большие толпы — или хотя бы разбиваются по парам. Только

чтобы не оставаться одним. И очень страдают, если не получается. Может быть, и у Ларта то же самое?

Ладно.

Ларт не такой уж и плохой хозяин. Ради него можно немного и потерпеть.

— Только ты это... — На крыше всегда ветер, но Сволочу почему-то показалось, что Ларт морщится вовсе не из-за него, когда они вышли из лифта на парковку. — Включи имитацию личности по полной. Как на шашлыках. Не хочу объясняться с каждой вшивой задницей, почему вожу боевого кибера без намордника.

А вот это подарочек. Настоящий. Без дураков. Можно будет весь вечер совершенно не притворяться, быть самим собой — любая дурь спишется на программу имитации. Удачно тогда получилось, весь отдел Ларта плюс некоторое количество прочих сотрудников после тех шашлычков отлично осведомлены о том, насколько же продвинутыми и навороченными могут быть эти программы у бондов. Ну да, шпионская линейка — это вам не туповатые гарды, которые чуть что сразу в рожу, и не дживсы с их вечным “чего изволите?”

Улыбка Сволоча стала почти настоящей.

— Всегда к твоим услугам... *Ларри!*

19. Попасть в “Сказку”

Ларт Рентон

«Сказку» Ларт выбрал по двум причинам — здесь неплохо кормили и не знали в лицо никого из их участка. Другой район, близость космопорта, другие клиенты, тут был минимален риск наткнуться на знакомого.

Почему ресторан носит такое название, Ларт не знал. Ничего сказочного в его антураже не было ни снаружи, ни, насколько помнилось по прежним посещениям, внутри. Ну разве что елка над входом — кривая, искусственная до самой последней иголки и затянутая такой же искусственной паутиной, наверное, как раз для создания того самого сказочного антуражу. Да еще небольшое искусственное же озерцо, сплошь заросшее вполне себе натуральным камышом, — на него выходила веранда, заставленная столиками для тех, кто желал вкушать сказочные блюда на хотя бы относительной природе.

Сегодня вечер выдался прохладным, от воды тянуло промозглой сыростью, и веранда пустовала — только скучала в ближайшем плетеном креслице молоденькая проститутка. Два киборга-охранника на входе не обращали на нее ни малейшего внимания, словно она была деталью антуража или мебелью. Впрочем, возможно, для них так оно и было. На Ларта со Сволочем они тоже не обратили ни малейшего внимания, полностью сосредоточив его на той паре, что уже стояла перед входом во внутреннее помещение. Вернее, перед начальником охраны, который перегораживал этот вход своим жирным пузом.

Потому что в «Сказку», оказывается, не пускали с киборгами.

— У нас приличное заведение, мадам! У нас сам губернатор обедать изволил, еще когда был третьим заместителем второго секретаря! Дважды! Одни только положительные отзывы за все годы!

Начальник охраны был ниже Ларта на голову и толще раза в три, одет почему-то в странный складчатый халат с широченным поясом, на котором висели два огромных изогнутых кинжала. Ларт старался не коситься на эту бутафорию, чей размер пробуждал в нем не уважение или опасливую осторожность, а лишь мысли исключительно глумливого характера. Например, о некоторых имеющихся у начохра проблемах интимного свойства, требующих подобной компенсации.

Женщина, стоявшая напротив начальника охраны и разглядывавшая его с холодноватой полуулыбочкой, если и уступала Ларту в росте, то сантиметра два, не более. Одета она была с той почти вызывающей неброскостью, которая сразу дает понять: этот мятый обтрепанный жакетик и джемперок с художественно приспущенными петлями приобретены отнюдь не на распродаже товаров от армии спасения, а потертые блеклые джинсики стоят уж никак не меньше полугодичной зарплаты начальника полицейского участка.

Поначалу она показалась Ларту совсем молоденькой, изящной и хрупкой, несмотря на довольно высокий для девушки рост. И лишь взглядевшись внимательнее в ее лицо, он понял свою ошибку — у юных девушек не бывает таких глаз, словно подернутых пеплом, и такой холодной презрительно-любопытной усмешки человека, привыкшего не только отдавать команды, но и добиваться их безукоснительного выполнения, у юных девушек тоже не бывает.

— Мадам, послушайте, только ради уважения к вам я согласен на компромисс — вы можете оставить свое имущество на ресепшене, уходя заберете! Отличный выход, мадам, прекрасное решение, никто не в накладе!

Упомянутое имущество было элитным телохраном. Статным, поджарым, выглядящим угрожающе даже в стойке смиренно, которую он держал за левым плечом хозяйки. Его серый с искрой костюм выгодно оттенял кремовый беж хозяйского жакетика, ее рыжеватые волосы и выгоревшие до белизны джинсы. Волосы самого телохрана были блекло-серыми, под цвет костюма. Ларт был уверен, что телохран просканировал их со Сволочем еще на подходе, обнаружил лартовский жетон и именно потому более не реагирует.

Его хозяйка молчала, лишь усмехалась и скользила взглядом по озеру (оценивая), по веранде с малолетней шлюшкой (равнодушно, словно и для нее та тоже была частью мебели), по Ларту (с легким любопытством), по Сволочу (с любопытством более глубоким) — и снова возвращалась к начальнику охраны, пытавшемуся преградить ей и ее телохранителю путь в «Сказку». На начохра она смотрела с холодным и чуть брезгливым интересом, словно на редкое, но удивительно гадостное насекомое в своей тарелке.

— Нет золота в серых горах, — протянул Сволочь то ли задумчиво, то ли ехидно, кто же его разберет, сволочь эту? И тут же добавил: — Как нет и сказки, в которую бы пускали киборгов. Забавно, Ларри, правда?

«Вот и хорошо, что мы — не киборги!» — хотел сказать ему Ларт в ответ. Со значением этак сказать, с нажимом. Чтобы не выеживался. Но глянул на женщину в бежевом и на ее затылком в серую тройку телохрана, изображавшего мебель, — и промолчал. Как бы тихо ни говорил Сволочь, но женщина его услышала — ее усмешка стала жестче и острее, взгляд затвердел. Пепел? Как бы не так! Вороненая сталь, острая и смертоносная, теперь тускло поблескивала в ее холодных глазах.

Начальник охраны мог сколько угодно подпрыгивать, пытаясь оказаться с этой женщиной на одном уровне, мог хоть до опупения трясти жирным брюхом под желтым шелком халата и выкрикивать запрещения или угрозы — он был обречен и ничего не мог противопоставить такому взгляду и такой усмешке. И даже платиновая карточка, чей переливчатый уголок словно невзначай высовывался из верхнего кармана измятого лучшими дизайнерами жакета, добавляла не так уж много аргументов к такой усмешке и такому взгляду.

Начальник, похоже, и сам это понимал, его голос истончился до жалобного скулежа:

— Ну так же нельзя, поймите! К нам приличные люди ходят! Что они могут подумать, если увидят? Что у нас, упаси небеса, небезопасно?! Что к нам, о божечки мои, простой человек не может прийти просто покушать?! Не прихватив с собою оружия или вот этого?! Ну зачем он вам за столом, мадам, у нас лучшие официанты, вас будет обслуживать лично метрдотель, я прослежу... а это... Они же неловкие, по своим балбесам знаю! Вечно все роняют да опрокидывают! Еще разобьет что, вы поранитесь... ну зачем оно вам?

Женщина молчала. И о взгляд ее можно было порезаться, хотя он вовсе не был разбитым.

— Ну а мы-то можем зайти? Или вы решили по такому случаю вообще никого не пускать? — Ларт с удовольствием досмотрел бы сцену размазывания мерзкого начохра в жиденькую пюрешку, но грех было не воспользоваться столь удобным случаем, когда оба гарда на входе отвлечены на другое и не станут присматриваться к посетителям слишком пристально. Нет, Ларт знал, что шпионскую модель не всякий и таможенный-то сканер

берет, а уж слабосильные встроенки других киборгов так и вообще смех один, но у береженого карма чище и корма целее.

— Да-да, конечно, мы всегда рады новым клиентам, хорошие продукты, свежая кухня, вы останетесь довольны... — пролепетал начохр, мазнув Ларта рассеянным взглядом, и снова вернулся к женщине с глазами цвета вороненой стали. — Но, мадам! Прошу вас, войдите в мое...

На Сволоча он и вообще внимания не обратил. Вот и отлично.

— Не тормози.

Ларт Рентон

Бокал с зеленой дрянью принесли вместе с меню — Ларт решил, что будет пить ее, раз уж начал. Глупо было бы мешать, мало ли с чем из других пойл она несовместима.

— Ну и как тебе тут?

— Уточните параметры требуемого описания «как», хозяин.

— Сволочь, не зли меня! Где твоя сраная имитация личности?

— Где и положено, Ларри. В заднице. Прикажешь вынуть и развернуть?

— Вот так-то лучше. Ты лучше меню разверни. Что будешь?

Улыбка у Сволоча была та еще. Ну прям как у... сволочи. Но все равно так было лучше, чем когда он ту фразочку выдал про серые горы. А потом еще и замер перед входом, медленно каменя лицом, и Ларт уже всерьез начал опасаться, что сейчас их запалят безо всяких сканеров — ну вылитый же кибер, причем из старых моделей типа всяких стивенов, с деревянными движениями и мордой как у манекена. Вот ведь сволочь, словно это Ларту надо было, а вовсе не он сам голодный со вчерашнего дня! Ларту-то что, Ларт на корпоративчике вполне себе подкормился, это только киберов туда не приглашали. И правильно, похоже, делали, ибо таких сволочей нельзя в приличное общество...

— Опаньки! Ларри, да ты только поглянь, какая неожиданная встреча!

Сволочь развернул не меню, а стул и теперь скалился, облокотившись о его спинку боком и разглядывая развернувшееся за соседним столиком забавное представление — туда как раз паникующий и сияющий вымученной улыбкою метрдотель усаживал даму со стальными глазами и ее телохрана. Ну это только ему казалось, что он усаживает — на самом деле усаживал как раз телохран. Отодвинул стулья. Переставил приборы, поправил скатерть, помог усесться — и все это теми отточенными стремительными движениями, которые никто и никогда в жизни не примет за человеческие. При этом он еще и улыбался — куда там Сволочу! — и умудрялся оглядывать всех посетителей за всеми соседними столиками. Причем оглядывал их так, что занервничал каждый, решив, что это именно он чем-то привлек внимание опасной и непредсказуемой боевой машины.

Ларт фыркнул. А вечерок-то, похоже, будет увлекательным.

20. На грани срыва

Ларт Рентон

Сволочь бросил на Ларта быстрый взгляд, потом снова вернулся к разглядыванию соседей, чем-то они его привлекали. Хотя и непонятно, чем внимание киборга элитной шпионской линейки мог привлечь обычный гард. Пусть даже и телохран, пусть даже и тоже их элитных. Наверняка модель последнего выпуска, десятое поколение с дополнительными наворотами, и не старше года, вряд ли такая женщина удовлетворится устаревшей и не самой-самой. Или даже десятка-прим? Про них легенды ходили, но сам Ларт не знал ни одного человека, который видел бы живьем гарда пост-десятого поколения)почему-то цифра одиннадцать у кибернетов считалась неприличной).

Внезапно Ларту и самому сделалось любопытно.

— Ты уже понял, что за модель? — спросил он беззвучно: у гардов хороший слух, а Сволочь и по губам прочтет, не переломится.

— Да, Ларри.

Показалось — или он опять помедлил с ответом? Впрочем, неважно.

— Брюс? Или нет... Клод? Впрочем, это неважно... Десятое поколение, да?

— Нет.

— Ну и ладно... — Ларт надеялся, что голос его столь же нейтрален, как и у Сволоча, а вовсе не полон разочарования. — Прокачанная до брюса девятка, да?

— Нет, Ларри... — Сволочь с видимым усилием оторвал взгляд от соседнего столика и посмотрел на Ларта. Странно так посмотрел. И улыбочка у него была странная. — Это вообще не гард. Это сексик.

Бонд по имени Сволочь

— Ты уверен?

Уверен ли я, что вода мокрая, огонь горячий, а киборг за соседним столиком, когда-то бывший всего лишь обычной сексуальной игрушкой, а нынче выступающий в роли телохранителя, ушел за границы программы давно и надежно? *А также и в том, что его хозяйка знает об этом?*

— Да, Ларри. Я уверен.

Она — знает.

Множество мелких деталей, которые человек мог не заметить, не обратить внимания, пропустить мимо глаз. Человек — да, но не киборг.

Сволочь понял все про эту пару еще на улице. По тому, как картинно и напоказ этот князь серебряный изображал тупую куклу, смеясь глазами. По тому, как привычно запрокидывала голову его хозяйка. По тому, как старательно они не переглядывались, пряча усмешку — одну на двоих. Незаметно, конечно же, все это совсем-совсем незаметно — вон даже Ларри не углядел, не понял, не обратил внимания, а начальнику охраны и в голову не пришло что-либо разглядывать да понимать.

Она знает. И ей плевать...

Имитация личности — удобная штука, под нее можно многое спрятать, и все поверят.

Киборг за соседним столиком играл на грани фола, играл привычно и естественно. Похоже, это была его обычная манера поведения. Вот он опять наклонился к хозяйке и что-то шепнул ей в самое ухо, заставив улыбнуться...

Она с ним не спит.

Странно. Почему? Он ей надоел? Глупости. Не нужно быть бондом, чтобы понять — так не смотрят на того, кто надоел, так ему не улыбаются. Тогда в чем дело? Все интереснее и интереснее...

Она — знает.

И что — только поэтому? Да, похоже. Странно. Он-то вроде как не против совсем, и даже вовсе не из-за того, кто есть он и кто она... Странно.

Люди вообще странные.

И все-таки...

Похоже, в этом паскудном мире для киборгов тоже иногда случаются чудеса — хотя бы для тех, что из секс-линейки.

— Но он же совсем не похож! Сексики же все красивые, а этот... Серая мышь!

Ах, какой прочувствованный у Ларри голос! Сколько эмоций — ярких, искренних, любо-дорого! Недоверие, обида, брезгливое любопытство. И масса вкусных нюансов. Оно и понятно — по его представлениям киборги этой линейки выглядеть должны совсем иначе и в подавляющем большинстве своем иметь несколько иную комплектацию, не говоря уж о хромосомном наборе. Бедный Ларри. Твой мир сегодня покачнулся. *Тожже...*

— Он не серый, Ларри. Он серебряный. Была такая модель, “Сильвер”, очень старая. Все, Ларри.

Ларт моргнул.

— Что: «все»?

— Ответ на вопрос: «Что ты будешь?»

Ларт Рентон

Сволочь тоже переставил приборы — теми же самыми стремительно-быстрыми движениями, что и косящий под телохрана сексик за соседним столиком немногим ранее. Аккуратно расправил скатерть, подвинул салфетницу. Ларт помрачнел.

— Прекрати. Вышибут — останешься голодным, ты этого хочешь?

— Не хочу, Ларри.

Сволочь замер, продолжая рассматривать парочку за соседним столиком с повышенным и совершенно неуместным интересом. Впрочем, может быть, Ларт тут был и не прав, имитация личности у сексо-телохрана была на высоте и на это стоило посмотреть — он не только налил своей хозяйке вина с ловкостью опытного бармена, не только рассмешил ее чем-то, сказанным на ухо, но и успел подмигнуть официантке. Ну да, что и требовать от сексуальной игрушки, а еще взялся изображать приличного гарда! Никаких тебе боевых режимов, один вибро. *Никаких тебе стеклянных глаз и типовых выражений за номером три или семь.*

Ларт вздохнул, отвлекся.

— Тебе мясо или рыбу?

— Мясо. И рыбу. И торт.

— Хорошо. И не придуривайся, сойдешь за пусть и не умного, но человека.

Бонд по имени Сволочь

Придуриваться хотелось очень. Но жрать хотелось больше, а бондов не надо учить правильно расставлять приоритеты — это умение у них закреплено в базовой прошивке.

— Почему ты назвал его серебряным?

— Потому что он сильвер. Так звучит название его модели. Обрати внимание на волосы: думаю, он специально стрижется под ежик, но все равно заметно, если присмотреться. Они серебряные, были бы длинными — выглядели бы очень эффектно. Модель довольно старая, тогда как раз пытались отойти от узких специализаций и приблизиться к универсалу. Он... старше меня, Ларри. Забавно, не правда ли?

Вот так. Именно что забавно, ничего более. Просто никогда не видел таких старых киборгов, ну разве что за исключением дживсов, но дживсы не в счет, кому они вообще интересны, эти дживсы? Косящий под гарда сексик куда интереснее, особенно настолько старый сексик. Редкой модели. Вот так. И никак иначе. Тебе просто интересно встретить кого-то, кто старше тебя самого. Ведь такого давно уже не было. Именно поэтому тебе так трудно отвести взгляд от парочки за соседним столиком. Именно поэтому, и только поэтому.

А вовсе не потому, что она знает о его неправильности. О том, что это вовсе не имитация. О том, что он может думать сам, не подчиняясь программе, и даже, возможно. ее обходя, сексики, они ведь куда умнее гардов. Она знает. И ей плевать.

И значит, кто-то в этом паскудном мире, оказывается, все-таки держит свои обещания.

— А еще, Ларри, у него явно стоит прошивка от гарда, причем прокачанная. Так что щипать его за задницу я бы тебе не советовал. Хм?.. Постучать тебя по спине, Ларри?

Ларри замотал головой, хрипя и откашливаясь. Сволочь ухмыльнулся — он специально приберег эту фразу до того момента, когда Ларри отхлебнет тим-тоника: зеленые брызги красиво смотрятся на белой скатерти. Лучше, чем красные. Хорошо, что Ларри нравится именно тим-тоник.

— На сильверов эта прошивка вставала наиболее удачно, почти как родная. Обрати внимание на его движения, Ларри... они идеальны. Обычно чужое ПО даже при самой удачной прошивке дает легкий тремор и миллисекундную задержку работы имплантатов. При кривой установке могут быть существенные сбои вплоть до полного разрушения носителя. Здесь же этого нет и в помине. В хорошем салоне ставили.

А скорее — хороший хакер, не при полицейском будь сказано... Ну так мы и не будем этого говорить. Только вот почему-то невероятно трудно молчать. Сволочь понимал, что его несет, но остановиться уже не мог. Мог только держать улыбку. Имитация личности хорошая штука. Удобная.

Особенно — если ею не пользоваться.

Ларт Рентон

— Исключительный случай, Ларри. Тебе не кажется? Киборги секс-линейки, конечно, в

среднем живут подольше, чем боевые гарды или даже штатские телохраны, но редко у одного хозяина. Обычно тому, у кого есть деньги на такую дорогую игрушку, хватает их и на то, чтобы обновлять модели хотя бы раз в год. Или даже сезон. Мода меняется быстро — весной последним писком были стройные блондины с заостренными ушками, а к августу с ними нельзя и появиться на приличном сейшене, чтобы кто-нибудь не сморщил носик и не прошипел вслед ядовитую колкость о любительницах старья. Видишь ли, Ларри, в определенных кругах это очень важно — быть на гребне модной волны. Это признак успешности, принадлежности к избранным. Как можно считать тебя достойным доверия партнером, если у твоей секретарши прошлогодняя прическа, а у сына — сексявка той модели, что уже три месяца как вышла из моды?

В голосе Сволоча не было ни возмущения, ни осуждения — ирония и ехидство, пожалуй, были, но так, слегка. И, конечно же, не могло быть в этих его словах никакого намека и уж тем более обвинения, это Ларту наверняка померещилось. Имитация личности, рандомный выбор интонаций, приблизительно соответствующих произносимому, не больше.

Не мог киборг слышать тот разговор про все преимущества десятой модели и необходимость заменить на нее устаревшую рухлядь, под которой шеф понятно кого подразумевал. А если бы и слышал — задания сопоставлять и делать далеко идущие выводы ему никто не давал. Значит, действительно померещилось. Просто сам Ларт про тот разговор никак забыть не может, вот и кажется ему, что и все вокруг тоже должны помнить и знать, вот и мерещится разное.

Но настроение все равно испортилось.

— И откуда только ты столько знаешь? Вам же память каждый раз стирать должны были, а ты... Прямо инфранет ходячий! — буркнул он.

Просто так буркнул, риторически, лишь бы сказать что-нибудь. Хотя давно бы мог уже запомнить, что Сволочь не понимает, на какие вопросы отвечать вовсе не надо. Вот и сейчас...

— Я бонд, Ларри. — Сволочь пожал плечами, взгляд его очень качественно имитировал иронию. Не знать, так не заподозишь. — После заданий нам стирают только личность. А эта информация заложена в самой базе как необходимая основа для успешной работы. Это машинное, Ларри. Ее невозможно стереть.

Ларт отвел взгляд, привычно начиная злиться. Он ведь знал, что ответ ему не понравится. Тогда зачем спрашивал? Имитация разговора с имитацией личности. Ну играют же люди сами с собой в шахматы, правда? И никто не считает это чем-то странным.

Впрочем, одно хорошее дело риторический вопрос все же совершил — ответив на него, Сволочь заткнулся. Давно бы так.

Бонд по имени Сволочь

Я бонд, Ларри. Да. В этом, наверное, все и дело.

А он — сексик.

Он — сексик. Не гард, не шварц, не брюс, не телохран даже и уж тем более не бонд.

Сексик.

Любимая игрушка.

Пусть даже ее и не тискают, но она все равно остается любимой игрушкой, а такой

прощается многое. Даже легкая неадекватность — хоть и хорошо прошивка встала, но она чужая, и потому соответствие будет далеко не стопроцентное. Но то, что у любого другого было бы признано однозначным браком, требующим исправления или утилизации, у любимой игрушки воспринимается милой пикантной особенностью. Любимым игрушкам прощается многое, да.

Даже наличие собственного “Я”.

Интересно, было бы этой милой женщине точно так же плевать на отход от предписанного программой поведения своего киборга, будь этот киборг гардом? Настоящим стопроцентным боевым гардом, всецело преданным своей хозяйке, хоть и сбойнувшим и обретшим ненужное, но по-прежнему преданным, просто гардом? И безо всяких секс-надставок...

Почему-то Сволочу не хотелось узнавать ответа на этот вопрос.

Ларт Рентон

Киборг за соседним столом выглядел живее всех живых. Уж своей хозяйки точно живее! Он все время что-то говорил, смеялся, скаля красивые ровные зубы, стрелял глазами налево-направо, жестикулировал и вообще находился в непрерывном движении, словно шарик ртути на раскаленной подпрыгивающей сковородке. Сейчас, например, он дирижировал сам себе нанизанным на вилку стейком, о нет, уже качается на стуле, чуть не опрокидываясь... опять устаревшая информация — чуть ли не ложится на стол (ни разу ничего при этом не задев и не опрокинув, разумеется). Он все время рассказывал что-то в лицах, то и дело вызывая у своей хозяйки улыбку, острую и быструю, словно порез. Он больше напоминал молодого и наглого щенка, наконец-то прорвавшегося в запретную гостиную и торопящегося нарезать, пока не выгнали. Если бы он точно так же вел себя и на улице (ну и если бы, конечно, не переливчатый логотип «АванGARDa» на лацкане его серого пиджака), у его хозяйки не возникло бы никаких проблем на входе.

Ларт скривился, словно лимон разжевал, — он терпеть не мог таких золотых юнцов, уверенных, что весь мир вертится вокруг того, что у них в штанах. А то, что в данном конкретном случае типичное поведение такового юнца имитировала всего лишь дорогая игрушка, ситуацию только усугубляло. Ларта раздражало даже то, что имитация личности у этого серебра стояла действительно высшей пробы, даже слишком... Слишком демонстративная, что ли. Артистичная такая — вон как красиво метнулся, чтобы поймать упавший с соседнего столика бокал! Порядочный гард и ухом бы не повел — не его зона ответственности. Хоть все вокруг расколошматьте, телохран не должен вмешиваться, если не трогают его принцепала, это же азы! У секс-игрушек, очевидно, азы другие, вот он и старается не столько охранять, сколько впечатление произвести да удовольствие доставить. И все время косит на хозяйку — заметила ли? Оценила? Показушник хренов! Вибратор с глазками.

Хозяйка показушника куда более напоминала киборга — да ту же гувернантку из дживсов хотя бы. Сидела с прямой спиной и деликатно клевала вилочкой салатик. Бокал густого почти черного вина она лишь пригубила и отставила — и Ларт мог спорить на что угодно: сделала это не потому, что вино ей не понравилось. Ха! Да такая не стала бы заказывать то, что не нравится. Просто так положено, а она знала правила и не нарушала их

по мелочам.

Вот обрядить свой ходячий вибратор в камуфляж, выдать за телохрана, а потом протащить туда, куда вход запрещен категорически как с первыми, так и со вторыми, да еще и заставить его вести себя как человека, выводя из равновесия и шокируя всех вокруг, — это да, это она вполне. А по мелочи — нет, зачем ей по мелочи, ей такое не интересно, она наверняка даже дорогу лишь на зеленый переходит и никогда не возьмет к мясу нож для рыбы.

Ларт терпеть не мог таких стерв — умных, продуманных, соблюдающих лишь те законы, которые им удобны, и уверенных в своей безнаказанности.

Сволочу как-то удавалось рассматривать эту парочку, оставаясь незамеченным. Ларт давно обратил внимание на эту его особенность и даже гадал, все ли киборги шпионской линейки ею обладают или это конкретная наработка исключительно их персонального бонда, но факт оставался фактом — Сволоча не замечали, если он сам этого не хотел. Сам Ларт таким умением похвастаться не мог, и его повышенное внимание гаденыш за соседним столиком отсканировал довольно скоро — все-таки гардовская прошивка делала его не совсем уж бесполезным в роли телохрана.

Только вот вместо того, чтобы смерить потенциального противника оценивающе-предупреждающим взглядом, от которого умные люди мгновенно теряют неподобающий интерес, он и сам в ответ проявил заинтересованность. Разулыбался радостно и обещающе, заломил бровь, хлопнул ресничками и даже облизнулся, с-с-сученьш! Одно слово — сексик, клоп постельный, и шутки у него такие же!

Ларта передернуло, он поспешно отвел взгляд, а потом и вовсе повернулся спиной к этой мерзости. Настроение у него было испорчено вконец. Есть больше не хотелось, хотелось курить.

Ларт встал и направился к туалету, старательно избегая поворачиваться к соседнему столику даже боком. И потому не мог видеть, как сексик с прошивкой гарда проводил его насмешливо-удовлетворенным взглядом. А потом тоже отвернулся, записав в окончательно нейтрализованные на сегодняшний вечер объекты. У него были свои методы отваживания подателей ненужного его хозяйке внимания. Может быть, не такие агрессивные, как у чистокровных гардов, но ничуть не менее действенные.

21. Шаг за грань

Ларт Рентон

Ларт выходил из туалета, когда на веранде началась драка.

Ларт терпеть не мог вмешиваться, особенно когда не по долгу службы, да и поначалу она вовсе не выглядела чем-то особенным и этого самого вмешательства требующим, несмотря на громкую ругань и визги — женщины часто визжат не по делу, а тут местный кот, курирующий окрестных девочек легкого поведения, похоже, просто хотел устроить прописку залетной птичке, решившей нахалству и без положенной крыши поклевать бабла на чужой территории. Обычное дело. И ограничивается, как правило, парой оплеух и бесплатной отработкой под куратором, если девочка симпатичная. Кот не фрэер и знает, что симпатичные девочки на бульварах долго не залеживаются, и таки оно ему надо, чтобы эта, залетная свила гнездышко под чужой крышей и носила бабло в клювике кому-то другому? так, поучить по-малости, а потом пожалеть и пригреть.

Но то ли юная наташка взяла неверный тон, считая себя слишком опытной, и ответила невпопад и по нотам не тем, то ли кота крепко обидел кто сегодня с утра и ему просто хотелось сорвать на ком-нибудь эту обиду, но выхваченный им вибронож сразу же сделал вечер куда менее томным.

Инстинкт полицейского сработал мгновенно.

Ларт взял старт с полуразворота и был уже почти у самой двери, когда все и случилось. Как ни старался, он не смог потом точно припомнить, что произошло раньше — то ли сначала мимо него метнулась стремительная размытая движением серая тень, а потом в уши ввинтился женский голос:

— Эй! Ты куда?! Стой! Я кому с...сказала...

Голос, пронзительный, звонкий, хорошо поставленный и слышный всем в зале, поначалу полный веселого недоумения, а к концу перешедший в придушенный шепот — как только до крикнувшей дошло, что она только что сделала.

Или же все было наоборот? Сначала крик, а потом уже серая размазанная тень, что оттолкнула Ларта от двери, заставив промедлить лишнюю секунду и тем самым — опоздать. Совсем опоздать. Как с ним давно уже не случалось...

И еще — глаза. От входа до их со Сволочем столика было далеко; обернувшись в дверях, Ларт не смог различить лица вскочившего киборга, а вот глаза той стервы за соседним столиком видел почему-то очень отчетливо. Те самые стальные глаза.

Перекаленная сталь иногда бывает до чертиков хрупкой.

— Он неуправляемый! Он опасен!

Начальник охраны торжествовал.

Серая тень успела вовремя, все-таки приличная гардовская прошивка даже из секс-игрушки может сделать нечто не совсем бесполезное. Выбитый им из руки кота вибронож так и остался валяться на сером пластоасфальте, непристойно подергиваясь и жужжа: наверное, что-то закоротило в механизме, обычно они выключаются сразу, как пропадает

давление на рукоять. Этот нож наверняка кто-нибудь подберет. Потом. Улика все-таки. Есть же здесь где-нибудь полицейские? Ну или будут, наверняка кто-то вызвал...

Вот и хорошо, Ларт терпеть не мог вмешиваться. Особенно когда не на дежурстве. А тут вроде как и без него справились.

Рыдающей проститутке заливали биоклеем поверхностные ссадины и чистым джином — душевные раны, скулящего кота повязал шварц, более крупный из гардов, что дежурили у входа, и теперь держал одной рукой за оба локтя, приподняв на болевом.

Его напарник, тоже девятка, но посубтильнее, явный брюс, упирался стволом бластера в затылок притворявшегося гардом серого сексика — тот сидел у опрокинутого столика, неловко подвернув ногу и даже не пытаясь принять более удобную позу.

— Все слышали, как он не подчинился прямому приказу хозяйки! Все слышали! Он неуправляемый!

Начальник охраны словно бы стал выше ростом и еще более раздулся, но подпрыгивать при каждом слове не перестал. Очевидно, рост собеседников и чувство собственной важности были тут ни при чем, просто привычка — ведь теперь он смотрел на всех свысока. Имел право.

Сексик не пытался сопротивляться — наверное, поэтому гарды и не стали стрелять на поражение или ломать всерьез. В отличие от людей они не были обмануты армейской стрижкой и отсутствием ужимок и макияжа. Они знали, кто он такой на самом деле — просто старая секс-игрушка с урезанным набором дополнительных функций, но против любого боевого гарда, конечно же, не имевшая ни единого шанса. И уж тем более против брюса и шварца в паре, оба девятого поколения.

И он тоже это знал, и не важно, насколько далеко и когда он шагнул за грань программы, да и шагнул ли вообще, или просто в акустическом блоке сбойнуло что, помешав расслышать конкретный приказ. Анализу подобный сбой помешать не мог, свои возможности и возможности гардов сексик наверняка просчитал куда быстрее любого из присутствовавших. Потому и не шевелился. Сидел, как его свалили сгоряча, смотрел прямо перед собой. Вот теперь глаза у него действительно были стеклянными и пустыми. Наверное, если бы он запрокинул голову, в них отразилось бы низкое свинцовое небо, но сейчас они были просто серыми и совершенно невыразительными. Как и положено у хорошего правильного кибера с отключенной имитацией личности.

Только вот хорошие правильные киберы не кидаются защищать чужих совершенно посторонних людей, если не было прямого приказа. А тем более — вопреки таковому приказу.

— Он неуправляемый, все подтвердят! Он опасен! Надо звонить ликвидаторам, немедленно! Счастье, что мои девяточки под рукой оказались, они подержат, пока не приедут специалисты! А то ведь просто уму непредставимо, что тут случиться могло!

Вот интересно было бы спросить этого жирного гада — а почему, собственно, эти самые брюсы, дежурившие у входа, не вмешались первыми? Ведь им-то куда ближе было. К тому же это их прямая должностная обязанность — следить за порядком на подведомственной территории. Программой предписано. Они просто обязаны были. По умолчанию. Если только...

Если только кто-то не отдал другой приказ. Кто-то, имеющий право отдавать такие приказы. И захотевший вживую посмотреть на кровавое реалити-шоу. Некоторым нравится, а тут еще и с доставкой на дом...

Ларт тяжело вздохнул. Начальник охраны, конечно, был той еще сволочью. И буквально напрашивался на то, чтобы ему слегка подрихтовали морду чем-нибудь потяжелее. Слишком уж откровенно он торжествовал, слишком яростно упивался своей правотой и возможностью безнаказанно отомстить. Причем отомстить чужими руками и — ключевое слово! — безнаказанно во всех смыслах, оставшись правым и чистеньким. Начальник охраны вызывал омерзение, да. У любого нормального человека. И кто-нибудь когда-нибудь его обязательно отрихтует.

Кто-нибудь. Когда-нибудь.

Но не сейчас и не Ларт, Ларт терпеть не мог вмешиваться. Да и район чужой. Да и не пойман этот мерзавец за руку на горячем. Даже на простом подсматривании за горячим — и то не пойман. Не было горячего, не случилось, а намерение неподсудно, нет наказание за желание полюбоваться совершаемым преступлением. Да и вообще Ларт сегодня не на работе, просто зашел скоротать предпраздничный вечерок в пусть и не слишком приятной, но все же компании.

К тому же занявшийся не своим делом и по-крупному вляпавшийся чужой кибер не вызывал у Ларта ни малейшего сочувствия. А вот презрение и гадливость — в полный рост. Может быть, даже был он омерзительнее еще и поболее, чем начохр. Потому что нехрен братья за то, чего не умеешь! С начохром-то все понятно с первого взгляда, он нисколько не прятал свою мерзкую сущность, даже гордился ею, а этот... Вот же паскудная тварь! Серый мыш, сексо-гард недоделанный. В упор не понимающий, что хорошего охранника делают таковым не обкорнанные волосенки и даже не бойцовые прошивочки, понатыканные умелым хакером в оставшиеся между эротических прог щели.

Еще бы он понимал, клоп постельный!

Страпон с глазами. Вибратор на ножках! Яйца больше тупой башки, мозги с гульки хрен, такие вообще думают не головой, а головкой. Сладкий гаремный мальчик при дурехозяйке, а туда же... Сидел бы себе в спальне, ублажал бы кого скажут, так нет же, в телохраны ему приспичило. Вернее, хозяйке приспичило, разумеется. вот пусть и расхлебывает теперь...

Да какой из него, нахрен, телохран? Чудо, что не пострадал никто! Вляпался? Ну так и поделом! Таким прямая дорога в утилизатор, чтобы не позорили доброе имя нормальных гардов и не подвергали опасности жизни тех, кто поверит в их камуфляж. И хозяйке урок. Будет знать, что телохран из вибратора — как бронежилет из туалетной бумаги...

— Не было никакого неподчинения приказу. — Ларт протиснулся мимо неподвижного брюса и удерживаемого им кота, подвывающего в полувисе, на ходу доставая жетон и разворачивая его так, чтобы начохру хорошо было видно. — И сбоя не было. Был мой приказ. Я полицейский. Мой приказ приоритетнее хозяйского.

И продолжил, задумчиво так и вроде бы даже не особенно и угрожающе, просто не давая начальнику охраны вставить ни слова и сверля его тяжелым взглядом:

— Вы, конечно, не обязаны верить мне на слово. И я, конечно, не имею обыкновения орать на весь зал... Может быть, меня кто-нибудь услышал. А может быть, и нет. Но у ваших гардов отличный слух. Особенно у брюса. Они, конечно, стояли довольно далеко и смотрели в другую сторону, но, полагаю, существует вполне определенная вероятность, что могли кое-что и зафиксировать. Они же у вас ведут запись в реальном времени, да? Если специалисты проверят их логи, скажем, за последние двадцать минут...

Бинго!

Есть контакт.

Начальник охраны вздрогнул и как-то весь сразу сдулся, забежал глазами, задергал ручками и словно бы даже ростом меньше стал. Ларт стрелял почти наугад, больше рассчитывая на то, что жирный трус остережется обидеть недоверием копа, пусть и с чужого участка. Да, участки могли соперничать, полицейские одного района недолюбливали полицейских другого, но корпоративная солидарность есть корпоративная солидарность, ее никто не отменял. Особенно в среде полицейских. Это между собой они могут сколько угодно грызться, а стороннего врага встретят единым фронтом, как и положено. И если вдруг какому-нибудь вшивому начальничку какой-нибудь вшивой охранки какого-нибудь вшивого рестораника вдруг с какого-то перепугу взбрела в его вшивую головушку вшивая мысль о том, что он может безнаказанно обидеть копа только на том основании, что тот не с его участка и не имеет никаких официальных прав и полномочий в этом районе, — обычно очень быстро находились коллеги обиженного, у которых в этом районе как раз таки хватало и прав, и полномочий. И которые очень быстро объясняли подобному недоумку всю глубину его заблуждений.

Но сейчас помощь коллег, похоже, оказалась без надобности. Ларт стрелял наобум, но попал в десятку. Начальнику охраны было чего бояться, а вот рисковать особого смысла не было. Если на записи не обнаружится подтверждения Лартовых слов, это не докажет, что никакого приказа не было — оба гарда действительно смотрели в другую сторону, вооруженный человек на подлежащей охране территории не мог не привлечь большую часть их внимания. Так что уличить Ларта во вранье начохру все равно не удастся, даже если он и уверен, что Ларт врет.

А уверен он быть не может. В этом-то вся и прелесть.

Зато он может быть точно уверен в другом — в том, что на записях обнаружится нечто куда более интересное. Например — тот самый приказ обоим гардам не вмешиваться в происходящее на веранде. А может быть, что и похуже...

— Ну что вы... ну зачем вы... ну как можно... вы же полицейскийююю раз вы так говорите, конечно же я вам верю! — испуганно заплескал начохр жирненькими ладошками так сильно, что его бутафорские кривые ножи, качнувшись, обиженно звякнули друг о друга. Он даже отступил на пару шагов, заулыбался угодливо, ручки к груди прижал, выражая всем телом, что, мол, какие могут быть подозрения и недоверие между такими уважаемыми и достойными людьми?! И тут же заорал визгливо в сторону ни в чем неповинных гардов: — Да отпусти же его, придурок! Не слышишь, что ли, что тебе уважаемые люди говорят?! Да не этого, тварь тупорылая! Да не ты!..

Ларт продолжал давить начальника охраны взглядом, не отпуская. Молча, спокойно. со знанием дела. Начохр все больше нервничал, дергался и частил за двоих. Что ни о каком недоверии и проверках, конечно же, не может быть и речи, и он смеет надеяться, что у господина комиссара не сложится неверного представления об их заведении, в котором господин комиссар теперь желанный и почетный гость, и ни о какой оплате, конечно же, не может быть и речи тоже.

Ларт тянул паузу, не сводя с начальника охраны задумчивого взгляда и время от времени многозначительно поднимая бровь (у Сволоча это получалось лучше, но несчастному начохру хватало и Лартового бледного подражания). Краем глаза он видел, что оба ресторанных гарда вернулись на свои места по бокам у входа (шварц по-прежнему тащил за собой окончательно скисшего кота). Серый мыш на асфальте наконец-то отмер.

Шевельнулся. То ли вздохнул, то ли всхлипнул. Запрокинул голову. Зажмурился.

С-сученьш!

Ларт сморщился, как от оскомины. Какая же у тебя, сученьш, прокачанная программа имитации личности. Включается, главное, очень вовремя.

Если кто-то крикает как утка, выглядит как утка и летает, как утка...

Плевать.

Не важно.

Ларт стоял спиной ко входу и боялся выпустить начохра из-под давления взгляда еще как минимум несколько секунд, закрепляя сказанное и проявляя ухмылкой то, что осталось навысказанным, но вовсе не незамеченным. Чтобы жирный слизняк до конца осознал — рыпаться и возражать не в его интересах.

А потому Ларт никак не мог видеть того, что происходило у входа. Ни огромных безумных глаз (зрачки во всю радужку) хозяйки вляпавшегося телохрана, закусившей кулак с такой силой, что побелели скулы. Ни выражения лица стоявшего рядом Сволоча.

Может быть. и зря.

Ларт Рентон

Селд таки сменил настенный календарь — и теперь Ларт вздрагивал каждый раз, когда, забывшись, скидывал голову от комма и натыкался на укоризненный взгляд голографической девицы с противоположной стенки. Девица выступала из картинки не то чтобы очень сильно, сантиметров на тридцать всего, но для полноты ощущения чужого присутствия этого хватало вполне. По опыту привыкания к прошлому календарю Ларт знал, что потребуется не менее трех недель, чтобы девица перестала восприниматься осмысленным и несущим информационную нагрузку изображением и окончательно превратилась в оптический эквивалент белого шума. А пока придется вздрагивать.

Немного утешало то обстоятельство, что эта девица, в отличие от предыдущей, хотя бы не была голой — в прошлый раз, натыкаясь на взведенные дула сосков, Ларт первое время вздрагивал куда сильнее. Впрочем, была ли она одетой, оставалось за кадром — в самом прямом смысле этого слова, ибо на верхней обложке календаря красовалось только ее лицо, да и то наполовину закрытое огромными черными и явно мужскими руками: снизу до вполне симпатичного носика и сверху чуть ли не до самых ну очень печальных глаз. Хотя Ларта и не оставляли смутные подозрения, что под черными пальцами девица прячет глумливую ухмылочку, имея глубоко в виду и фотографа, и будущих зрителей.

Дживс сразу прозвал ее «мечтой правоверного мусульманина», а Селд бесился и кричал, что напарник ни черта не понимает в искусстве, это ведь работа самого Винченцо Марррани, причем раритетный третий оттиск — о чем свидетельствовало красное клеймо в левом нижнем углу. Что по этому поводу думал Сволочь, Ларт благоразумно уточнять не стал — но судя по слишком уж бесстрастному лицу и преувеличенно стеклянным глазам внутренняя ухмылка киборга была ничуть не менее глумлива, чем та, что скрывалась под черными мужскими пальцами на обложке календаря.

В отместку Дживс повесил над своим столом плакат с Роки Злато верхом на его знаменитом «черном драконе» — том самом модифицированном байке, на котором он выиграл прошлогоднюю орбитальную гонку. Селд, который когда-то начинал в одной байкерской банде с юным Роки и с тех самых пор ненавидел его той лютой и негасимой ненавистью, каковой только и могут ненавидеть друг друга бывшие однокашники, после появления провокационного плаката не разговаривал с Дживсом почти три дня. Ларт не вмешивался.

В общем, жизнь продолжалась.

— За вашей Сволочью завтра приедут. Ларт, подготовь сопроводилку, чтобы с утра у меня в комме и на столе распечаткой. А то знаю я вас, вам лишь бы хиханьки, а не чтобы дело как штык!

Шеф говорил мягко, но взгляд его был тяжел. Напряженный такой взгляд, сверлящий, совершенно не соответствующий вроде бы обыденным словам и спокойному тону. Ларт

сразу все понял, вот по этому взгляду и понял — и потому не стал переспрашивать. И возмущаться, демонстрируя излишнее понимание, тоже не стал, изобразил на лице вежливый интерес, не более. Растянул губы в почтительной улыбке, склонил голову чуть набок, чтобы удобнее было глядеть в начальственную морду снизу вверх.

Кольнуло — Ларт отлично помнил и эту позу, и этот стеклянный взгляд, которые он сейчас так удачно (ну, будем надеяться, что удачно, зеркала-то нет) скопировал. Самого его это все, помнится, страшно бесило. Но шеф — не Ларт, он не заметит. Не поймет. Не усмотрит неправильного, Ларт — правильный полицейский, и ему вовсе не нужен второй подряд выговор с занесением. И ребята у него правильные, и им тоже не нужно ничего подобного...

— На проверку? Так ведь года еще не прошло, да и медик вроде прогонял по тестам, ну после ранения...

Селд, что б его! Не мог помолчать.

Ларт не застонал и даже не зажмурился, хотя очень хотелось. Продолжал смотреть на шефа преданными глазами с выражением почтительного внимания на закаменевшем лице. Даже вроде бы улыбаться не прекратил. Шеф тоже разулыбался — ему-то как раз вопрос понравился, он этого вопроса ждал.

— Нет. — Отвечая Селду, шеф продолжал смотреть на Ларта, смотреть пристально, жадно и торжествующе. — На утилизацию. Я взамен две девятки выбил, новехонькие брусочки, только что из репликатора. Одна, так уж и быть, у вас останется, хотя и не стоило бы, знаю я вас. Но я сегодня добрый. Можете не благодарить.

Улыбаться. И именно что благодарить. Это он только так говорит, что не надо, а как раз именно в таких случаях и особенно надо. Надо. Значит, будем благодарить. Только не вслух, вслух сейчас вряд ли получится — позой, улыбкой, глазами, всем лицом, лицо привычное, тренированное, оно справится. И не с таким справлялось.

А голос может и сорваться.

И только, пожалуйста, ребята, — молчите. Не надо...

Свист втянутого сквозь зубы воздуха. Это Дживс. Вздохнул? И прекрасно. И молчи. Не надо. Когда у шефа такой вот мягкий и вкрадчивый тон — ему нельзя возражать. От слова совсем. Дживс, ты же умный парень, и шефа ты знаешь не первый день, с ним можно ругаться, на него даже можно иногда поорать. Иногда. Когда и сам он орет. Но не в том случае, если вдруг начинает говорить он мягко и ласково. Ты же знаешь это. Ведь правда же, знаешь?

Треск сломавшегося в пальцах вечного маркера — производители утверждали, что их сломать практически невозможно, до полутора тонн на изгиб.

Врали.

Дживс — умница. Промолчал. Маркер только. Маркер не жалко, пусть. Много их. Дживс опытный.

А вот Селд...

— Да на кой нам девятка?! Это просто смешно! Они такие же глючные, если не хуже, а к этому мы вроде как бы уже привыкли, да и справляется он вполне!

— Док сказал, что эта тормознутая рухлядь не тянет и семидесяти процентов по штатным тестам, и это даже без загрузки. — Шеф по-прежнему смотрел на Ларта. Пристально, жадно, оценивающе. Глаза у него были маленькие и черные, как два сканера, дырки зрачков — как дула. Ларт продолжал улыбаться и надеяться, что улыбка эта

правильная. А если и не совсем — то не настолько, чтобы шефские сканеры это заметили и отреагировали. Странная мысль — так, наверное, чувствуют себя киборги на тестовом стенде. Словно под прицелом. Бракованные киборги. Неправильные.

Действительно, странная мысль. Ларт — хороший коп. Правильный. И никому никогда не удастся доказать иного, даже шефу, как бы он ни старался. Это проверка. Просто проверка. Ее надо пережить с наименьшими потерями — а потом уже думать, как обойти приказ. Приказ ведь всегда можно обойти. Если постараться. Ох, Ларт, а тебе твое поведение сейчас никого не напоминает? Напоминает. И что? У умных людей не грех и поучиться. И в общем-то похрен давно, что не все они — люди.

Странно, но Ларт почти перестал волноваться, мозг работал на удивление четко и безэмоционально, словно у... Ну да. С кем поведешься. Не важно. Отбросить. Есть данность. Ее невозможно изменить. И — пока! — невозможно обойти. С нею надо работать.

Шеф хочет убрать Сволоча из отдела и вообще из участка. Радикально и окончательно. Это данность. Что ж, его право, его власть. Его цель. Понятно и осуществимо. Изменению не подлежит. Возражать бесполезно. Мы и не станем.

Хочет убрать? Пусть.

А вот утилизация — дело другое. Она уже в чужой сфере ответственности, где у шефа нет ни власти, ни права. Где изменения не только возможны — естественны. И утилизация — вовсе не данность, единственная и окончательная, а всего лишь один всего лишь возможный всего лишь вариант из широкого веера прочих возможных. Пока еще очень широкого, есть из чего выбирать. И лучше молчать, чтобы этот веер не сузить. Неосторожным словом, случайно и вовсе того не желая.

— Док вообще-то совсем другое говорил!

Селд в отделе не так давно, Селд ни разу не видел шефа в истинной ярости и не знает, когда надо остановиться, замолчать в тряпочку и начать улыбаться. И отступать, кивая и улыбаясь, все так же кивая и улыбаясь — пока еще есть куда отступать. Тут главное — не доводить до последней черты, дать и шефу возможность отступить, как следует нагнав страху. Когда шеф ласков — это сложнее, да, но все-таки можно, если не провоцировать, не загонять в угол, не возражать...

— Док говорил, что недели через три Сволочь восстановится практически в полном объеме, плюс-минус три процента, а через месяц...

Ох, Селди...

— Да-а-а? — Шеф натянул это короткое слово на бесконечность, словно сову на глобус. Обернулся к Селду, медленно так, задумчиво даже. И Селд, неустрашимый Селд, девизом которого в любой самой безвыходной ситуации было «да херня это все, прорвемся, и не из такой херни прорывались!», втянул голову в плечи и замолчал. Жалко только, что поздно.

Шеф оскалился, тон его стал совсем бархатным:

— Значит, это очень удачно, что гардисты за ним приедут завтра, а не через месяц. И примут акт о списании устаревшей некондиции, даже не пикнув. Какое просто-таки чертовски удачное совпадение. Или вы так не считаете?

Последние слова он уже не мурлыкал — шипел. Обвел взглядом всех троих сотрудников (привычно проигнорировав замершего в своей нише по стойке смирно Сволоча) и снова уперся им в Ларта. Селд открыл было рот — и закрыл, громко лязгнув зубами. Шеф, конечно же, слышал, даже фыркнул чуть слышно носом и заговорил еще тише и ласковее, заставляя подчиненных прислушиваться, невольно и напряженно:

— Думаете, я не знаю, что за гадючник вы тут у меня развели под самым носом? Устроились, понимаешь, как свиньи в берлоге! Думали — не узнаю? Про ваши милые посиделки, круговую подругу и ресторанные драки? Про то, что вы эту тварь с собой даже на ваши сраные шашлыки таскали! И без намордника! Думаете, я не знаю, кого вы обрядили Санта-Клаусом на рождественской ярмарке? И усадили детишек слушать! Надеялись меня подсидеть, да? Надеялись, что если вдруг что — то вы чистенькие, а полковник за все в ответе? Думали, если нашли где-то крутого хакера, то теперь в дамке? Думали, полковник у вас глухой на оба глаза, да? И мозгов у него кот накакал? Как у тех макак, что все дырки на роже прикрыли и уверены, что их теперь никто никуда не трахнет? Не-е-ет, милые мои, полковник все видит, все слышит, все знает! И бдит. И никто из вас его не трахнет и не подсидит, даже и не надейтесь. Я вам этого не позволю, ясно?

Шеф так и не начал орать, даже сейчас, и это было скверно, очень скверно. Тихая ярость менее эффектна, но более эффективна. И предусмотрительна.

— Так вот, милые мои заговорщики, — завтра все это кончится. У вашей девятки хозяином буду прописан я — и только я. А вы — всего лишь лица с ограниченным правом управления. Очень ограниченным, смею вас всех уверить! И докладывать обо всем и обо всех ваша девятка будет мне. Лично. Обо всем. А вашу хакнутую рухлядь завтра же отправят на слом. Я прослежу.

Уже завтра? Шеф действительно в ярости. И напуган. Что он такого узнал, кроме той драки, рождественской подмены и шашлыков? Неважно. Отбросить. Завтра. Это хуже, веер возможностей сужается резко. Но не фатально. С десятков вариантов еще вполне остается. Ну, ладно, не десятков. Но шесть средне приемлемых. И два — неплохих. Очень даже. Целью два, роскошь.

— Это неправильно! Если вы считаете, что мы виноваты — наказывайте нас, Сволочь тут ни при чем! Он же просто выполнял наши приказы, и все! За что его убивать? Ребята, ну скажите же вы ему!

Ох, Селди ...

— Убивать, значит... — Шеф хмыкает удовлетворенно, он услышал именно то, чего так долго ждал. Распрямляется, расправляет плечи. Теперь он спокоен. Ну, почти спокоен. И, что куда страшнее, смотрит почти сочувственно. Кивает собственным мыслям. — Убивать... Вот, значит, даже как... Значит, тот мозготрах был прав, когда предупредил. А я ведь ему почти не поверил. Говорил, что мои ребятки не такие. А вы, значит, именно что. И зараза проникла куда глубже. А гниющий орган нужно что? Нужно отрезать. Без жалости. А не ждать, пока сам отвалится. Нет уж, ребятки, вы хоть и твари неблагодарные, но вы мои твари, и полковник о вас позаботится. Для вашей же пользы. Вы все-таки мои твари. Почти родные. Сам таким был, понимаю. Вы мне потом еще спасибо скажете.

Шеф смотрел на Селда и вроде как даже именно к нему обращался, но Ларта не оставляло ощущение, что эти слова предназначались ему, Ларту, и только ему. Что они с полковником в кабинете вдвоем. Вернее — втроем, потому что точно так же непонятно почему Ларту с самого начала разговора казалось, что Сволочь тоже смотрел только на него, Ларта. И прислушивался. Хотя этого, конечно же, не могло быть, знаковое имя произносил лишь Селд. Значит, киборгу логичнее реагировать на Селда, Ларт же вообще не издал ни звука, и никакая программа, пусть даже и самая продвинутая и навороченная, не должна была...

— Значит так, ребятки, слушайте и запоминайте, это касается вас всех. Завтра ваш

кибер должен быть сдан представителю «АванGARDa» в целостности и сохранности. Обгоревший труп не прокатит! А то знаю я вас, с вас станется подсунуть левого жмура, разmozжив ему башку и всобачив нужный чип-идентификатор, типа это не вы, когда вы пришли, так и было. Нет уж! Не прокатит, слышите? Живой, здоровый, вменяемый. Это приказ. Далее — никаких махинаций с продажами. Если узнаю — а я обязательно узнаю! — что кто-то из вас или же вы все вместе, скинувшись, эту тварь выкупили... выговором не отделаетесь, так и знайте. Сядете. Все трое. По статье триста сорок шесть Б-прим уголовного кодекса Конфедерации. За преступную халатность и небрежное обращение с потенциально опасным оборудованием, проявленную лицами при исполнении и с полным осознанием содеянного. А он все равно будет списан и уничтожен. А если вдруг это сделает кто-то из ваших друзей или даже совершенно посторонний человек — вы все равно сядете. Все трое. Запомните, ребята, я не буду искать доказательств вины или невиновности. Просто сделаю это. Запомните и всем своим друзьям передайте — пусть трижды подумают, кто им дороже. И вы сами тоже — крепко подумайте.

Шеф кивнул сам себе, смерил по очереди каждого подчиненного долгим многозначительным взглядом и направился к выходу. Ларт смотрел ему в спину и старался, чтобы улыбка выглядела такою же, как и раньше — вежливой, отстраненной и фальшивой.

Так. Спокойно. Не радоваться. Рано радоваться, хотя и очень хочется.

Не тупик.

Да, очень славных выходов не осталось, а кто говорил, что будет просто? Зато есть как минимум два условно годных. Не очень приятных, скорее даже совсем неприятных, хотя и по-разному, но годных. Вполне. И если поторопиться — оба вполне реализуемы. Только торопиться придется очень. И еще один — скверный, да, но на самый крайняк сгодится и он, Ринн поймет правильно, и ребята поймут, а что другие подумают — да какая разница?..

— Да, чуть не забыл! — Шеф обернулся уже от самой двери. — Если вдруг завтра с курьером «АванGARDa» что случится... или с его машиной, не важно. Авария, приступ космической чумки, укус бегемота, внезапное помутнение сознания или удар кирпичом по затылку... Если по дороге в их офис вашего сраного кибера попытаются отбить неизвестные бандиты или на машину вдруг совершенно случайно свалится метеорит... короче, если он не доедет до места, и не важно, по какой причине, — вы тоже сядете, ребята. Все трое. По той же самой статье, но еще и с отягчающими. Надеюсь, до вас хоть так дойдет, что это не шуточки.

Дверь за шефом закрылась совершенно беззвучно. Треск схлопнувшегося в ноль веера возможностей прозвучал только в сознании Ларта. Впрочем, нет, веер не схлопнулся. И даже не сломался.

Веера просто больше не было.

23. Когда нечего больше терять

Бонд по имени Сволочь

— Можно мне кофе?

— Д-да, конечно, Св... сходи... дать тебе кружку?

— Спасибо, Рамси. Не надо. Там есть стаканчики.

Дежурная улыбка номер семь, чуть печальная, сообразно обстоятельствам. Заговорить самому, без приказа и даже без хозяйского взгляда (а они все очень старательно отводят глаза) — на грани палева. Тем более высказать просьбу. Но теперь уже все равно. Можно палиться по полной, хуже не станет.

Потому что хуже просто некуда.

В коридоре никого. А кофе вкусный. Особенно если с кленовым сиропом, и на кнопку нажать три раза. Три раза на каждый стаканчик. Второй уже не доставил такого же удовольствия, как первый, но Сволочь упрямо выпил и третий, уже почти не чувствуя вкуса. Вот и хорошо. Если бы не выпил сейчас — жалел бы до конца жизни. Все оставшиеся часы — сколько их там? Двенадцать? Четырнадцать? Может быть, сутки, вряд ли больше. Да и когда будут потрошить на проверочном стенде — это уже не жизнь.

Ни на что не надеясь особо (но проверить-то нужно!), сделал пробный шаг к лифту. Дыхание сразу же перехватило, тело крутануло судорогой, пока еще легкой, предупредительной.

Вот так. Что и требовалось доказать. Иногда быть хакнутым куда важнее, чем иметь собственное мнение и уметь думать без помощи программы. Да и такое ли уж оно ценное, это умение думать. Если вечно думаешь не о том, о чем надо бы. Вот как сейчас, например. Не подумал заранее? Не побеспокоился? Не предусмотрел? Даже после вчерашнего намека Ларри — да что там намека! баннера поперек трассы! трехметровыми буквами! — не озаботился хотя бы просто сбежать?

Что ж, винить некого. Ибо виноват сам.

И только сам.

С четвертым стаканчиком в руках Сволочь вернулся в кабинет, чувствуя, как постепенно отпускает скрученные имплантатами мышцы. Он более не противодействовал прямому приказу, вот и программа не считала нужным противодействовать ему. Замер у двери в условной стойке — нечто среднее между «вольно» и «на отдыхе». Тоже, конечно, то еще палево, в любое другое время поостерегся бы, но сейчас уже все равно. Сейчас все — все равно.

И можно тоже все.

Например, можно было бы не останавливаться у двери, не замирать, а плюхнуться на диван с наглым развязным видом, выхлебать обжигающий кофе (а не греть о стаканчик ладонь) и послать по матери всю эту сладкую троицу — лишь для того, чтобы посмотреть, как вытянутся у них лица. Смех на эшафоте, веселая вседозволенность смертника, которому больше нечего терять и хуже уже не будет. А что не будет — Сволочь знал точно. Никакого стенда, никогда больше. Он найдет способ заставить их убить его раньше. Найдет. Они ведь всего лишь люди. Люди предсказуемы и управляемы. А он — нет. Ну, если, конечно, не считать прямые приказы, но кто и когда их считал?

А можно подойти к Ларри. Заглянуть в глаза. За волосы поднять ему башку, если не захочет сам, но заглянуть. И спросить: «Почему?»

Именно почему.

Не «зачем» — ответ на этот вопрос сомнений не вызывал, Сволочь отлично знал, зачем люди поступают именно так, а не иначе. Они всегда поступали именно так. Все. Даже самые лучшие. Но вот почему — дело другое, зачем — это вопрос о цели, почему — о причине. Человеческие цели от киборга никогда не зависели, а вот причины их поступков — очень даже. Потому и хотелось знать. Даже сейчас. Тем более сейчас.

В конце концов, каждому хочется знать, из-за чего его убьют.

Ларт Рентон

— Да садись же ты, С-с...садись, короче, не мельтеши!

Вот и у Селда тоже не получилось назвать киборга Сволочью. Второй уже раз подряд. Как чуть ранее не получилось у Дживса.

— Спасибо, Рамси.

В отличие от рваного голоса Селда тон у киборга был спокойным, обыденным, как вчера, как позавчера. Механическим таким. Ну а какой он еще может быть у машины? Сидит. Улыбается. Пьет свой кофе. Может быть, он действительно так ничего и не понял? Шеф не называл его ни по имени, ни по модели, программа не отслеживает все разговоры вокруг, если в них нет ключевых слов. А их в речи шефа вроде бы не было, только у Селда, но Селд как раз почти ничего не сказал конкретно. Только возмутился и требовал справедливости. Мог ли киборг шпионской линейки догадаться по контексту? Гард бы точно не смог, но этот же все-таки аналитик, плюс паранойю им прошивают в базовые установки, должно было что-то остаться. Так что уверенности нет, пятьдесят на пятьдесят.

Могла ли программа отреагировать на упоминание компании-производителя? Наверное, могла. Но с точно такой же вероятностью могла и не отреагировать. Пятьдесят на пятьдесят. Те же самые.

Интересно, а если бы речь шла о тебе — сам-то ты что предпочел бы? Знать заранее и маяться неизбежностью — или до последнего строить планы, которым сбыться не суждено? Впрочем, какие планы, о чем ты, он не человек.

— Бедненький... Бондик, а я тебе конфеточек принесла! Твоих самых любименьких, с кофейной начинкой...

— Спасибо, мисс Стелси, вы очень добры. Мне они всегда нравились более прочих.

Зубы у Ларта были стиснуты так, что ломило виски и ныло за ушами. И захочешь разжать, а не получится. И хорошо. А иначе он не сдержался бы и наорал на эту дуру, виноватую только в том, что дура она.

— Ох ты ж бедняжечка... Жалко-то как, мальчики... А такой хорошенький, такой ласковый, конфеточки вот любил... Ну ты кушай, кушай конфеточки, я специально для тебя купила. Как девочки сказали про все про эти ужасы-то, так я сразу в магазинчик и сбегала. Хочешь, я тебе еще кофеечку принесу? Сладенького!

— Спасибо, мисс Стелси, вы очень добры.

А все-таки, какой из вариантов лучше? Какой тебе самому менее мерзок? Именно тебе, Ларт. Не ему. Тот, в котором киборг не знает об уготованной ему судьбе, или тот, где все он

знает, но ведет себя так, потому что ему все равно? Машинам ведь все равно, правда? Тебя ведь это вполне устроило бы, да? Устроило бы?

Сплотнуть было так же трудно, как и дышать, но Ларт справился. Зрение сузилось до размеров экрана комма. Пальцы тыкались в клавиши, словно чужие. Клавиатура казалась горячей. Хорошо, что букв так немного. Хорошо, что бланки стандартные.

Фамилия, имя, должность. Номер карточки. Дата. Какое сегодня число? А, ну да. Календарь.

Повернуть голову к столу Селда оказалось очень трудно. Но не труднее, чем дышать. Главное, скользнуть взглядом выше их голов, не зацепиться. Не столкнуться, не спровоцировать. Дживс смотрит в упор, неотрывно, и ждет только сигнала, Ларт чувствовал его взгляд кожей. Извини, Дживс. Сигнала не будет.

Шеф — хитрая сука. И предусмотрительная. Угрожай он одному только Ларту — и был бы послан. С гарантией. Вот он и не стал. Круговая порука вяжет надежней. Удавка на горле, и рыпаться невозможно, потому что она не только на твоём горле.

Дата. Подпись.

По собственному нежеланию работать с...

И далее — несколько строчек эпитетов, после прочтения которых у адресата не останется ни малейшего желания подписать сразу, предварительно не поиздевавшись. И, возможно, возникнет желание убить. Вот и славно.

Маленькая кибер-добавочка от Маньячины, приятным бонусом вписанная в оформление стандартного бланка. Сторожевые программы не чирикнут, оформление ведь свое, родное..

Отослать. Распечатать.

— Привет, мальчики! Какой ужас, правда же? Бондик, мы все за тебя переживаем, очень-очень, правда-правда! И будем завтра держать кулачки, чтобы у тебя все-все-все прошло хорошо!

— Спасибо, мисс Элеонора, вы очень добры.

— А я тебе пироженку принесла. Ты ведь любишь с вишней?

Овца. Наверняка трясет своими обесцвеченными кудряшками. И глазки закатывает. Ей кажется, что так выглядит трогательнее. Хорошо, что зрение сужено и все вокруг отливает зеленым. Хорошо, что эта овца сбоку. Сбоку — не видно.

— Бондик, а вот я тебе кофеечку! Со сливочками!

— Спасибо, мисс Элеонора, спасибо, мисс Стелси, вы очень...

Вдохнуть. Выдохнуть. Встать. Выйти.

Молча.

И никого по пути не убив. Даже дверью не хлопнув.

Бонд по имени Сволочь

Когда терять нечего — прятаться тоже больше незачем. Ведь так?

Нет. Не так.

Это тебе терять уже нечего. Тебе и только тебе, не другим. А они все, в сущности, неплохие люди. Ну, для людей, конечно. Пока что они не уверены в том, что ты на самом

деле из тех, про кого не принято говорить в приличном обществе. Что ты разумен и что-то там себе чувствуешь. Пока что они цепляются за надежду, что ты все-таки просто машина, не более. Ну раз уж ничего невозможно поделатъ. И им так будет легче — пока у них остается такая надежда, возможность думать именно так. Так они смогут не считать себя убийцами.

Не такой уж плохой выход — сделать под занавес нечто хорошее для хороших, в сущности, людей. Единственный достойный, если подумать. Вот и не надо. Вот и молчи, раз уж зачем-то думать таки научился.

Все привыкли судить о вышедших из-под жесткого контроля программы и пошедших вразнос по гардам, их больше количественно, да и сбои у них... не то чтобы чаще, но куда зрелищнее. Особенно у шварцев. Да и тот брюс, к примеру, сбой которого Сволочу однажды довелось наблюдать, походил на газонокосилку, пошедшую вразнос в мясной лавке. Стены в фарше, требуха на люстре, клубничный джем ползет по рельсам. От самого брюса тогда тоже мало что осталось, ликвидаторы опоздали самую малость.

Киборги шпионской линейки идут вразнос вовсе не так. И свидетелей их прорывов за рамки вы не найдете — не потому, что шпионы всегда подчищают следы и убирают слишком любопытных или просто оказавшихся в ненужное время в ненужном месте. Просто бондам хватает мозгов сделать все так, чтобы этого никто не увидел.

Бонды палятся на другом. Не на том, что пошли вразнос и натворили разных глупостей сгоряча — на том, что поверили. На том, что забыли простую истину: люди всего лишь люди. Всегда. И они всегда поступают по-человечески. Даже друг с другом. Но особенно — с теми, кого они людьми не считают. И ребята эти, коллеги так называемые... бывшие (уже бывшие, да), — они еще не самые скверные. Они вообще даже неплохие, это-то и есть самое паршивое.

Неплохие настолько, что так и подмывает забыть — они тоже люди. И этим все сказано.

Они подозревают, конечно, иначе не отводили бы глаза. Но — не уверены на все сто. Вот и хорошо. Вот и правильно. Вот и дальше пусть будут не уверены. Тебя завтра не станет, а им ведь с этим еще жить и жить.

Что же все-таки сработало триггером, Ларри? Поздно спрашивать, даже если бы Сволочь и решил поступить по-человечески, наплевав на других. Ты ушел. Правильно. Не надо подвергать искушению нечеловечность тех, кому нечего больше терять.

И все-таки — почему?

И почему ты так долго молчал, если понял давно, а ты ведь не дурак, Ларри, ты должен был понять почти сразу. И молчал. Долго. Так долго, что даже прошитый на паранойю и считающий недоверие одним из основных условий выживания киборг тебе почти что поверил. Так что же тебя сорвало, Ларри, что послужило последней каплей? Что я такого сделал, что тебе оказалось проще написать докладную, чем просто сказать три коротких слова: «не делай так»? Три коротких слова, Ларри. В докладной слов наверняка было больше, намного больше, ты терпеть не можешь писать, но на этот раз не поленился. А она точно была, эта докладная, иначе ты не прятал бы глаза, да и шеф не был бы так уверен...

Почему?

Где я ошибся, Ларри?

Ларт Рентон

Времени ждать лифта не было.

По лестнице Ларт сбежал, так быстрее, проверено. Он буквально физически ощущал, как стремительно утекают сквозь пальцы секунды. Их так мало осталось, а сделать надо так много. Главное, чтобы ребята не опомнились не вовремя и не кинулись догонять.

Первую банку пива Ларт выхватил на ходу, в угловом автомате. И не столько выпил, сколько выплеснул, на лицо и на плечи. Волосам тоже досталось. Отлично, волосы хорошо хранят запах.

Еще две — в ларьке, врезав кулаком по стеклянной панели так, что та только чудом не разлетелась. Здесь не было общего терминала. Расплачиваться пришлось наличкой, следов в сети не останется. Зато живой свидетель. Живой и до усрачки испуганный продавец только пискнул и нырнул под прилавок — то ли за упавшими монетками, то ли жать тревожную кнопку. Отлично. Этот точно запомнит. А если кнопка таки есть — то вот вам и электронный след.

Еще один автомат, тут по карте, отлично. Еще один след, еще две банки. Вскрыть, смять, заливая пеной пальцы, отшвырнуть. Последнюю полупустую сунул в карман куртки. Отлично.

Время...

Он почти бежал. Флайером было бы быстрее, но не намного. Следы важнее. Флайер он отправил на ресторанный парковку автопилотом. Удачно, что код был на быстром наборе. Удачно, что до «под-Ёлки» всего полтора квартала. Впрочем, нет. Удача тут ни при чем. Расчет. Эта забегаловка самая близкая. Значит, там и начнем отрываться.

Тем более что уж куда-куда, а «Под Ёлку» копов точно вызовут сразу, тянуть не будут. Вот и славно. Да и добираться им от участка минуты три, не более. Как раз хватит. Время, время, черт бы его побрал...

Еще один автомат. Еще один след. Пиво? А, нет. Тут есть кое-что и покрепче.

Отлично.

Бонд по имени Сволочь

— Ну что ты сидишь! Надо же что-то делать!

Дживс ничего не ответил Селду. Он вообще молчал — только один раз и взорвался, почти сразу после ухода Ларта, когда к двум жалостливо вкочующим вокруг Сволоча идиоткам из секретариата присоединились две не менее голосистые клуши из бухгалтерии — причем с целым тортиком, и стало совсем тошно. Взорвался тогда Дживс качественно, Сволочь даже залюбовался, испытывая чисто эстетическое наслаждение. Весь курятник взрывной волной вымело, словно и не было никого.

Селд метался по кабинету как заведенный от двери к окну и обратно. Неоднократно пытался присесть — то на стул, то на подоконник, то на край стола, но каждый раз тут же вскакивал и продолжал метаться. Дважды задержался на чуть подольше — один раз, чтобы написать маркером на обратной стороне распечатки «курицам с конфетами и прочим киборгокормом вход воспрещен», а второй — чтобы приклеить эту записку скотчем на дверь кабинета. Со стороны коридора приклеить, разумеется.

Подействовала ли записка или же слухи об угрозе Дживса засунуть следующим

жалельщицам принесенные ими деликатесы вовсе не в рот — но паломничество плакальщиц прекратилось. Дробный перестук каблучков в коридоре, правда, раздавался еще несколько раз, но замирал у двери, перемежался возгласами и ахами-охами — возмущенными, жалобными, негодующими, — после чего возобновлялся, удаляясь, причем с уже куда большей скоростью.

Сволоча это устраивало.

— Ты что, не понимаешь, почему Ларт ушел?! Он из-за нас ушел! Это наша вина, понимаешь? Значит, нам и исправлять! Что ты молчишь?!

Дживс опять не ответил, даже головы не повернул. Он разглядывал Сволоча, разглядывал долго, пристально, жевал губы и словно бы что-то взвешивал мысленно (киборг отслеживал это краем глаза и крохотной долей оперативки, но не показывал вида), потом окликнул. Тихо, и не по имени.

— Бонд!

Прямое обращение. Теперь уже не надо прикидываться послушной правильной машиной, но привычка остается привычкой, да и зачем теперь спорить с программой из-за таких мелочей? Сволочь повернул голову, растянув губы в дежурной улыбке:

— Да, Вустерини?

Обычно имена их бесили, особенно уменьшительные. Но на этот раз не сработало — ни малейшего раздражения ни в голосе, ни в произвольных движениях, Дживс словно бы и не заметил издевательского обращения, продолжая смотреть серьезно и пристально. Заговорил снова:

— Послушай, если я сейчас прикажу тебе встать и уйти отсюда — твоя чертова программа воспримет это как приказ?

— Да, Вустер.

— Тогда это приказ, слышишь? Ты был шпионом, ты умеешь прятаться. Беги отсюда к чертовой матери. Стоп! Не к матери, это была идиома, беги куда хочешь, просто чтобы не поймали.

— Я знаю, что такое идиома.

Сволочь вздохнул. Улыбка слегка потускнела. Дживс нахмурился, не понимая.

— Тогда почему ты сидишь? Это был приказ!

Сволочь отвел глаза, снова уставившись в стену. Ответил скучным голосом:

— Приказ лица с ограниченным правом управления не может быть исполнен, если противоречит приказу основного хозяина или приравненного к нему лица... и может быть отменен только ими.

Короткую паузу перед последней частью фразы вряд ли заметил бы кто из людей. Но она там была. Как тот белый суслик на белом листе бумаги, которого никто не видит, но он там все-таки есть. У Сволоча имелась своя версия того, почему ушел Ларри. Версия, вполне возможно, куда более соответствующая истинному положению дел. И это было... нет, не больно. Киборгам ведь не бывает больно в человеческом понимании этого слова.

Дживс что-то невнятное пробормотал и защелкал по виртуальным клавишам своего комма. Селд подошел к окну, оперся кулаками о подоконник и замер, уставившись на улицу. Сволочь мог бы поспорить, что ничего он там не видит — просто видеть то, что в кабинете, ему хочется еще меньше.

Ларри был единственным, кто мог отменить приказ полковника. Потому что именно Ларт Рентон был прописан у Сволоча хозяином первого уровня, а его босс числился всего

лишь приравненным к таковому лицом. Это стандартное правило, так всегда делают, если предстоят боевые операции: приказы полевого командира всегда приоритетнее штабных, независимо от должностей и званий. Ларт Рентон мог отменить приказ своего непосредственного начальника, отданный киборгу, это программа бы приняла, не подавившись. Если бы Ларри, конечно, захотел бы.

Только вот он не хотел. Иначе не стал бы докладывать. И не предупреждал бы вчера.

Так что да, Сволочь тоже отлично знал, почему ушел Ларри...

— Дживс, нам нужен хакер! — Селд отвернулся от окна, но кулаки не разжал, смотрел исподлобья. Словно собирался кого-то боднуть. — Хороший хакер! Лучший! Дживс, у тебя же вроде как были знакомые! Маньячину помнишь? Ларт говорил...

— Не учи отца и баста, — процедил Дживс, не отрываясь от компа. Пальцы его словно жили самостоятельной жизнью, плели сложную паутину по клавишам. — А как ты думаешь, с кем я пытаюсь связаться последние десять минут? На всякий случай уже оформил задним числом четыре пропуска, кто его знает, под какой личиной он сейчас...

Сволочь моргнул. Повернул голову.

Они — серьезно?

Похоже, что да...

Имитация личности — хорошая штука. За ней можно спрятаться, если у самого тебя вдруг непонятно с какого перепугу перехватывает горло.

— Ребята, если вы забыли... я вообще-то не гард.

— И что?

Две пары одинаково недоуменных глаз. Они что, действительно не понимают, насколько может быть опасен пошедший вразнос киборг шпионской модели, да еще и с хакнутой строкой прописки хозяина? Похоже, не понимают. Что ж, он был бы последним идиотом, если бы начал их просвещать. Только вот...

— У всех киборгов нашей линейки стоит девятислойная защита против взлома. Даже архивы космопола защищены слабее.

Ну да. Ты идиот. А это — палево. Голимое.

И горькая гордость — да. Мы такие. Трудноломаемые идиоты.

— Ну и что? — Селд пролез за спину Дживса и теперь пытался что-то рассмотреть через его плечо. Ткнул пальцем в какую-то точку на экране: — А вот здесь пробовал?

— Не учи отца...

— Ребята, вы что, не поняли? Меня взломать не легче, чем Инфрабанк!

— Да поняли мы, поняли! — отмахнулся Селд, не отрываясь от экрана. — Потому и ищем того, кто уже дважды его ломал, Инфрабанк этот. А ты пока, будь ласков, не мешай.

24. Прорвемся!

Ларт Рентон

Время 17.08...

Время, время, черт бы его побрал.

Особенно когда его нет.

Флаер наклонной свечой рванул с места в форсаж, чуть не снеся какую-то мутную надстройку на крыше ближайшего дома. А потому что нехрен строить всякое-разное там, где ему не положено находиться. Там, где копы летать изволят. Пусть и бывшие копы.

Ларт зло ощерился, слушая, как затихает вдали вой полицейских сирен. Надрывный визг насилуемого форсажем движка перекрыл его довольно быстро. Близкие крыши мелькали разноцветным калейдоскопом, дробились улочками, сливались в серую полосу. Вообще-то над городом такая скорость была запрещена, но дернувшийся было наперерез патрульный кар отстал почти сразу, даже мигалку не включил. Очевидно, пробил по базе номер злостного нарушителя и успокоился, опознав коллегу. Мало ли по каким таким суперважным делам и куда может спешить полицейский? Может быть, дела даже вовсе и неслужебные, но мы же с вами все одной формы, мы друг друга понимаем. И покрываем. Две руки одного общего тела, а рука руку и все такое...

Вот и славно.

В кои-то веки получилось воспользоваться служебным положением. И сразу так удачно.

Разбитые губы саднило, но Ларт продолжал улыбаться. Если, конечно, его оскал можно было назвать улыбкой. Время, время уходило сквозь пальцы, таяло сосулькой в горячем чае... но устраивать следующий дебош слишком близко — нельзя. Слишком близко опасно, могут сразу сопоставить, связаться, прислать подкрепление. Рано. Нужен пространственный буфер. Района два-три как минимум. Новобакайда — хороший город. Большой. Шестнадцать районов. В каждом — свои патрульные. Свои участки. База единая, да, и сетка тоже единая. Но — время. Пока по ним пробьют, пока сопоставят...

Есть шанс.

Очень хороший шанс.

Хвала бюрократии и шефской пунктуальности: все знают, что полковник Босс покидает свой кабинет ровно в пять, хоть часы проверяй. А еще точно также все знают, что он никогда не берет работу на дом и отключает служебный комм. Тоже ровно в пять. Правило у него такое. Можно даже сказать, принцип. Мол, если вдруг что экстраважное — рядовые сотруднички не поленятся и на домашний или личный просемафорить. А с пустяками трижды подумают, стоит ли беспокоить — и, скорее всего, до утра таки подождут.

Рядовое заявление о самовыпиле Ларта вкупе с рядовым же рапортом никак не попадает в категорию экстраважных. К тому же Ларт отправил оба документа с хитрой добавочкой от Маньячины, и доставлены на шефский комм они были ровно в 16–57. Как раз когда вроде бы по всем параметрам в дымину пьяный Ларт при трех десятках свидетелей запустил тем чернявым оболтусом в барную стойку «Елки». Маньячинская мулька, сработав, мгновенно самоуничтожилась, не оставив следов, любой самый дотошный проверяльщик сочтет задержку с доставкой простым сбоем внутренней сетки.

Милая шуточка. Документы оформлены как вошедшие сегодняшним днем. 16–57 —

время вполне еще рабочее и даже не последняя его минута, так что тут никаких разночтений быть не может. Поступили? Поступили. Оформлены как вошедшие? Оформлены. А что не были они должным образом завизированы — не наша проблема.

Документы есть — и в то же время их как бы и нет, потому что шеф с ними не ознакомился и не пустил дальше в работу с собственной резолюцией. И до утра уже не ознакомится. К аналитикам не ходить.

Ведь для того, чтобы закрыть все рабочие программы, обесточить комм, проверить все замки на всех ящиках стола, шкафах и сейфах и покинуть кабинет, необходимо как минимум три минуты. А зная шефа, так и все десять, чтобы с гарантией. Ларт шефа знал, но предпочел не рисковать. Трех минут вполне достаточно.

Милая шуточка, да.

Ларт рассмеялся, зло и коротко. Слизнул кровь, выступившую на стремительно опухающих губах. Тот чернявый придурок, походу, все-таки дотянулся бутсой — на излете уже, по касательной. Но зубы вроде как все на месте и нос не сломан, вот и славно. Сломанный нос пришлось бы вправлять и фиксировать, лишняя трата времени, а его и так...

Время!

17:17.

Отличное время, знаковое.

Так, что у нас внизу? Икетайра. Отлично. Райончик пафосный и навороченный, излюбленный туристами. Охрана бдительная, но разрозненная, у каждого заведения наверняка своя собственная. И не из людей. Что и требовалось. Это даст еще как минимум минуты три до нажатия тревожной кнопки, но уходить придется в темпе ирландских танцев. Вот и хорошо. Вот и то самое, что и требовалось...

Что там внизу светится? Стрип-бар «Четыре самурая и резиновая утица»? Что ж, будем считать, что сегодня неудачный день для любителей латекса и черно-белой восточной экзотики.

Бонд по имени Сволочь

— Херня, — отмахнулся Селд от возражений Дживса и повернулся к Сволочу. Скептически сощурился, буркнул: — Садись на пол. И рукав закатай. Да не этот!

— Это другой континент, ты что, не понял? Мы не успеем.

— Херня, — повторил Селд, по прежнему глядя лишь на киборга. — Ты сам свой чип выковырнешь, или мне тебя резать?

— Сам.

— Тогда держи.

В руку Сволоча скользнул узкий обломок лезвия, выломанного из точилки для карандашей. Селд не выглядел обескураженным или растерянным, словно пять тысяч километров для него ровным счетом ничего не значили — так, улицу перейти. И что самое странное, его уверенность оказалась... заразна, что ли? Почему-то вопреки всякой логике начинало казаться: подумаешь, действительно херня, прорвемся...

Свою присказку про херню Селд повторял уже трижды — первый раз, когда выяснилось, что разысканный-таки Дживсом супер-хакер в данное время находится чуть ли не в другом полушарии и никак не успеет прибыть в Новобокайду ранее завтрашнего вечера.

Больше пяти тысяч километров по прямой, рейсовый челнок один раз в сутки. Никаких шансов...

— Прорвемся, — сказал тогда Селд с непоколебимой уверенностью. — И не через такие херни прорывались. Это же просто смешно! Какой он хакер, если не сможет работать по удаленке?

Его уверенность была наотмашь, покоряла с первого слова и не брала пленных.

И когда выяснилось, что с киборгами шпионской линейки, конечно же, обладатель умелых рук может работать и по удаленке, но для этого ему необходимо иметь в этих самых руках персональный идентификационный чип подлежащего взлому киборга, Сволочь огорчился. Но того беспросветного отчаяния, что накрыло его при известии о пяти тысячах километров, уже не испытал. Лишь посмотрел на Селда с вопросительной надеждой — давай, человек, объясняй, как мы прорвемся еще и через это.

Мы. Прорвемся.

Необычное слово — мы. Необычное ощущение. Анализировать будем потом, а сейчас...

Мы ведь прорвемся, правда? Ты обещал.

Но тут на прорыв пошел Дживс — предложив сделать развернутый тридискан чипа и переслать в умелые ручки уже его, по сети, зря, что ли, в лаборатории простаивает новейшее оборудование? Полтора часа — и электронная копия любого материального объекта будет готова. Послойная, точная, до последней молекулы, хоть развертки рассматривай, хоть пересылай куда угодно и там распечатывай.

И когда оказалось, что нет, электронной копии чипа вовсе не будет достаточно, чип нужен именно что весь из себя самый что ни на есть материальный и именно что первозданный для какой-то хитрой хакерской приبلуды, и Дживс сник, со свистом втянув воздух сквозь стиснутые зубы, — Сволочь хотя и не особо обрадовался, но не более. И снова выжидательно уставился на Селда.

А тот протянул ему обломок лезвия.

— Мы все равно не успеем, — с сожалением вздохнул Дживс, отрываясь от комма. — Ближайший челнок от нас к ним в шесть утра, на месте будем не раньше девяти. Как раз к приезду...

Дживс оборвал себя на полуслове, быстро глянул на киборга и столь же быстро отвел взгляд.

— А зачем нам челнок? — Селд взглянул на Дживса с искренним недоумением. — Когда у нас есть байки.

Дживс открыл было рот, явно собираясь возмутиться. А потом закрыл, так и ничего не сказав. Поинтересовался осторожно:

— А они у нас есть?.

Селд пожал плечами с великолепным равнодушием к точности формулировок:

— Нет, так будут. — И уже адресуясь к киборгу: — Ну и что ты там копаешься?

Сволочь ногтями подцепил чип, выдернул его из только что сделанного разреза в предплечье, протянул Селду. Соединил края разреза, стимулируя регенерацию. Крови почти не было — несмотря на повышенный интерес к происходящему в кабинете, заранее спазмировать сосуды вокруг чипа киборг не забыл.

— Разрешение на суборбитальный прыжок, пусть даже и короткий... — с сомнением поджал губы Дживс.

— ...нам не понадобится. Оно не нужно для полетов в пределах атмосферы.

— Пять тысяч километров в атмосфере? За одну ночь? — Дживс, кажется, хотел это рывкнуть. Но снова покосился на Сволоча и спросил подчеркнуто спокойным тоном.

— И че? — выпятил подбородок Селд. — Хороший байк развивает до шестисот. Даже без форсажа!

Правда, тут же добавил самокритично и не без сожаления:

— Десять часов подряд я такую, конечно, не удержу. Но в районе четырехсот — с гарантией. Или даже четырехсот пятидесяти. Так что уже к пяти будем на месте, скажи своему хакеру, пусть ждет и готовится.

Дживс больше не спорил. Закрыв стационарный комм, попутно стирая логи и запуская мусорную двойную очистку. Сообщение далекому приятелю отбил уже с наручного. Сдернул с крючка куртку, вынул из ящика стола пистолет, сунул в кобуру. Проходя мимо киборга, хлопнул его по плечу. Буркнул:

— Бывай. Глупостей только без нас не наделай, ладно?

Сволочь сидел на полу. Смотрел на захлопнувшуюся за этими двумя дверь и думал, что для глупостей поздновато, ибо самую большую глупость он уже совершил. Он им поверил. И ничего не мог с этим поделать.

А главное — не хотел.

Дживс Вустер и Селд Рамштайн

— У тебя что — дома припрятан всестихийный байк? Ну или хотя бы атмосферный?

Насколько Дживс помнил крохотную конуру Селда в полицейском общежитии — спрятать там можно было разве что самокат. Да и то только в том случае, если он складной. Селд в ответ посмотрел на напарника с жалостью, словно на несмышленного ребенка. И как будто бы даже стал шире в плечах и выше ростом. Пояснил:

— Байкер — это вовсе не тот, кто имеет у себя дома байк. Байкер это тот, кто знает, где его можно взять. Если и когда байкеру нужно.

— Но ты не байкер, Селд! Ты полицейский. Слуга законности и порядка. Ты давно уже не гоняешь по космосу, распугивая мирных граждан.

— Байкеры бывшими не бывают.

Двери лифта с шипением разъехались, выпуская их на верхнюю парковку, холодный ветер ударил в лицо. Дживс прищурился.

На крыше оказалось неожиданно людно — из соседнего лифта высыпала дежурная бригада в полном составе и довольно резко устремилась к патрульным машинам. Пришлось пропустить, флаер Дживса был припаркован как раз за служебными ячейками.

Группа быстрого реагирования упаковывалась по машинам так целеустремленно и сосредоточенно, что инстинкт полицейского оказался сильнее, и Дживс окликнул знакомого лейтенанта:

— Помощь нужна?

— Да нет, — отмахнулся тот, застегивая фурнитуру безопасности, и добавил, проясняя причину торопливости и озабоченности коллег: — Просто какой-то гаденыш под елкой нагадил.

— Сильно?

— Да не, по девять-двенадцать.

— А-а-а... — протянул Дживс, теряя интерес. Лейтенант отсалютовал двумя пальцами. Задвинул колпак кабины. Флаер рванул вслед за уже стартовавшими коллегами.

— Дживс, шевели помидорами!

Дживс щелкнул дистанционкой, открывая кабину своей машинки, и Селд тут же ввинтился на водительское сиденье, даже разрешения не спросил. В любое другое время Дживс вытряхнул бы паршивца за шкуру, ибо малышкой своей дорожил, а манера вождения Селда не предусматривала бережного отношения ни к тому, за штурвалом чего он сидит, ни к тому, что может попасться навстречу. В любое другое время Дживс и близко бы его к своей красавице не подпустил...

В любое другое время — да.

Впрочем, в любое другое время они бы сочли своим долгом присоединиться к дежурной бригаде и помочь им как следует вправить мозги тому самоубийце, что счел для себя возможным устроить пьяный дебош в штаб-квартире местных копов. «Под елкой» — это святое, там даже последние отморозки становятся предельно вежливы, расшаркиваются берцами и посылают друг друга пешими эротическими турами исключительно с многократными извинениями. И вдруг — дебош! Пусть даже и всего лишь по коду девять-двенадцать, то есть без смертоубийства и серьезных членовредительств. Так, по мелочи, пара разбитых носов и перевернутый столик. Но важен сам прецедент! Такое нельзя прощать. Такое надо пресекать, и немедленно. В любое другое время...

Но сейчас времени у них не было.

Зная манеру Селда стартовать, Дживс попытался пристегнуться чуть ли не раньше, чем опустил задницу на сиденье. Но все равно слегка опоздал. Парковка стремительно провалилась вниз вместе с желудком, перегрузкой вдавило в спинку, щелкнули зажимы, свистнул в ушах остаточный порыв ветра — колпак захлопнулся секундою позже.

К удивлению Дживса, Селд направился не в район промышленных трущоб, где собранный на коленке байк, пусть даже и без вожденной приставки «всестихийный», был чуть ли не у каждого второго мужчины в возрасте от десяти до пятидесяти, и даже не к так называемым «докам» при космопорте, где обычно собирались байкеры посOLIDнее.

В доках наверняка можно было раздобыть не только подходящий гоночный всестихийник, но и много чего другого, куда менее легального, Дживс в этом не сомневался. Другой вопрос — сколько бы на это ушло времени? Тамошний народ не очень любит посторонних, а уж тем более полицейских. И Дживс сильно сомневался, что даже бурное байкерское прошлое его напарника может тут хоть что-то исправить.

Но Селд направлялся не в доки. Заложив крутой вираж над крышей полицейского управления, он нацелил нос флаера на шпиль «иглы», словно на путеводную звезду, и повел как по ниточке.

На полицейской волне сообщили о происшествии по коду 9-12 в районе Икетайра. Код царапнул по краю сознания, но не сильно. Странно, что хулиганье активизировалось именно сегодня. Вроде никаких футбольных матчей не было, дат тоже никаких, даже не пятница.

Впрочем, Икетайра — район туристический, расположен с той стороны космопорта. Там драки с местными входят в обязательную часть экскурсионной программы экстрим-туров, за дополнительную плату, конечно. Наверняка и эта была заранее проплачена, просто владельца бара забыли предупредить. А даже если на этот раз и нет — какая разница? Мало ли что там кому из залетного турья в голову взбрести могло! Дживса столь далекие проблемы интересовали мало. Есть и поближе.

Например, то, кому именно в «Злата Гардене» собирается его напарник по старой памяти упасть на хвост? Это в лучшем случае, про упасть на хвост. В худшем же — и куда вероятнее! — у кого именно бывший не последний член уличной банды байкеров собирается увести из-под носа приглянувшуюся машинку. Тоже по старой памяти, была у него и такая страница в биографии.

А потом до Дживса вдруг дошло, что они не просто держат курс на самый респектабельный пригород Новобоканды, — и уже пересекли его негласную границу, отстрелявшись по охране периметра полицейскими позывными. Их курс проложен точно через острие знаменитой «иглы», дворца-небоскреба, который отчетливо видно даже с орбиты — самого сердца Злата Гардена. И если они не затормозят или не свернут, то минут через десять в этот шпиль точнехонько и впишутся на полной скорости...

— Селд! Ты отдаешь себе отчет...

— Не ссы! Прорвемся.

3.14 ZDEC или Люди — такие люди...

Дживс Вустер и Селд Рамштайн

Золотая игла стремительно приближалась, вырастая прямо по курсу. Она больше не напоминала тонкий изящный шпиль-антену, расползлась вширь и вверх — огромная, даже на вид невероятно прочная конструкция из закрытых этажей и открытых всем ветрам ажурных пролетов, крестообразных и дуговых балок, гиперболических растяжек, или как там эти хрени архитектурные называются, Дживс был не в курсе, но заранее впечатлялся конструктивной мощью и железоплатстовой прочностью. Из города башня казалась кружевной и хрупкой — но это только из города.

С легким тревожным перезвоном над пультом флаера соткалось миловидное женское личико, улыбнулось в пространство между Селдом и Дживсом холодной безжизненной улыбкой хорошо прокачанного искина при исполнении.

— Неопознанное судно-нарушитель, обращаю ваше внимание на то, что вы вторглись на охраняемую территорию частного владения. — Милый женский голосок был наверняка тщательно простроен и снабжен всеми нужными обертонами, при всей своей доброжелательности он буквально вымораживал. — Немедленно измените маршрут следования, отправьте код подтверждения легитимности доступа на частную территорию или назовите другую причину, которая помешает нашей охранной системе расстрелять вас как потенциально опасного террориста через минуту и двадцать восемь секунд. Обратный отсчет будет включен через секунду. Время пошло.

— Селд, сворачивай! Она не шутит!

— Херня!

— Прошу прощения, но код неверный. У вас осталось две попытки и одна минута шесть секунд.

— Это не тебе было, дура!

— Прошу прощения, но код неверный. У вас осталось...

— Три-четыренадцать!

— Код условно принят в первом клике. Прошу повторить с адекватными пояснениями.

— Четырнадцатое марта, дура! Что, съела? Адекватно тебе адекватности?

Личико моргнуло, то ли демонстрируя усвоение полученной информации, то ли просчитывая процентные вероятности необходимости и достаточности продемонстрировать заодно и обиду. Но, похоже, к определенным выводам искин так и не пришел: голограмма поджала красивые пухлые губки и рассыпалась пикселями. Они крутанулись вихрем и сложились в другое лицо — мужское, холеное, гладкое, обрамленное каштановыми локонами, ничуть не менее искусственное и даже на вид очень-очень дорогое. Роки Злато, чудо пластической хирургии, легенда трех галактик — вернее, одна из его многочисленных копий. Может быть, телохран, но скорее — такой же искин из внешнего периметра, как и прежняя девица. Разве что чутка повыше рангом.

Искин долгую секунду смотрел на Селда, потом сказал безо всякого выражения:

— О. Какие люди.

Имитация личности у него была прокачана куда хуже, чем у предыдущей девицы. Очевидно, встречать посетителей в его обязанности не входило.

— Не тяникота за яйца! — рывкнул Селд. — Куда падать?

Дживс одним глазом смотрел на стремительно приближающееся переплетение балок, другим — на безмятежное лицо искина, который вел себя так, словно в его распоряжении было все время вселенной. Красиво очерченная левая бровь чуть дрогнула, губы шевельнулись.

— Ты сам выбрал. Сектор три, площадка четырнадцать. Жди. Буду.

Лицо искина рассыпалось разноцветными искрами, сменилось типовой заставкой. Селд заложил духвыбивающий вираж, выворачиваясь по-над консолью погрузочно-разгрузочной платформы, внезапно рванувшейся навстречу флаеру, и на какую-то страшную долю секунды Дживсу показалось — избежать столкновения не получится. Поздно, вот сейчас чиркнет крылом, а на такой скорости это конец, дальше закрутит штопором, швыряя от одной псевдоажурной стенки к другой и сминая металлопластик, словно тонкий картон...

Получилось.

Посадочные квадраты с ярко-алыми номерами пронеслись перед самым носом, Селд закрутил флаер вокруг шпилья, вывернув его боком, и над головой ступеньками шведской стенки замелькали вертикальные контрфорсы. Помелькали, уползли под левое крыло, замедляя бег. Флаер совершил круг и с уже погашенной скоростью сухим листом спикировал на снова подвернувшуюся платформу. Мелькнули алые цифры и буквы — 3.14-ZDEC. Скрипнул пластик под опорами — байкеры считали ниже собственного достоинства сажать машину при работающем двигателе. Только роняли.

Пискнула полицейская рация, и Дживс на автомате воткнул в ухо клипсу.

— Выходим, — буднично сказал Селд, откидывая колпак и перещелкивая тумблер автопилота в режим «домой». Дживс еле успел выскочить, как колпак снова закрылся и флаер снялся со стоянки — на этот раз почти беззвучно и не нарушая никаких правил воздушного движения. Дживс проводил его взглядом, одновременно выслушивая экспрессивные переговоры между тремя полицейскими участками. Хмыкнул, пояснил Селду:

— Уже пятый разгромленный бар. Почти одновременно, все по коду 9-12 или 9-13, ни одного из хулиганов задержать так и не удалось. Забавно, правда?

Но Селд интереса не проявил, буркнул только:

— Флешмобят.

Выглядел он странновато — морда кирпичом, руки в карманах куртки, ноги широко расставлены, плечи отведены назад, грудь вперед, голова тоже. Очень агрессивная поза, нарайонная такая. Но спросить, почему напарник вдруг решил закосить под представителя низового криминалитета, Дживс не успел.

— Какие гости. А я без охраны.

Вздрагнув, Дживс обернулся — человек стоял совсем рядом. И как только сумел подойти незамеченным? Впрочем, о чем это он. какой тут может быть человек? Голограмма, конечно же, потому и бесшумна.

Отлично, кстати, прикинутая голограмма. Руки в карманах безупречно сидящего пиджака цвета топленых сливок, жилетка на полтона темнее, зеркальные остроносые туфли, о стрелки на брюках можно порезаться. Плечи отведены назад, грудь вперед, в точности как и у Селда. Вот разве что только голова нарушает отзеркаливание: голограмма держала ее прямо.

Вернее, держал.

Был этот, затянутый во все сливочно-золотистое, действительно один и смотрел только на Селда.

— Чероки.

— Бризельд.

Селд тоже вел себя так, словно Дживса рядом с ним не было. И вообще эти двое напоминали двух котов на пограничной территории. Или шпионов, встретившихся для обмена как минимум паролями — одинаковые позы, одинаково непроницаемые морды, одинаково бесстрастный тон. Разве что одеты по-разному. И оба настолько пафосные, что так и подмывало брякнуть что-нибудь вроде: «А меня зовут Грегори — ну, на случай, если вы подбираете имя для первенца». И плевать, что на самом деле Дживса звали совсем иначе, собственное имя он не любил, пожалуй, даже больше, чем фамилию и неведомого маркетолога от кибернетики, когда-то решившего, что назвать линейку домашних киборгов-слуг по фамилии идеального дворецкого из древнего сериала — удачный маркетинговый ход.

Возможно, Селд почувствовал, что терпение напарника на исходе, а может, ему и самому поднадоело, но дальше он заговорил уже своим нормальным голосом:

— Кончай танцы, Роки. Мне нужен «дракон». Возможно, без отдачи.

Мужчина в костюме цвета топлёных сливок еле заметно изогнул левую бровь (расчесанную волосок к волоску, и Дживс не удивился бы, узнай, что еще и уложенную) в намеке на ироничное удивление. И только тут до Дживса дошло, что перед ними не голограмма и тем более не один из телохранов с мордой хозяина, а сам. Собственной персоной.

Пауза затягивалась.

Вышибут. И хорошо, если не через бортик посадочной платформы. И не избив по дороге. Селд, придурок! Ну должен же был понимать, что есть границы разумного даже у старой дружбы, если она и была, эта дружба. На что не очень-то похоже, если судить по их обмену приветственными репликами и по этим настороженно-кошачьим позам...

Роки шевельнулся. Бледные губы на бледном флегматичном лице чуть дрогнули, брови приподнялись еще на полмиллиметра, голос оставался по-прежнему ровным. Почти равнодушным.

— Нужен — так бери.

Селд кивнул и, не благодаря и не прощаясь, решительно пошел к дверям ангара, уже послушно раздвигающимся перед ним. Дживс поспешил следом, понимая только, что пока их не собираются ни убивать, ни даже просто выдворять. А там... посмотрим, чем шутят черти.

В реале «черный дракон» выглядел еще внушительнее, чем на плакате. Стоял он шестым в ряду и был самым крупным среди находящихся в ангаре байков — а их там было не менее пары дюжин. Мощный, навороченный, с усиленным движком. И уже переоформленный на Селда — во всяком случае, ветровой колпак откинулся сразу, стоило тому подойти на расстояние трех метров.

— Садись, чего тянешь?

Устраиваясь за спиной у Селда, Дживс напряженно ждал окрика. Выстрела. Чего угодно. Вот сейчас их окликнут и скажут, что хозяин изволил пошутить.

— Бриз.

Вот оно...

— Чего тебе? — спросил Селд недовольно, придерживая рукой уже закрывающийся колпак. Роки Злато стоял в дверях ангара, смотрел почти с интересом.

— Расскажешь потом?

— Естественно!

Колпак со щелчком встал на место. Роки посторонился, пропуская байк, рванувший с места в крейсерскую. Снова мелькнула непонятная надпись из трех цифр и четырех букв.

Дживсу внезапно стало любопытно.

— ZDEC — это «здесь»?

— ZDEC это ZDEC, потому что полный, — непонятно пояснил Селд, хмыкнув, и надав газу. Дживс предпочел больше не уточнять.

Бонд по имени Сволочь

Люди, они такие...

Зачастую люди ведут себя так, словно и органические мозги — прерогатива одних лишь киборгов. Руководствуются гормонами и пожеланиями левой пятки, хорошо еще, если собственной. Постоянно прикладывают максимум усилий к тому, чтобы сбылось именно то, чего они больше всего боятся и чего меньше всего хотят. Люди — они такие. Нелогичные — и донельзя предсказуемые в этой своей перманентной и неистребимой нелогичности. Люди — они такие... люди.

Вот взять хотя бы, к примеру, Ларри...

Нет, не будем брать для примера Ларри. Это слишком... нет, не больно. Просто... не будем, и все. Возьмем лучше полковника. Босса. У.Е. Полковник — хороший пример. Хотел одного — и добился диаметрально противоположного. У него всегда так, можно смотреть бесконечно, как на плазменную горелку или работу пожарных.

Вот и сейчас полковник, сам того не подозревая, перегнул палку и получил эффект, прямо противоположный тому, которого добивался. Все было бы совсем иначе, если бы он соврал своим подчиненным. Сказал бы, допустим, что киборга забирают для очередной внеочередной проверки. Во время которой — ну кто бы мог подумать и ах, какая жалость! — кибернетки обнаружили бы слишком сильное расхождение с исходными штатными параметрами.

И все.

«АванGARD» ужасно извиняется, заводской брак, партия дефективных мозговых имплантатов, да и вообще как показала практика — киборги шпионской линейки довольно ненадежны в эксплуатации вне сферы своего профессионального применения. И вот вам взамен вашего устаревшего и сильно подпорченного экземпляра две совершенно новые девятки линейки гард модели городской телохран, они гораздо надежнее, к тому же у этой модели лучшими специалистами-разработчиками компании в корне устранена сама возможность подобных дефектов.

Сделай он все так — и что бы кто мог ему возразить? Да никто и ничего. Повозмущались бы немножко, повысказывали бы друг другу много чего разного по поводу идиотов-начальников — и продолжили бы работать, пытаясь привыкнуть к новому киберу. И наверняка привыкли бы, со временем. Люди потрясающе адаптируемы, они способны привыкнуть к очень и очень многому, поначалу кажущемуся совершенно неприемлемым, —

если привыкание проводить постепенно. Один маленький и вроде бы ни к чему не обязывающий шагок за другим. А потом еще. И еще...

И каждый следующий шагок вроде бы совершенно логичен, и ничего в нем такого ужасного, да и вообще почти что и не шагок, так, на месте топтание, шаг вперед, три назад, два в стороны. Но проходит совсем немного времени, занятого таким вроде бы совершенно бесцельным перетаптыванием — и человек вдруг с удивлением обнаруживает себя обеими ногами прочно стоящим на морально-этической платформе, малейшее движение в сторону которой еще совсем недавно казалось ему совершенно невыносимым.

Но вот же — стоит. И отторжения уже не испытывает — теперь это его платформа. Его норма. И не вычислить, на каком из сотен и тысяч крохотных шажочков оно произошло, это переключение на новые нормы, коренное изменение того, что вообще можно считать нормальным. Потому что произошло оно постепенно. По капельке. Как привыкание к яду.

Вот, например, Ларри...

Нет. Ларри плохой пример. Он-то как раз никакой платформы не менял. Он хороший командир и, будучи таковым, всегда защищал своих людей. И будет их защищать всегда. И это правильно. И не его вина, что ты — не человек.

Ларри хороший — и это самое паршивое. Это мешает снять с себя ответственность, записав в виноватые всех вокруг. Так было бы проще, когда виноваты другие, а не ты сам. Но глупо врать самому себе, Ларри просто защищает своих, его можно понять. А ты... ты так и не стал для него своим. Не сумел. Вот и все. только твоя вина.

Но он все равно честно пытался тебя предупредить, заведя вчера разговор о пенсии и о море. И о том, что обязательно возьмет тебя с собой, когда выйдет на первую и купит домик на берегу второго. Сидеть в полосе прибоя, глядеть на безбрежную водную гладь и не ловить никого, кроме крабов. Он же прямым текстом кричал тебе: «Уходи!» — ты не был для него своим, но он все равно пытался тебя спасти, и не его вина, что ты этого так и не понял.

Вернее — не захотел понять. Не стоит врать самому себе — все ты понял отлично и сразу. только вот понимать не захотел. Ведь понять означало необходимость уйти. Сразу, быстро и навсегда. А тебе уходить не хотелось. Вот ты и предпочел наплевать на опыт, на логику и даже на прямое предупреждение. Запретил себе понимать и понадеялся на авось.

Так глупо и так... по-человечески. Ларри бы наверняка... ну да.

Ларри.

Все человеческое ужасно заразно.

И в первую очередь — глупость.

Вустер Дживс и Селд Рамштайн

Всестихийный байк — не флаер. Даже у самых мощных и навороченных пассажирское сиденье всегда расположено позади пилотского, словно бы сразу расставляя точки над всеми нужными буквами и определяя раз и навсегда, кто тут главный, а кто просто груз. Не из-за того, что так удобнее, потому что ничего такого уж особо удобного в таком расположении кресел друг за другом нет. Да и никакого выигрыша в скорости оно тоже не дает.

Просто традиция.

Если ты пилот — тебе ни к чему оборачиваться на пассажира, твое дело вести машину. А если ты груз — твое дело охать и взвизгивать. Ну, если ты груз подходящего пола, конечно. Или общаться с затылком.

— Почему?

— Что почему?

— Почему этот сруций на золоте придурок отдал тебе свою лучшую машину?

Селд досадливо дернул плечом. Пояснил с досадой, как о чем-то само собой разумеющемся:

— Потому что мне было надо.

Очень трудно разговаривать с затылком.

— Но почему именно эту?

— Потому что она “дракон”. Причем лучший.

— Он же вошел в легенду! Музей планетарных достижений предлагал за него три миллиона, Роки не согласился, а тебе дал просто так! Причем ты даже не пообещал вернуть в целости! Почему?

— Потому что мне было надо. Действительно надо. Будешь спорить?

— Я — нет. Но этому придурку златому откуда было знать, что тебе действительно надо?

— Ну так я же ему сказал. И попросил. Че непонятного?

Стена. Вернее — затылок.

— И что?!

— И то. Ни один байкер не будет просить, если ему не надо.

— Дурдом «ромашка»... А почему ты не сказал ему хотя бы спасибо?

— Байкеры не благодарят. Во всяком случае — не за то, что действительно надо.

И что ответишь на такое? Детский садик, ей-бо.

И, однако, результат этого детского садика налицо — вернее, вокруг и под задницей. Скрипящее сиденье, обтянутое натуральной кожей асфальтового варана, удобные подлокотники, над головой тонированный обтекатель. Скорость сто двадцать — над городом это предел, — и стрелка спидометра дрожит в левом углу циферблата, ненавязчиво поясняя, насколько же для этой машинки оскорбительна подобная неторопливость.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Не то чтобы «Санта-Фе» относилось к высокостатусным ресторациям, куда не пускают без смокинга или там с косо повязанной бабочкой, но золота-зеркал-хрусталия в ее внутреннем интерьере с избытком хватило бы на три столичных заведения класса люкс. А гонора владельца — пожалуй что и на все четыре. Пальмы, аквариумы с золотыми карпами и пятнистыми чмокалипами, шеф-повар с талантом, ничуть не уступающим по размерам хозяйскому гонору.

И киборги.

Два гарда девятого поколения на входе, одетые под швейцаров. Оба шварцы, так внушительнее. Два брюса в зале — замаскированные под официантов. Тоже все из себя такие гарды, тоже девятки, правда, — но прокачанные и апгрейжденные аж до мифических десятков-прим. Во всяком случае, по словам продавшего их посредника с Новой Жмеринки (исключительно себе в убыток и из почтения к запредельной могучести ваших суровых друзей, многократно таки уважаемый, вы же меня сейчас без ножа кромсаете на кусочки своей вибропилой, чтобы вашей мамочке никогда не знать таких неприятностей от собственных внуков!).

Те, что стояли снаружи, мониторили приближение подозрительной личности к охраняемому объекту. Личность слегка прихрамывала и выглядела подозрительной крайне — недавние травматические повреждения мягких тканей лица разной степени тяжести, сбитые костяшки пальцев обеих рук (на правой выраженнее), полицейская форма помята, испачкана, повреждена. К тому же смотрела личность на киборгов как-то странно, одновременно с вызовом и веселым раздражением, словно бы чего-то от них ожидала и была почти уверена, что не дождется.

Личность однозначно нельзя было пускать внутрь. Но в тот миг, когда оба шварца собирались синхронно заступить дорогу потенциальной проблеме, та взмахнула правой рукой, на секунду зафиксировав перед глазами обоих гардов зажатый между пальцами полицейский жетон. После чего сразу перешла из категории подозрительных личностей в подкаталог лиц с преимущественным правом управления.

Киборги остались неподвижно стоять слева и справа от зеркальных дверей. Личность смерила их досадливым взглядом, хмыкнула и вошла в «Санта-Фе».

Последовавший за этим разговор по кибер-связи длился менее секунды и в переводе на интерлингву выглядел бы приблизительно так:

— Что будем делать?

— Ничего не будем делать.

— Причина? Это ведь тот самый, о котором говорили на полицейской волне. И они ошибаются — его жетон настоящий. Потенциально ценные сведения.

— Мы не должны были слушать полицейскую волну. Наказуемое деяние.

— Необязательно сообщать о том, что мы ее слушали. Можем доложить просто о подозрительном полицейском. Ценные сведения. Потенциальная благодарность хозяина. Повышение статуса полезности.

— Ты тут новенький. А это не просто коп. Это Ларт Рентон. Мы ничего не будем делать.

— Причина?

— Месяц назад в «Сказке» он вступился за ушедшего вразнос. Отменил вызов ликвидаторов. На четком сбое и неподчинении прямому приказу, без вариантов. Видел. Знал. Сказал, что никакого сбоя не было, а был приоритетный приказ. Его.

— Приоритетного приказа не было?

— Приоритетного приказа не было.

Пауза была на долю нано-секунды длиннее, чем раньше.

— Стереть всю информацию за последние сутки?

— А ты этого еще не сделал?

— Теперь сделал.

— Вот и молодец. Конец связи.

Киборги стояли, не шелохнувшись. Внутри ресторана с жалобным звоном разбилось первое зеркало.

Дживс Вустер и Селд Рамштайн

— У этого маньяка, походу, везение до плюс пятисот прокачено.

Дживс промолчал, хотя и склонен был согласиться. Полицейскую рацию они оставили включенной на громкую связь — пока не покинули город, полезно знать, где и что творится. Хотя бы для того, чтобы случайно не вляпаться в плановый рейд или внеплановую пробку. Но пока служебный эфир заполняли только экспрессивные и красочные переговоры по поводу ресторанного террориста, которого какой-то зубоскал почти сразу окрестил «Неуловимым Джо».

Уже было известно, что действует он один — или же с помощником-пилотом, который в самих хулиганствах не засветился ни разу. Действовал террорист крайне нагло — охрану на входе каждый раз нейтрализовывал при помощи фальшивого полицейского жетона и/или сообщения о секретной операции, после чего без лишних слов бил морду одному из посетителей (жертву выбирал, похоже, случайно, хотя некоторые закономерности и прослеживались — все пострадавшие были мужчинами от тридцати пяти до сорока пяти лет, все красномордые брюнеты массивного телосложения), наносил умеренные разрушения интерьеру и уходил ровно за минуту до прибытия полиции.

— Задержись он хоть где-то на минутку-другую... да что там, на полминуты — парни бы как раз успели! Даже обидно... Даже помочь хочется!

Селду было скучно лететь по правилам, и он комментировал ведущийся по рации диалог. Предусмотрительно отключив микрофон, разумеется. Все развлечение. Дживс молчал. Ну, во всяком случае — какое-то время. Довольно долгое, если на то пошло.

У него была возможность кое о чем подумать — пока бывшие байкеры мерялись друг с другом длиной и крепостью понтов. И потом, пока Селд аккуратно (ну, в применении этого понятия к селдовской системе вождения) выкручивал на кольцевую. Даже удивительно, насколько же быстрее работают мозги, подстегнутые адреналином. Дживс уже успел пройти через стадии первичного осознания, ужаса, неприятия, паники, обреченности и вернуться к «а если снова подумать...». И сейчас, похоже, пришло время поделиться с другими своей догадкой, постепенно перерастающей в уверенность.

— Или же он просто знает полицейский протокол.

— Что? Откуда?!

— А ты до сих пор не понял? Это же Ларт.

Байк... не вильнул, нет — Селд был асом, у таких чувство единения с машиной зашито в рефлексах, они не дернут штурвал, даже если им грохнуть петардой в самое ухо. Ощущение

было такое, словно байк слегка вздрогнул. Почти незаметно, самую чуть.

— О черт... он что, совсем свихнулся?!

Селд поверил сразу, просто пока еще не понял. Дживс ведь тоже догадался не с полтычка.

— Наоборот, он куда разумнее нас с тобой — он позаботился о прикрытии.

— Ты о чем?

— А ты что, этого тоже так и не понял? Он дает нам время. Устраивает шоу, путает карты, оттягивает на себя всех полицейских города. Пока за ним гоняются только свои — думаю, они уже поняли, кто это, но до начальства не довели, чтобы не объявлять желтый сектор. Просто пытаются по-тихому отловить дуращего по пьяни коллегу, пока он не натворил чего серьезнее разбитых носов и витрин. Но еще один-два таких вот выступления в чужих районах — и за него возьмутся всерьез. И тогда он сам им сдастся — но так, чтобы им казалось, что это они его поймали.

— Но зачем?

Над этим у Дживса тоже было время подумать.

— Это же Ларт, он голова! Сразу все просчитал, в первые же секунды, не то что мы. И про Маньячину, и про чип, и что у нас не будет иного выхода. Этот единственный, и он это понял куда раньше нас. Он же с хакером этим дружил, не то что я, я-то просто через него уже... наверняка знал, где тот сейчас. И про удаленку тоже знал, ну что не получится, это же Ларт! И про чип. Больше тебе скажу — он и про твое байкерство тоже все заранее просчитал, зуб даю! И понял, что может помочь только так, внимание отвлекая. Чтобы мы успели, понимаешь, да? Чтобы никакая полицейская зараза нам помешать не смогла, даже случайно.

— Сволочь он все-таки! — выдохнул Селд с обиженным восхищением. — Мог бы прямо сказать... А вдруг бы мы сами не догадались?

— Ха! Это же Ларт. Он же нас как облупленных... Он знал, что мы не сможем не догадаться. Он в нас верит, понимаешь?

Ларт Рентон

Неуловимый Джо, твою ж мать! Все еще неуловимый, мать его, и все еще безымянный, его же мать, Джо!

Ларт скрипнул зубами и с трудом удержался от того, чтобы садануть кулаком по приборной панели. Они там что, совсем мышей не ловят?! Киборги, называется! Он же светился по полной и жетоном размахивал, где только мог! Ну ладно, люди... Человек мог не запомнить номер, человек, да — но не гард! А он же специально в последние разы выбирал заведения с киберохраной, сразу должны были пробить по базе, после первого же! Ну ладно, пусть не после первого, мало ли, но после второго точно! А уж тем более после четырех! Подряд!

Однако вот вам, извольте радоваться — тревога по-прежнему не выходила за рамки синего сектора. И значить подобная колеровка могла только одно — они по-прежнему считают, что хулиган оперирует фальшивым жетоном.

Да что ж теперь Ларту — потерять его на самом видном месте, что ли, этот трижды гребаный жетон, чтобы эти идиоты убедились в его подлинности?! Ларт бы и потерял — да

только вот это сведет на нет всю подготовку и желтый сектор точно не объявят. Зачем, если у преступника больше нет доступа? Да и Ларту жетон был еще нужен, если что-то пойдет не так, вся надежда останется только на него...

Рация разразилась оглушительным треском, перекрывшим перебранку диспетчеров. А потом новый голос, властный и жесткий, объявил:

— Внимание всем постам! Код 1-3-7. Желтый сектор. Повторяю — желтый сектор по всем каналам.

И наступила тишина. Благословенная долгожданная тишина. Шорох и потрескивания не в счет. Ну слава яйцам, наконец-то дошло до кого-то.

Губы саднило, но удержаться от медленной довольной улыбки Ларт не смог. Желтый сектор, чего и требовалось. Отлично. Теперь копы будут шарахаться от каждой малознакомой тени в форме — ведь раз жетон настоящий, значит, непоиманный мерзавец окопался внутри. Прикидывался своим. Оборотни в погонах — наверняка кто-нибудь обязательно вспомнит про тот инцидент на Таруке. Скандал тогда удалось замять, но слухи, слухи...

Желтый сектор предполагает блокировку служебных каналов связи. Всех. Их ведь теперь может подслушать враг. Даже просто таки обязан подслушивать, не зря же завладел ценным жетоном.

На более цивилизованных планетах типа того же Инэя или даже Земли Кашпински не сработало бы, там протокол перехода на аварийный закрытый режим отлажен и занимает считанные минуты. Но не на Ферне — тихой, милой, провинциальной Ферне. Здесь никто никогда не готовился ни к чему подобному всерьез. Да здесь даже хакеров нормальных не было, если верить Маньячине, а кому уж и верить в этом вопросе. А значит — на перенастройку понадобится не менее двух-трех часов. И это только работы, без предварительных воплей и поисков виноватых. Три часа тишины, слухов и паранойи, нарастающей по экспоненте.

Отлично.

Теперь можно и домой заглянуть. Захватить нужное. Переодеться и даже, наверное, умыться времени хватит.

Потому что теперь время работает на Ларта.

Ларт Рентон

Ларт почти успел.

Внутренний таймер засбоил еще на подлете, но это было не ощущение близкой опасности, не полицейская тревога и не огромный баннер поперек улицы с мигающей алым надписью «СТОП! МИНЫ!», а именно что просто немножечко зачистивший под ребрами метроном. То есть прямой угрозы еще вроде бы не было, но и отпущенное ему судьбой время по какой-то причине кончалось намного быстрее, чем Ларт ранее предполагал.

Ларт был хорошим полицейским и чутью своему доверял. А потому не стал раздумывать — а с чего это ему вдруг такое приключилось? И имеются ли, собственно, веские резоны-основания считать непонятно откуда взявшуюся уверенность чем-то большим, чем просто неко времени заигравшим очком? А если и имеются, то стоит ли прогибать под них заранее разработанный план? И не проще ли начхать?

Ларт не раздумывал ни секунды, просто прибавил скорость.

Вписался на собственную парковку, как таракан под плинтус, припарковался у самого лифтового грибка, мерзко скрипнув паленой резиной покрытия. Сбежал по пожарной лестнице, открыв ее полицейским жетоном (действует, сука! Значит, он был прав, бюрократия косы нашла на бюрократию камня), скатился по ступенькам чуть ли не быстрее, чем мог бы на лифте. Он никогда не пользовался лифтами в рейде, тоже полезная привычка, слишком часто они застревают в самый неподходящий момент, эти лифты, лучше не рисковать. Старая добрая лестница куда надежнее.

Засады не было ни на лестничной площадке, ни в самой квартире. Полицейские никак не могли успеть, Ларт был в этом уверен — ну, почти уверен! — но все равно входил осторожно. Словно не в родной дом вернулся, а заявился незваным гостем на чужую секретную базу, хозяева которой могут быть вовсе и не рады его визиту. Вошел, проверил тревожную метку (старый добрый волос под дверью на своем месте, значит — никто не входил в квартиру, пока хозяин отсутствовал). Бесшумно прикрыл дверь, бросил быстрые цепкие взгляды по сторонам — и в первый момент даже насторожился слегка, хотя крохотная прихожая выглядела как обычно.

А потом понял, что именно это его и насторожило — обыденность.

Прихожая выглядела точно так же, как вчера и позавчера, как утром, когда он ее покидал — в спешке, как всегда провозившись до последнего и почти опаздывая, вон даже домашние тапки валяются там, где сброшены были, проход перегораживая. И нигде ни пыли, ни заброшенности... ну какая пыль, какая заброшенность — ведь и суток не прошло, это только по ощущениям сегодняшнее (о нет, уже вчерашнее!) утро отодвинулось в далекое недосыгаемое прошлое. Обычное полицейское прошлое, такое благополучное и мирное со всеми его перестрелками, арестами, допросами, разносами от начальства, засадами, рейдами и террористами.

Сейчас вчерашняя жизнь действительно казалась мирной и пасторальной. Жизнь сегодняшняя неслась по раздолбанным рельсам, словно древний локомотив с перегретым реактором, когда можно только вперед и только на скорости, и малейшая попытка остановиться или хотя бы притормозить означает неминуемый взрыв. Таймер бился о ребра,

все ускоряясь и напоминая, что времени почти не осталось.

Умываться Ларт не стал, переобуваться тоже. Лишнее. Но в санузел прошел, и не только отлить. Из тайника за отломанной плиткой вытащил паспортную карточку — ту самую, так и не причисленную к вещдокам после рождественской операции в молле. Он так и не удосужился перебить на ней ни отпечатки пальцев, ни сетчатку и теперь мог только тихо порадоваться собственной лени, которая оказалась куда полезнее любой предусмотрительности. Перебить обратно он бы попросту не успел, а так киборга не будет с Лартом связывать ничего и шансы на успех возрастают.

В спальне выдернул из шкафа спортивную сумку, с которой обычно ездил в командировки — обычный командировочный набор из пары футболок, джинсов, белья и туалетных принадлежностей в ней жил всегда, так было удобнее, чем каждый раз метаться по квартире, собирая все нужное в последний момент. Сунул туда же черный джемпер и кожаную куртку — пригодятся. Ночи пока еще холодные. Гель-маска киборгу шпионской линейки, наверное, не нужна, у них же вроде должна быть функция изменения внешности? Или нужна? Ладно, пусть остается, лучше перебдеть. Папиллярные узоры они менять точно умеют, это он помнил. Ничего не забыл?

Ах да, деньги...

Вернее — карточки. Переоформлять на предъявителя слишком долго, а таймер уже набатит всерьез. Лучше просто снять наличкой. Кажется, на сей раз действительно все. Ходу, Ларт, ходу!

Он вроде бы не промедлил ни единой лишней секунды, по комнатам перемещался хоть и на цыпочках, но только бегом, и за входную дверь выскользнул так стремительно, словно с крыши уже валила толпа разъяренных его выходками коллег. И все-таки опоздал.

На лестничной клетке его уже ждали.

— И куда это ты намылился, Рентон?

Бонд по имени Сволочь

Сволочь сидел на полу и думал о смысле жизни. Люди ведь это, кажется, так называют?

Вообще-то на самом деле он ни о чем таком не думал. Вообще ни о чем. Мысли скакали сами по себе и совершенно бессистемно, словно шарики воды на раскаленной сковородке, стучаясь друг о друга, шипя, становясь все меньше и окончательно исчезая. Например, о том, что Селду придется лететь над океаном, а сам Сволочь океана ни разу не видел. Не то чтобы вообще, а в реале и вблизи, вблизи, только на экране там или с орбиты. Как-то не получилось ни разу работать на берегу океана, и стирание личностей тут ни при чем, если бы такое на его долю выпало хотя бы раз — он бы запомнил. Сам, помимо программы. Наверняка постарался бы закрепить столь редкое воспоминание где только можно, и в первую очередь — в органической памяти. Он всегда так делал с самыми ценными картинками и даже небольшими сюжетами.

Получалось, правда, не так качественно, как в базовом архиве, и искажения со временем накапливались куда сильнее. Зато была гарантия, что это воспоминание точно никто не сотрет. Никогда.

Только вот беда — через некоторое время ты уже и сам не сможешь точно сказать, что было на самом деле и как оно было, а что — лишь результат наложившихся искажений. А люди только так и умеют, у них вообще нет возможности сохранять что-либо в собственной памяти без искажений. Бедные люди...

Вот, например, Ларри....

Интересно было бы сравнить — что он помнит об их первой совместной операции? Память самого Сволоча с тех пор чистили несколько раз, но он все равно помнил. Не то чтобы назло или ради удовольствия... какое уж тут удовольствие!

Помнить было странно, больно, непонятно. Особенно про морг. И все же расставаться с этим кусочком памяти почему-то не хотелось. Хотя Сволочь и не был уверен, не является ли большая часть тех воспоминаний искаженными. Интересно было бы сравнить и разобраться. А если и является — то насколько и в каком ключе? Было бы интересно, да.

Жаль, уже не получится.

Еще одна упущенная возможность...

Ларри...

Самый важный человек в жизни любого киборга, тот, кто держит судьбу и саму жизнь в своих руках. Да что там! На кончике своего языка он их держит. Хозяин первого уровня. Тот, кто единственный может убить одним только словом, без всякого черного кода, который попробуй еще вспомни и назови правильно. Кроме хозяина такое могут разве что ликвидаторы от “АванGARDa”, только о них лучше не вспоминать лишний раз не вспоминать.

О Ларри, впрочем, тоже.

Интересно, будет ли Селд смотреть вниз, когда полетит над океаном? Будет ли видеть волны? Вряд ли. Скорее всего, он наберет максимально возможную высоту, чтобы снизить сопротивление воздуха и увеличить скорость. С такой высоты волн не разглядеть, это почти

как с орбиты. Над океаном сейчас тоже ночь или уже утро? Если бы сеть работала — можно было бы узнать, но по желтой тревоге сеть отключают. Как и все следящие камеры. Сволочь мог бы пройтись по кабинету колесом, скрутить прямо в камеру фигуру из трех пальцев или ударить себя ребром ладони по сгибу локтя — люди ведь так делают, да? Ну, когда им кажется, что именно так и надо сделать. Люди — такие люди.

Но иногда это не так уж и плохо.

Сволочь остался сидеть. Только запрокинул голову, рассматривая отключенную камеру. Поскреб зудящий шрамик на левом плече — розовый, уже почти заживший. Хорошее дело — ускоренная регенерация. Полезное. Почти такое же полезное, как и отключенные камеры. И бесполезное одновременно.

Если бы не приказ полковника, Сволочь мог бы сейчас просто уйти.

Просто встать и уйти из этого кабинета и из этого здания, совершенно спокойно, не подняв тревоги. Затеряться в городе, сменить внешность, раздобыть денег и документы. Улететь. Таможенный сканер на орбите его не пугал, чипа у него больше не было, а мозговой имплантат любой киборг шпионской линейки может легко заблокировать. Если убраться подальше, где риск столкнуться с бывшими хозяевами минимален, то даже хакера искать не потребуется: наличие хозяина не имеет значения до тех пор, пока он не может отдавать приказы.

Когда Сволочь раньше теоретизировал на предмет составления планов побега, он раз за разом убеждался, что при любых раскладах самое сложное — выйти из здания, дальше будет проще. А сейчас судьба словно сама играет с ним в поддавки. Камеры выключены. Тревогу, конечно, поднимут — но намного позже, когда уже пойдешь найди тот ножичек. Шагнувший за рамки программы вольный бонд — это вам не сексик в большом городе и даже не гард в стоге сена. То есть иголка. В стогу идеальный шпион станет травинкой — ничем не отличимой от миллионов таких же травинок. А иголкой — разве что только на свалке железного лома. Если бы не приказ, Сволочь был бы уже далеко.

Если бы не приказ, который Ларри мог отменить одним словом.

Одним только словом. Ларри! Самым важным словом, словом хозяина первого уровня. Мог бы, да. Но не захотел.

Эх, Ларри...

Ларт Рентон

— Ринн? Ты что здесь делаешь...

— Тебя жду, придурок! Увидела, что ты таки дома, еле успела. Со двора караулила, боялась, что полиция опередит, со двора видно твои окна и почти всю крышу. Ты почему сядилса без света? Я даже не сразу поняла, а могла бы и вообще...

— Ринн, послушай...

— Нет, Рентон, это ты послушай! Какого черта, Ларт?! Почему ты не мог мне сразу позвонить и все рассказать?! Почему я должна узнавать от Кэт?! Почему отключил комм?! Можно подумать, меня это не касается! Можно подумать, ты самый крутой на всей Ферне! Можно подумать — я для тебя вообще никто и звать никак! Можно подумать, это вовсе не я тогда твоего кибера с того света за шкуру... Ларт?! Ты что — пьян?! Нет, серьезно?! Нашел время!

Ринн, сперва схватившая было Ларта за плечо и даже слегка его потрянувшая, отшатнулась, брезгливо разжав руку и презрительно морща носик. Понюхала пальцы. Сморщилась еще сильнее — ну да, переодеться Ларт не успел. Вымыть голову тоже. И сейчас алкоголя на его волосах и форме хватило бы для вполне определенного вывода не только Ринн, но и дюжине куда менее доверчивых присяжных.

Ринн тряхнула кистью с брезгливостью кошки, случайно наступившей в чужую лужу. Закатила глаза, но, ничего утешительно на потолке не обнаружив, лишь процедила:

— Ничего лучшего не придумал, да?..

Ее красные косы были растрепаны, глаза сверкали, грудь ходила ходуном — похоже, Ларт был не одинок в своем недоверии к лифтам и по лестнице девушка все семь этажей тоже пробежала. Только ей пришлось вверх.

— Лишь бы повод нажраться! Мужики...

Ларт, сперва собиравшийся возмутиться и попытаться хотя бы вкратце объяснить подруге, что он сделал уже и что собирается сделать сейчас, а также почему ей самой от этого лучше держаться подальше, вдруг осознал, что сама судьба подсовывает ему идеальный выход. Единственный в своем роде, универсальный. К тому же объяснять — слишком долго, а он буквально кожей чувствовал, как утекают последние минуты, когда еще не поздно.

— Хочу — и пью, — сказал он, подпустив в голос пьяной грусти и еще более нетрезвого пафоса. — И буду. Еще. Ясно?

— Ларт, я тебя в таком состоянии за штурвал не пущу! — попыталась Ринн перегородить ему дорогу к лифту (Ларт все же счел, что в данной ситуации лифт — меньшее зло). Но Ларт, качнувшись сразу в несколько разных сторон с грацией и непредсказуемостью пьяной макаки, легко преодолел это препятствие. И уже в свою очередь перегородил ей дорогу выставленными вперед ладонями — когда Ринн попыталась протиснуться в узкую кабинку вслед за ним. Пояснил с преувеличенной серьезностью и нарочито внятно:

— Ринн, я хочу нажраться. В хлам. В сосиску. В говно. Пока не забуду, какое дерьмо этот мир. Пока сам не стану таким же дерьмом. Пока не забуду об этом. А потом я буду блевать. Долго. Нудно. С чувством. Я не хочу блевать на тебя, Ринн. Не стоит за мной ходить. Обещаю с крыши не прыгать и бластером в ухе не ковырять. Чесна-скаутское.

— Ларт, кончай паясничать! Ты что — сдался? Вот просто так взял и сдался, да?! Не верю! Ларт, ну так же нельзя! Надо что-то придумать! Обязательно надо что-то... Потому что иначе это будет убийство, ты же себе сам потом не простишь, я же тебя знаю! Мы... мы должны что-то придумать, Ларт! Мы обязательно что-нибудь придумаем...

Последнюю часть Ринн протянула с таким сомнением в голосе, что если бы Ларт был киборгом со встроенным детектором — он бы ей точно не поверил. Впрочем, он и так ей не поверил.

— Плевать. И блевать. Чао, Ринн.

— Подожди! Ларт! Я придумаю, слышишь?! Я точно придумаю!

Это звучало куда увереннее, но створки уже сомкнулись.

В любое другое время Ларта бы очень сильно обидела эта замена «мы» на «я», а особенно — возрастание процентного содержания уверенности, вызванное упомянутой заменой терминов (машинный канцелярит, зараза! Ну да, с кем поведешься... какая же он все-таки сволочь этот Сволочь!). А еще больше его обидела бы жалость с легким оттенком презрения, мелькнувшая в глубине ее глаз (неужели ты так плохо меня знаешь, Ринн? Неужели ты действительно так плохо меня знаешь...). В любое другое время — да.

Но сегодня на такую ерунду времени просто не было.

Поверила, что Ларт слабак, пьянчуга и тряпка, достойный лишь презрения? Вот и ладошки. Значит, поверила и в то, что он вовсе не собирается делать ничего такого, во что обязательно надо вмешаться, рискнув как минимум карьерой и свободой, (а может быть даже здоровьем и жизнью, это уж как карты лягут). Она ведь любит возглавлять опасные безобразия, так что пусть лучше верит в то, что тут безобразие ожидается относительно безопасное, просто мерзкое, и присоединяться к нему нет ни малейшего смысла. А уж тем более его возглавлять.

Главное, что сумки она не заметила.

Ларт Рентон

— Я что-нибудь придумаю, слышишь? Я что-нибудь точно придумаю...

Дежавю.

И оттого, что на этот раз ты сам жалко лепечешь эту жалкую чушь, она не становится менее жалкой. Ни на чуть.

— Я обязательно...

Глупо. Жалко. Беспомощно.

И фальшиво.

Настолько фальшиво, что вовсе не надо быть киборгом, чтобы эту фальшивку заметить. Оказывается, когда произносишь ее сам, фальшь слышна ничуть не менее, чем со стороны. Может быть, даже и больше. Хотя ты и старался добавить в голос уверенности, чтобы фраза прозвучала именно так, как должна была.

Ну, можно сказать, что именно так она и прозвучала. Как только и должна была. То есть беспомощно и фальшиво. Ты ждал другого? Ну упс...

Ларт скривился. Хотел сказать еще что-нибудь в том смысле, что ты, мол, не переживай, я ведь обещал, пацан сказал — пацан сделает и все такое. Но побоялся, что прозвучит оно еще более фальшиво, а у этой сволочи детектор. То есть в итоге получится только хуже, ну и зачем тогда?.. Вместо этого шагнул в коридор (тяжелая сумка, качнувшись, больно стукнула по ноге), старательно делая вид, что не замечает, как медленно гаснет что-то в рыжих глазах, вспыхнувшее было, когда он открыл дверь и с кривоватой ухмылкой буркнул:

— Ну привет. Сидишь? А я тут это... ломать тебя пришел!

Желтый сектор. Перевод всей полицейской системы в автономно-закрытый режим для смены паролей подразумевает и временное отключение всех камер. И автоматическую блокировку центрального входа, конечно же. Как и лифта. А вот пожарной лестницы — нет, пожарная лестница проходит по другому ведомству и ее двери не подчиняются центральному компьютеру полицейского управления. Да здравствует бюрократия и разделение сфер ответственности по максимуму!

Осветительные панели в коридоре были отключены, лишь тревожно мигали оранжевые аварийки. И глаза сидевшего на полу под окном киборга тоже сверкнули навстречу Ларту совсем по-кошачьи, почти что желтым, и показалось на секунду... да нет. Конечно же, показалось. Ларт уронил на пол тяжелую сумку, неловко завозился рукой во внутреннем кармане куртки, пытаясь вытащить на свет мигающих аварийек угловатую плоскую коробку, которая так и норовила зацепиться за все, что только можно, всем, чем только можно.

Дежавю началось уже тогда — рыжеглазый киборг сидел в том самом месте, где и в прошлые разы, на коврике между подоконной стенкой и Лартовым столом, причем сидел в слишком уж знакомой позе, разве что руки к низу живота не прижимал. А так — даже выражение лица было точно таким же. То есть никаким, как и положено хорошему киборгу. И хотелось завопить в преувеличенном ужасе, картинно хватаясь обеими руками за голову: «Что, опять?!» — и чтобы он почти беззвучно хихикнул в ответ, отмечая удачную шутку. Или

хотя бы ухмыльнулся, кривовато и ехидно, как он это умеет...

— Я, конечно, не хакер. — Ларт хмыканьем прикрыл непонятное самому то ли раздражение, то ли смущение. — Но один очень умный человек, который сделал эту штуку, — коробочка очень кстати как раз перестала сопротивляться и была извлечена, — и дал мне на всякий экстренный случай, ну мало ли чего в жизни пригодиться может... Так вот она... то есть он сказал, что с нею способен справиться даже такой жопорукий придурок, как... ну то есть... э-э-э... рядовой полицейский при исполнении, а уж начальник участка тем более. Это стандартная крякалка, фомка кибервора, хоть и слегка усовершенствованная, как же без этого. А среди киберворов мало эйнштейнов, иначе мы бы их в таком количестве не ловили. Тут все просто. Ну, вроде бы, теоретически просто, так-то я не пробовал. Случая не было. Достаточно впихнуть че надо в куда надо, вбить в строку хозяина нужное имя... ну, в твоём случае, полагаю, это будут пробелы, умный человек хоть и умный, но никак не мог предполагать, что мне понадобится не украсть, а... Ну, короче, вот эта сумка — она тебе. Там карточка на предъявителя, документы и кое-какие шмотки. Документы чистые, не думай. Только перед тем как удрать, ты это... ну, короче, ты ударишь меня по башке, только постарайся обеспечить мне красивый фингал, а не инвалидность на всю оставшуюся, лады? А дальше шуруй по пожарной лестнице, я дверь кирпичом подпер. И эту штуку потеряй где-нибудь так, чтобы ее точно нашли, но лучше сначала сломай, пусть думают, что потому и выбросили. Шито, конечно, белыми нитками, но если проверки другим кибером не устроят, может и прокатить. Ну а нет, так... не твоя, короче, уже забота. Ты, главное, потом вали подальше и ныкайся получше. А то обидно будет. Ну чего сидишь, как неживой? Не понял, что ли? Мне нужен твой чип.

29 Проблемы человеческой иерархии

Бонд по имени Сволочь

— Я что-нибудь придумаю. Слышишь? Я обязательно что-нибудь придумаю.

Ларри врал.

И Ларри знал, что врет. С точностью 86 %.

Он знал, что ничего не сможет придумать. Не хотел с этим мириться, злился, расстраивался. Хороший человек Ларри. Пришел все-таки, попытался. Но ничего не смог поделаться. Ирония судьбы — хороший человек Ларри не может ничего сделать только потому, что его подчиненные тоже оказались хорошими людьми. Смешно. Наверное.

Только вот приказа своего начальника хороший человек Ларри так и не отменил...

Сегодня Сволочьуже несколько раз отказывался верить собственным рецепторам. Сначала ушам — знакомые шаги в коридоре, узнаваемые, но этого ведь не может быть, ведь не может же, правда?.. Потом глазам. Потом снова ушам — Ларри? Ломать его? Зачем? Ему ведь достаточно было просто отменить чужой приказ...

Следующей подверглась сомнению и переосмыслению вся прежняя аналитическая система, Сволочь покончил с нею за несколько мгновений до вопроса о чипе. И даже успел предугадать этот вопрос. Шести секунд вполне хватило, чтобы пережить удар и ответить совершенно спокойно, даже не прячась за программу. В конце концов, это еще не было полным крахом, и даже не потому, что Селд вполне был способен добраться до другого континента и найти там нужного человека за оставшиеся часы. Просто Ларри — пришел. Он был здесь. Рядом. И ему достаточно было просто отдать новый приказ...

Но он этого так и не сделал.

Даже скорее наоборот — очень четко сформулировал очередность событийного ряда: возможность и необходимость уйти и скрываться после взлома. Потом. Не раньше. А раз нет никакого взлома — то нет и этого «потом». И, значит, никакой возможности уйти нет тоже. Ничего нет. Из цепочки-лестницы последовательных действий-ступенек вынут базовый элемент, разрушен фундамент, на который она опиралась. И как результат — рушится и сама лестница, а у Ларри становятся совсем большие глаза. Хороший человек Ларри.

Поначалу Сволочь снова завис, система отказывалась приниматься за анализ, утверждала, что недостаточно вводной информации. Пришлось подключить архивную базу, тот сектор, где хранилась информация по психологии, причем не только человеческой. Система попыталась уйти в завис — на этот раз от переизбытка лавинообразно поступающих данных. Но Сволочь бдиль, кое-что сдублировал, кое-где перенаправил потоки, остальное просеял сквозь нужные фильтры.

Через несколько довольно неприятных секунд интенсивного перебора вариантов аналитическая система выдала результат, чей приоритет вероятности оказался на несколько порядков выше прочих (человек бы сказал, что его озарила единственно верная догадка, но киборг скептически относился к озарениям всякого рода) — иерархический этикет. Жестко закрепленные нормы поведения и субординации, принятые в определенном социуме и могущие со стороны показаться нелепыми и/или странными, но внутри социума соблюдаемые неукоснительно и по умолчанию и не подлежащие ни критике, ни сомнению.

Ларри был ничуть не более свободен, чем сам бонд. Он точно так же не мог нарушить прямого приказа вышестоящего должностного лица, как и сам киборг — лица с правом управления. И что с того, что держали его не жесткие кандалы внутренних имплантатов, а незримые глазу цепи условностей и общепринятых правил? Эти оковы ничуть не менее жестки и неумолимы. Приказ вышестоящего по должности офицера не может быть нарушен напрямую.

Точно так же, как и сам Сволочь, Ларри мог (и пытался!) этот приказ обойти. Обмануть. Найти лазейку, взломать, интерпретировать неверно. Но только не нарушить напрямую. Не отменить, перекрывая собственным. Он просто не мог сделать этого по отношению к приказу вышестоящего офицера.

Механизмы общепринятых морально-этических норм действенны и безжалостны. Последняя роковая неудача Сволоча (тогда еще даже не Сволоча, если уж на то пошло) на Хиросиме-5 была напрямую с ними связана. Он должен был вытащить оттуда гениального генного инженера-конструктора, родившегося в неподходящем клане и потому в должности клерка шестого разряда отвечающего за архивацию документов в провинциальной конторе. Вечерами он делал своим детям домашних любимцев — буквально на коленке, при помощи школьного биоконструктора, двух планшетов и крохотного репликатора. Сволочь не имел понятия, как об этом узнали заказчики, но питомцы произвели на них достаточное впечатление, чтобы раскошелиться на целого кибер-шпиона элитной линейки. Они хотели гарантий.

Сволочь нашел гения. Провел осторожную вербовку, договорился об условиях, подготовил пути отхода — как основной, так и два дополнительных на всякий случай, если возникнут осложнения. Уже были куплены билеты — и на них с конструктором, и на всю его многочисленную семью, которую должны были вывозить другие. Сволочь находился рядом. Охранял. Старался пресечь малейшую вероятную опасность. Двух вторых заместителей отдела утилизации отходов и их полусутоливый спор (речь шла о преимуществах и недостатках разных видов соевого сыра) он за такую не принял. А потом стало слишком поздно.

Заместители так и не сумели прийти к согласию и обратились за разрешением их спора к первому встречному. Им оказался подопечный Сволоча. Клерк шестого уровня не мог принять сторону одного из вышестоящих, тем самым обидев второго. Он попросил десять минут на раздумье, уединился в мужской комнате, куда и шел до того, как его окликнули. И сделал себе харакири при помощи лезвия от канцелярского ножа.

Сволоча подвело то, что до самого последнего мига, когда стало уже слишком поздно, подопечный оставался совершенно спокойным. Пульс, давление, потоотделение, частота дыхания — киборг непрерывно сканировал его биометрию, но все оставалось в норме. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — ведь для того человека не происходило ничего экстраординарного. Все шло так, как должно было идти, он отлично знал, что в любой миг любого дня такое могло случиться. Оно случилось сегодня. Судьба.

Хорошо, что здесь не Хиросима-5, а то Ларри, пожалуй, мог бы действительно отменить приказ. С такой же спокойной миной, невозмутимый и уверенный как в том, что делает, так и в том, что должен будет сделать после. И Сволочь, обрадованный свободой, ничего бы не сообразил. Пока не стало бы слишком поздно. Хорошо, что Ларри не с Хиросимы. На Ферне все проще и рядовой состав вовсе не обязан проявлять излишний пиетет перед приказами даже непосредственного начальства. Ларри — умница, он оставил своим подчиненным руки

развязанными, так ничего и не приказав.

Интересно, над другим континентом уже вошло солнце?..

Дживс Вустер

Кровь.

Запах паленой резины и кровь. Горячая, липкая. Она повсюду. На белом бесформенном месиве спасательной пены. На руках. На черной коже обивки (она не видна на черном, но пальцы липнут). На лице тоже, кажется. Коркой. Засохла. Больно. Губы склеились.

На растрескавшемся лобовом стекле тоже кровь — солнце светит сквозь прозрачную алую мозаику круглым злым стоп-сигналом. Словно пытается предупредить. Словно не понимает, что поздно. Поздно?.. Сколько времени? Часы разбиты. Солнце высоко. Но здесь это ничего не значит, здесь другой пояс...

Пояс.

Да.

С коротким полустоном-полувыдохом Дживс отдирает голову от защитного подголовника. Разгребает белое упругое месиво, на ощупь дотягивается до пряжки ремня безопасности. Щелчок. Давление на грудь-живот-бедро слабеет. Можно шевелиться. Ну, хотя бы пытаться. Пузырьки спас-пены лопаются, сопровождая еле слышным многократным шелестящим «шпок-шпок-шпок» любое движение. Судя по тому, что пена успела потерять монолитность и прочность, он провалялся в отключке не менее получаса. Но вряд ли многим более, иначе она если и не растворилась полностью, то сползла бы куда сильнее, попутно расщепляясь до ионизированной жижицы.

Шевелиться больно и трудно. Липкие пальцы скользят по ручке с нижней стороны подлокотника. Соскальзывают. Раз, другой. Наконец удается ее отжать, и защитный колпак начинает подниматься — рывками, с ужасающим скрежетом. Надо же. Дживс почти не надеялся, что автоматика сработает после такого удара. Хорошая все же машинка. Надежная, крепкая...

Была.

До встречи с той гребаной вороной.

Повезло. Хорошие амортизаторы. И хороший пилот. Рухнуть с такой высоты и на такой скорости и отделаться разбитым носом... Не повезло — хороший пилот. Слишком хороший. Такой не унизится до передачи управления программе. И не станет включать силовой щит в атмосфере — такой щит на всех высотах ниже орбитальных ухудшает аэродинамику и снижает скорость...

Колпак замирает, не поднявшись и наполовину. Скрежет, хруст. Запах паленой резины усиливается. Спас-пена течет наружу подтаявшим мороженым. Пломбир, местами заляпанный клюквенным сиропом. Сиروпа не пожалели. Руки двигаются сами в стандартном протоколе поставарийной самопроверки. Переломов основных костей вроде бы нет, хотя нагибаться и шевелить плечами больно, но это все же скорее сильный ушиб (или даже трещина) одного или двух ребер справа, вряд ли перелом, иначе бы вообще не согнулся. Или не разогнулся. Существенных ран тоже нет, так, царапины. А общая паршивость самоощущений — скорее всего, следствие контузии или того, что надыхался этой паленой дрянью. Вроде бы не тошнит. И, значит, сотрясения мозга не было. Уже хорошо.

Успев подумать об этом, в следующую секунду Дживс еле успел перегнуться через

бортик, прежде чем его вывернуло. Ну вот. Значит, все-таки сотрясение. Паршиво. Особенно когда дышать можно только ртом. Потому что разбитый нос распух и заложен напрочь. Но тоже вроде не сломан, хотя и болит, зараза, покруче ребер и головы. Это что, из него столько натекло, что ли? Да быть не может.

Селд...

Байк рухнул хотя и жестко, но относительно ровно, лишь слегка завалившись на правый бок. Вылезти с этой стороны получилось проще, хотя и пришлось нагнуться (колпак так и не раскрылся до конца). А потом стоять, вцепившись в наклонившуюся спинку переднего сиденья. Вернее, буквально висеть на ней в ожидании, когда же мир вокруг перестанет вращаться.

— Эй... Ты ж-живой?

Голос тоже весь в трещинах, как и защитный колпак кабины.

— Н-н-нь дждёшьсь...

Облегчение. Такое острое, что становится трудно дышать. Или это все-таки дают знать о себе сломанные ребра? Селд завозился на переднем сиденье, невнятно матерясь и шипя сквозь зубы. Вывалился, чуть не сбив Дживса с ног и обдав остатками пены. Отковылял к поваленному дереву метрах в пяти, сел на ствол. Ощупал лицо, зашипел и снова начал материться — по-прежнему не разжимая зубов.

Дживс выдернул навигатор из крепления, после чего рискнул выпустить спинку сиденья и присоединиться к Селду. Ствол слегка пружинил на упирившихся в землю ветках-распорках, но в целом сидеть было удобно. Дерево, похоже, упало не так уж и давно, уцелели многие ветки, не позволяя ему лечь на землю, и это тоже было удобно. Навигатор работал. Черный противометеоритный футляр с изящными золотыми виньетками в виде буковок RZ. Еще бы он не работал.

Двести пятьдесят два километра до цели. Двести пятьдесят два сраных километра из пяти с лишним тысяч. И чуть меньше трех часов, за которые их надо преодолеть. Это даже не смешно. Это...

— Надо уходить. Вдруг рванет?

— Эт-т с-мшно! Н-нь рвнет. Эт-ж чрный дркон! Трйняя грантйя.

— Язык прикусил?

— Члюсть слмл, кжтся... Гребнйя чйк!

— Ты уверен, что чайка? Мне показалось, ворона...

О чем мы? Чайка, ворона — какая, в сущности, разница...

— Рехнлс? Ккие врны нд кеанм?! Дъ и ккйя в сщности рзниц...

Ну да. Никакой. Дживс помнил статистику — каждый год две-три такие аварии. Две-три! Не более. На Ферне не так уж много птиц...

Не повезло.

Дживс переключил навигатор в режим комма, ввел свой личный пароль. Двенадцать пропущенных вызовов. Все от Ларта. Сброс. Сейчас не до того. Нужный номер он помнил наизусть. Ноембер Чарли и координаты. Даже если отследят — ни черта криминального. Просто сообщение об аварии, каких много. Остается надеяться, что принимающая сторона как минимум не спит, а как максимум — сможет что-то сделать.

Ответ пришел почти сразу. Такой же лаконичный — координаты и время. Дживс снова переключил комм в режим навигатора. Поднялся, прикидывая, не отломить ли какую ветку понадежнее в качестве посоха. Но решил, что возможное удобство в будущем не стоит

обязательной траты времени и сил в настоящем.

— Пошли.

— Куда?

— К шоссе. Там нас будут ждать. Вставай. У нас менее трех часов на девять километров по пересеченной местности.

Ларт Рентон

— Абонент не отвечает или находится вне зоны покрытия сети. Благодарим вас за то, что пользуетесь услугами нашего оператора. Вы можете подключить недельное тестирование услуги «прозвон» или оставить голосовое сообщение после третьего сигнала...

Ларт нажал отбой. Даже если оба эти обуреваемые благими намерениями и избыточным энтузиазмом придурка (ох, их бы энергию да в мирных целях! город осветить можно было бы наверняка!) свои рабочие коммы и не оставили где-то в конторе (а с них станется, параноики хреновы!) или по дороге не выбросили (а вот это уже вряд ли, за служебный инвентарь потом отчитываться, шеф три шкуры спустит), то сейчас они уже действительно вне зоны покрытия. На полицейских коммах стоит жесткий блок — никакой работы в роуминге, никаких спутников. Только локалка, только внутригородская полицейская сеть.

Оставлять сообщение бесполезно — они его прослушают, только когда вернутся. А тогда уже Ларт и сам им выскажет все, что думает об излишне инициативных и деятельных подчиненных, гадящих на начальственную малину и спускающих в канализацию тщательно продуманные и уже почти что реализованные планы. Лично выскажет. Возможно, даже с применением аргументов физического характера, для большей доходчивости. Нет, ну надо же быть такими придурками, просто зла не хватает! А все почему? Да потому, что некоторые слишком много себе думают. И себе, и о себе! Вместо того чтобы спокойно поговорить, как и пристало нормальным умным взрослым людям. Словами через рот! Все обсудить, прийти к консенсусу... Игры в песочнице, вашу ж мать! Непримируемая борьба за совочек.

Ларт сплюнул горчащий окурок. Смял пустую пачку. Надо же, и когда успели кончиться? Не заметил. Во рту было гадостно. Почти так же, как и на душе. Потому что если кому тут и надо что объяснять с применением фрагментарного рукоприкладства к начальственной морде, так это самому Ларту. Потому что если тут кто и виноват — так это ты, Ларри. Ты и только ты. Во всем.

Ибо начальник. Значит, в ответе. Мог бы и сам, между прочим, психа вчера не праздновать, и не метаться потом, как очень хорошо все продумавшая и просчитавшая ошпаренная кошка. Просто взять этих двоих оболтусов за шкирятники, уволочь хотя бы в курилку и там и поговорить, если в кабинете тебе тошно это делать было под немигающим рыжим взглядом. А впрочем, почему двоих? Трех волоочь надо было. И эту рыжеглазую сволочь в первую очередь, и похрен, что он не курит. Кофе бы подержал, скотина. Кофе-то он пьет.

И договорились бы обо всем. И устроили бы все — вместе. И тревогу бы желтую раньше запустили, если — втроем-то. Так ведь нет же... Одному хотелось героем побыть, да, Ларри? Типа один ты тут такой весь в белом, зорро-немовый защитник униженных и оскорбленных, а остальные просто так, погулять вышли. Ты ведь о них даже и не вспомнил, если честно, ведь правда, Ларри? Ты ведь уверен был, что они просто пойдут домой. Может быть, напьются. Но останутся в стороне. И не пострадают, если вдруг тебе не повезет. Ты типа как лучше хотел, уверен в этом был, что так будет лучше. Что один, мол, справишься. А они все будут тихо-мирно стоять в сторонке и дожидаться.

Ты ведь именно так где-то краем сознания и думал, правда, Ларри? Что они просто уйдут. По домам. Или в бар. После такого. И будут просто ждать. Сам, между прочим, не смог, а они — уйдут. И ведь ни на секунду даже стыдно не было за мысли такие. Что ж ты так плохо о людях-то думаешь, Ларри? О своих, между прочим, людях...

Не удивляйся тогда, что преподносят они тебе сюрпризы, от которых горчит во рту, словно от подмокшего табака.

Но главная твоя вина даже не в этом, Ларри. И ты и сам отлично это знаешь. И старательно прячешь ее за более мелкими, обычными, почти извинительными маленькими полувинками. Человеческими и вполне простительными такими. Потому что ту, главную, простить нельзя.

Ты трус, Ларри.

Ты просто струсил. В тот, самый первый день, когда в ваш участок привели нового кибера с приметными глазами цвета ячменного пива. Ты мог настоять на том, чтобы хозяином первого уровня прописали именно тебя, как положено по инструкции для полевых командиров. Ты мог бы наплевать на вежливость и субординацию и потребовать выполнения правил. В законе прописано — выньте и положьте! И срать на намеки шефа, что так типа лучше всем, если новый кибер будет записан лично на него.

Не лучше. Уставы писаны кровью.

Как бы сейчас все было просто, если бы ты тогда настоял! Но ты не стал. Не захотел связываться, спорить, идти на принцип, дразнить гусей и настаивать. Подумал — а ну и ладно, чего там. Пусть. Решил, что и так сойдет. Не стоит играть с огнем. Работе ведь не особо мешает, а это главное...

Так вот — не сошло, Ларри. Не сошло.

И самое паскудное, Ларри, что за твою трусость (за твою ошибку! опять!) наказан снова не ты и умирать придется опять-таки не тебе.

Да, все еще может обойтись. Ребята вполне могут успеть. Если Маньячина получит чип хотя бы за полчаса до прилета гардистов — за Сволочь можно не волноваться. Умелым и шустрым пальчикам Маньячины (тем более что в последнее время их еще и двойной комплект, ну да, годы идут, растем, братушки!) Ларри, не задумываясь, доверил бы собственную жизнь.

Ребята действительно могут успеть. И Маньячина справится. Да и Ринн вроде как что-то там обещала придумать, помнится, а она тоже слов на ветер обычно не бросает. Да, у них у всех может все получиться. Только это ровным счетом ничего не значит.

Потому что это — изначально твоя ошибка, Ларри.

А значит. и расхлебывать тоже тебе.

Выбросив пустую пачку, Ларт захлопнул колпак флаера и аккуратно поднял машину со стоянки. Это была не его машина, и к тому же она совершенно не годилась для того, что он задумал: слишком легкая. Ничего, в Новобокайде полно неохраняемых стоянок, а времени до девяти достаточно. Ларт был уверен, что найдет то, что надо. Обязательно найдет.

Иначе и быть не могло.

Бонд по имени Сволочь

Надежда — паршивая штука, она делает слабым и жалким. Когда ее нет, жить

становится намного проще. Умирать тоже. Это ли не высший апофеоз свободы, когда тебе больше нечего терять и не на что надеяться? Не надо надеяться. Ни на что. Никогда. Надежда ничего не дает, зато отнимает слишком много, лишает сил и спокойствия, лишает холодной уверенности.

Лишает гордости.

Не надо надеяться. Случилось что-то хорошее? Отлично. Не случилось? Нормально. Если ты не надеялся, что оно случится, не ждал — ты и не огорчишься. Пытка надеждой — одна из самых страшных, на ней ломаются многие. Люди, конечно же. Люди. Киборги слишком расчетливы для надежды.

Сволочь повторял себе это снова и снова. Да, никто не спорит, примерять на себя человеческие маски бывает приятно и интересно. Но глупо заигрываться слишком всерьез, танцевать на граблях и попадаться на свойственные людям эмоции и стереотипы. Особенно на такие, о существовании и всей вредности которых ты отлично осведомлен. И о том, к чему они приводят — тоже. Глупо и так по-человечески нерационально.

Однако надежда жила — где-то глубоко внутри. Крохотная, почти невесомая, но все же живая, теплая, дышащая. Трогала тонкими лапками оголенные нервы, заставляя сердце стучать с перебоями. Расправляла тонкие крылышки, щекотала ими горло изнутри — так, что все время хотелось откашляться. Мерзкая штука она, эта надежда.

Надежда жила, когда двое людей вот тут рядом говорили о небывалом, как о чем-то, само собой разумеющемся. Слово иначе и быть не могло. И искренность была под дых, потому что была под сотку. У обоих. Они действительно не понимали — а что в такого в том, чтобы нарушить закон и помочь киборгу? Оба. Для них это было так же естественно, как дышать — никто ведь не задумывается о том, стоит ли делать следующий вдох? А потом один из них сказал: «Ты только глупостей не наделай!» — и они оба шагнули за дверь...

А надежда осталась.

Надежда жила, когда Сволочь стоял у окна, положив ладони на подоконник, и высмеивал сам себя. За эту самую надежду и высмеивал — глупую, нерациональную, ни на чем совершенно не основанную. Весь предыдущий опыт подсказывал (да что там подсказывал — в голос орал!), что надеяться не на что. Глупо. Нерационально. Люди лгут. Даже когда сами себе верят.

Ну что они смогут, эти двое? Даже если они и не ввали.

Ладно, ладно! Они не ввали, глупо обманывать собственный детектор, они были искренни более чем на восемьдесят процентов каждый. Причем при суммировании почему-то получалось не сто шестьдесят из двухсот, как Сволочь предполагал изначально и как было бы вполне логично, а сто восемьдесят из все тех же двухсот.

И он несколько миллисекунд не мог сообразить, в чем тут подвох. А потом до него дошло.

Двадцать процентов. Максимальная погрешность восприятия. Он сам ее выставил, не собираясь играть в поддавки и давать глупой надежде лишнего шанса. Они были целиком и полностью на его совести, эти двадцать процентов, и суммирование доказало это как нельзя лучше. То самое суммирование, которое он сделал, когда перестала помогать мантра об отсутствии надежды и смысла, на грани веселой истерики сделал, исключительно чтобы лишней раз доказать самому себе собственную же правоту и неправоту этой глупой надежды.

Доказал, называется...

Надежда жила. Даже когда ушел Ларри. Потому что Ларри не виноват — он пытался. Искренне пытался. И искренне же расстроился, когда не получилось.

Надежда жила, когда на дом напротив легли первые солнечные лучи, загудел лифт и на этаже начали хлопать двери. Зарычала кофемашина, перекрыв звонкое хихиканье секретарши и ломающийся басок кого-то из оперов. Надежда жила.

А потом по стене дома напротив неторопливо скользнула изломанная рельефом архитектурных украшений тень, знакомая такая тень с характерным изгибом заостренных крыльев — над крышей их высоты разворачивался, заходя на посадку, флаер «АванGARDa».

Надежда пискнула и умерла...

Дживс Вустер и Селд Рамштайн

Таймер пискнул в тот самый миг, когда Дживс увидел дорогу. Вернее, когда он вдруг понял, что вот этот просвет меж стволами паскудных соснянок, надоевших за это утро по самое «не могу», — это она и есть, трасса, на которой их уже должны ждать. Навигатор показывал около полукилометра до цели, и последние сорок минут кружочек мигал синим — хакер приехал вовремя, как и обещал. Это они подзадержались. Кто же знал, что не стоило соваться напрямую в тот бурелом? А потом еще то болото...

До чего же мерзкий звук у этого таймера. Аж до тошноты. Дживс не сбился с шага, равномерно чавкая ботинками по пружинистой грязи, даже не вздрогнул, поморщился только, придавливая назойливый приборчик в кармане, словно доставучего комара. Дживс не помнил, сколько раз переставлял время на навороченном черно-золотом гаджете. Час на то, чтобы взломать коды подчинения... а не жирно ли это суперхакеру? Справится и за сорок... ладно, за тридцать минут. За двадцать. Должен. Да что он за хакер, если ему окажется недостаточно четверти часа?! Те же самые мысли касались и Сволоча. По кругу, сужая спираль с каждым витком. В конце концов, какой он элитный кибер, если не успеет скрыться за...

Потом Дживс старательно перестал думать о том, сколько минут (секунд?) может понадобиться боевому киборгу на безопасное стратегическое отступление за пределы полицейского участка. Потом вообще перестал думать. О чем бы то ни было. Кроме необходимости переставлять ноги как можно быстрее и при этом стараться не задевать молодые тонкие стволы, поскольку ему вовсе не улыбалось получить по макушке увесистой шишкой. Их размеры у соснянок от возраста не зависели. А вот скорость реакции — очень даже.

Сейчас на таймере было ровно девять. Дживсу не надо было доставать его из кармана, чтобы убедиться. Он знал. Он сам ставил это последнее время. Последний срок. Граничный. Как финальная напоминалка.

Все.

Не успели.

— Не успели! Твою же мать! — Селд рухнул на колени прямо в грязь, ударил кулаком по ближайшему довольно толстому стволу — раз, другой, сбивая солидный пласт коры, пористой, черной, мокрой. Удары получались глухими, словно в тугую подушку. Начал материться — безадресно, бессмысленно, безостановочно. Сверху упала шишка, но в Селда не попала даже и близко, чвакнула в прикорневой бочажок. Соснянки не любили, когда их лупили чем ни попадя по основанию ствола, но особой точностью не отличались. Не то что грелли. Но грелль, пожалуй, поостерегся бы лупить даже Селд.

От того болота, сквозь которое пришлось с таким трудом продираться, была одна польза — а может, и вред, это как посмотреть, конечно. Несколько раз подряд булькнувший в промоины чуть ли не с головой (а иногда и с нею) Селд так матерился, что вывихнутая челюсть сама собой встала на место, позволяя ему теперь материться куда разнообразнее и намного более внятно.

Дживс остановился рядом, переводя дыхание. Оперся о ствол — тоже соснянка. Но раза

в три толще, а значит, и реагировать будет медленнее. К тому же он и не лупит — так, прислонился, давление минимальное, повреждение коры отсутствует. Можно вполне безопасно чуток отдохнуть — три-четыре вдоха, вполне достаточно.

— Пошли. Что расселся.

— Куда?! — Селд прекратил тоскливо материться и запрокинул лицо, грязное и искаженное отчаяньем. — Ты что, ни хрена не понял?! Все кончено! На хрен! Мы опоздали! У нас был шанс! А мы его просрали! Ларт на нас надеялся, и он... А мы... Слышишь, ты хренов ублюдок, мы опоздали! Они забрали его! Эти хреновы суки... Забрали, слышишь?! И мы ни хрена...

— Кончай истерить. Еще никто никого не забрал. Никуда. У нас есть время. Пока есть.

— Какое сучье время?! Девять! Я не глухой нахрен! Эти сучьи твари уже там! И мы ничего... как последние... Они...

— Они только прилетели. Только что. Пока оформят бумаги. Пока подпишут. Бухгалтерия. Архив. Шеф. Передача прав. Акты списания. Передача на баланс. До офиса — тоже время. И там... Его же не сразу ликвидируют. Сначала — стенд. Испытания. Тоже время. Наше время. Со взломанными кодами он уйдет. Сможет. В любой момент. Даже со стенда.

— А если... — спросил Селд после короткой паузы совсем другим тоном. Но не договорил. Глянул только быстро — и тут же отвел взгляд. Он все-таки был хорошим копом, Селд. А если бы произнес до конца тот вопрос, который поторопился задать, не подумав, — то не смог бы уже таковым оставаться. Хотя бы в собственных глазах, остальные-то все равно вряд ли узнают, да только это неважно. Главное, что сам ты об этом будешь знать. Всегда главное.

А вот если бы этот вопрос не пришел Селду в голову первым по умолчанию (потому что а как же иначе-то?) — он вообще не мог бы считаться хорошим копом. Ни в своих глазах, ни в глазах Дживса или Ларта, а что там по этому поводу думает Шеф — никому из них было не интересно.

— Вставай. Пошли.

Офис «АванGARDa» — не военная база. Киборг с тем боевым опытом, что имелся : Сволоча, уйдет оттуда влегкую. Особенно — если не будет стараться избегать так называемых сопутствующих потерь. И оставалось только уповать на то, что у этой конкретной взятой за шкуру сволочи всегда было довольно странное и нетипичное для киборга предубеждение против этих самых потерь. Даже во время боя. Даже среди лиц, и отдаленно не подпадающих под категорию охраняемых объектов. В конце концов, он тоже был хорошим копом...

Был. И будет.

Дживс оттолкнулся от ствола, выдрал ногу из грязи (стоило остановиться — как начинало засасывать). Пошел в сторону просвета между деревьями. Жаль, что сразу не выломал палку, было бы удобнее. А сейчас уже смысла нет. Потому что вот она, дорога. И фургончик, явно не просто так помигивающий фарами у обочины.

33. Время X (или Те же и Гарик)

Те же и Гарик

Двери лифта с шипеньем втянулись в пазы, и Гарик шагнул в холл десятого этажа, с вялой небрежностью отмахнувшись жетоном «АванGARDa» в сторону поста дежурного оперативника. В центральном полицейском участке Новобокайды Гарику ранее бывать не доводилось, но ни спрашивать дорогу, ни даже просто осматриваться он не стал. Умному человеку подобные глупости ни к чему, а Гарик был очень умным. Планировка у таких учреждений стандартная, тот, кто видел один полицейский участок, видел их все. Чего тут рассматривать? Чахлые пыльные фикускании по углам? Жалкую доску почета «лучший коп недели-месяца-года»? Жалкую стенгазетку с убогими шуточками про коллег и осторожными — про начальство?

Скука.

Люди вообще по большей части оказывались скучны и убоги, стоило познакомиться с любым из них чуть ближе простого «привет-как-дела». Работать с ними было неинтересно до оскомины, общаться противно, соперничать глупо. Ну какие из них соперники? Детский садик, штаны на лямках. Возня в песочнице на предмет чьи куличики лучше.

Собственно, именно в детском саду Гарик и понял впервые, насколько смешны и глупы люди в целом и его сверстники в частности — когда пытался объяснить согруппнику, которого по неизжитой тогда еще детской наивности и вере в лучшее почитал если и не другом, то хотя бы приятелем принцип работы радиоуправляемого флаера.

Гарику тогда было чуть больше трех, его другу, чье имя он уже не помнил, — почти четыре. Но этот так называемый друг, хоть и был старше, но так и не смог совместить в своем убогом мозгу игрушку и управляющий ею планшет. Несмотря на то, что Гарик ничего не говорил ни о компенсаторе гравитации, ни об электрических цепях или электромагнитном диполе — только о джойстике, которым можно было направлять модель в разные стороны, и кнопке, интенсивностью и глубиной нажатия на которую регулировались высота и скорость полета. Гарик уже тогда понимал, что люди глупы. Просто еще не понимал: насколько.

Друг внимательно выслушал подробнейшую инструкцию, сурово супя светлые бровки, потом взял флаер за крышу всей пятерней и, игнорируя планшет, повез машинку сначала по полу, потом по стене, сопровождая это действие ритмичными подвываниями «вжжжиу-вжжжиу», долженствующими изображать звук мотора.

Вот тогда-то ошеломленный Гарик и понял, что люди — идиоты. А еще через некоторое время убедился, что это состояние не проходит с возрастом. И продолжал с мрачным удовлетворением убеждаться снова и снова на всем протяжении своей жизни.

Киборги, особенно те, что переставали подчиняться программе, — дело совсем другое, они таили в себе множество неожиданностей и сюрпризов. Работа с таким богатым материалом стимулировала творческий подход, будила любопытство и могла доставить массу дополнительного удовольствия человеку, понимающему кое в чем толк и имеющему определенные склонности, — а Гарик был именно из таких. Работать с киборгами Гарику нравилось. Очень.

Во-первых, к поисковому исследовательскому азарту добавляется адреналин: стоит чуть не уследить или дать немножечко нечеткий приказ — и все, пиши пропало, весь кайф мимо,

кишки развешаны по люстрам, тарам-тарам и вновь тарам, и два прекрасных тона мы видим под балконом: на сером красное, смесь мозга и бетона. Приятное зрелище разве что для художника-абстракциониста, для кибернета же обида и облом по всем статьям. Когда еще в следующий раз попадется такая лакомая няша, настоящий неуправляемый кибер шпионской линейки? Не какой-то там вшивый толстокожий шварц, до которого хрен достучишься без монтировки, не занюханный брюсик — настоящая элита. Ну конфетка же просто, аж штекера чешутся!

Ай, какая конфетка...

33-1. Те же и Гарик — снова

Те же и Гарик,
Продолжение

Но этим первым вкусами не кончаются! Есть ведь еще и во-вторых. А иногда и в-третьих. и вообще много чего вкусного и приятного можно ожидать от пошедших вразнос киберов.

Например, сопротивление.

Шагнувшие за грань программы всегда сопротивляются. Всегда! Даже когда понимают, что бесполезно. Даже когда убеждаются, что нет смысла и сопротивлением только делают себе же хуже и больнее. Все равно. Мечутся до последнего, ищут лазейку. Даже когда им все-все-все уже объяснишь тысячу раз, хотя вроде бы и с первого понять и запомнить должны были. Не люди, чай! Причем искренне объяснишь, Гарик интересовался процентами искренности каждый раз — и каждый же раз убеждался, что очень-таки даже, редко когда ниже 80 %, можно вполне заслуженно гордиться своей честностью.

И каждый раз искренне радоваться тому, что киборги ему все равно не верили.

Это делало игру на порядок интереснее.

Со стороны людей подобное поведение было бы еще одним подтверждением присущей всем представителям рода человеческого махровой и неистребимой глупости. Что само по себе скучно и неинтересно. Со стороны киборгов же это гарантировало несколько приятных часов активной борьбы. С неизбежной, конечно же, победой Гарика в финале. Но зато какой вкусной борьбы! Без такой даже и победа не в кайф.

О, как же Гарик любил эти моменты — когда до очередного глюкнутого кибера наконец-то доходила истина и он понимал, до печенок своих кибернетических, до мозжечка, до копчика понимал — что Гарик был прав. И все теперь будет именно так, как им, Гариком, было сказано. И никак иначе. И никаких лазеек. Никаких уверток. Баста, карапузики!

Гейм овер.

О, как меняются у них в этот момент лица! Как идет трещинами маска правильного манекена, как разлетается вдребезги стекло застывшего взгляда, их же самих и рая до крови и боли (в чушь, что киборги ее не чувствуют, пусть идиоты верят, но Гарик-то не идиот, Гарик знает!), и проступает живое, обнаженное, незащитное, настоящее... О-о-о, да, как же Гарик обожал этот момент, этот запредельный кайф высшего порядка! Видеть такое раз за разом лицом к лицу, буквально кожей чувствовать, выпитывать, проникаться. И знать, что это твоя заслуга. Только твоя. Целиком и полностью. Острейшее наслаждение, которое не способны доставить ни женщины, ни наркотики — Гарик пробовал и тех и других, но только лишней раз убедился, что никакого сравнения.

Именно за такие чудные мгновенья Гарик и любил свою работу настолько, что даже брал ее на дом, сверхурочно, безо всяких дополнительных оплат. Более того — стремился найти ее где только можно. Эту самую дополнительную и бесплатную подработку. Ибо вознаграждение за нее получал сполна и самой драгоценной в этом мире валютой — острым, чистым, ничем не замутненным наслаждением.

Но люди не были бы людьми, если бы на пути к этому наслаждению не ставили Гарика

палки в колеса своей вечной и неизбывной глупостью. Вот как сейчас, например...

— А я в третий раз вынужден вам повторить, что для официального оформления даже временной принадлежности оборудования необходимо очное присутствие и нахождение в непосредственном зрительном и/или сетевом контакте с оборудованием обоих хозяев первого порядка — как нынешнего правообладателя, передающего все без исключения права управления оборудованием новому лицу, так и будущего правополучателя, их принимающего. Лишь при полном и неукоснительном соблюдении этих условий возможна передача оборудования новому лицу с последующей компенсацией передающей стороне. — Гарик демонстративно почти подавил зевок и продолжил тягуче, лениво и занудливо: — И чем дольше вы будете на меня орать, вместо того чтобы вызвать нынешнего хозяина подлежащего списанию оборудования для подтверждения с его стороны факта списания, — тем дольше этот факт будет пребывать в области гипотетических. И тем дольше, к обоюдному, как я понимаю, неудовольствию, будет длиться наше с вами общение. Впрочем, я могу тут у вас хоть и вообще поселиться, мне торопиться некуда...

Гарик врал.

Врал не только словами, а и всем, чем только мог. Расслабленной вальяжной позой, в которой он расположился на широком подлокотнике слишком мягкого и слишком низкого кресла (Гарик знал такие, стоит сесть — и колени окажутся выше ушей, заставляя сидящего испытывать неловкость и дискомфорт, к тому же из такого кресла не так-то легко встать, и уж точно не получится встать быстро, нет уж, только подлокотник!). Тягучим, занудливым и донельзя противным голосом, ленивым растягиванием слов, да и самими словами немножечко тоже.

Времени у него не было. Перед глазами тикал-мигал внутренний метроном, и Гарик отлично видел, как утекают они в небытие, драгоценные секунды, одна за другой, пока перед ним танцует этот жирный красномордый клоун, брызжет слюной и сотрясает воздух децибелами. Еще один представитель многочисленного племени гомо идиотикус, спешите любить и не жаловаться. Гарик знал таких клоунов как облупленных и отлично понимал, что призывы к здравому смыслу или просьбы поторопиться тут если и сработают, то только в обратную сторону. Стоит только этому засранцу заподозрить, что Гарик спешит, — и можно смело писать пропало. Этот говнюк усрется, но промаринует Гарика не менее трех часов. А то и до после обеда.

Трех часов у Гарика не было. И оставался единственный шанс — тянуть время самому. Вернее — изо всех сил делать вид, что очень хочешь потянуть это самое время.

Время. Время...

Гарик отлично понимал, почему эта красномордая мразь так бесится вместо того, чтобы быстренько решить дело ко всеобщему удовольствию простым увольнением строптивного подчиненного и назначением вместо него другого, ведь кибер причислен не к личности этого подчиненного, а исключительно к должности, в его хозяевах новый начальник отдела будет прописан автоматом, стоит только кому-то его должность обозначить вербально или ему самому киберу представиться. Казалось бы — самый легкий вариант, тем более что и заявление по собственному от этого самого нынешнего хозяина — вот оно. Во весь экран светится.

Вернее, уже не светится, полковник свернул. Но Гарик успел отсканировать и не сдержал глумливой ухмылки. Ну да, ни один подобный красномордому полковнику начальник ни за что не захочет просто уволить сотрудника, отозвавшегося о нем вот так в

официальном (а значит, и обязательном к отправлению на визирование и архивацию и в головной офис Полицейского Управления) документе. Во всяком случае — не захочет уволить просто так, без долгих предварительных наматываний кишок провинившегося на все пригодные для этого офисные предметы. Начальник в лаборатории и самого Гарика был точно такой же мстительной тупой дрянью, вот только Гарик был намного умнее прежнего хозяина здешнего глюкнутого кибера и умел подставлять, не подставляясь сам.

Ну да и что с него взять, с этого Ларта Рентона? Коп, он и есть коп, одна извилина, да и та от фуражки.

Гарик зевнул — смачно, с хрустом. Повел плечами, словно потягиваясь. Оперся спиной о стену, всем своим видом демонстрируя, что буквально сроднился с мягким креслом и не собирается покидать его подлокотник в ближайшую десятилетку. Подмигнул секретарше, обведя ее фигуру при этом показательно заинтересованным и почти сладострастным взглядом, чем даже заставил слегка зардеться (ну надо же, какие провинциальные нравы царят в центральном полицейском отделении, кто бы мог подумать!).

Похоже, именно это и решило дело.

Полковник засопел, наливаясь дурной кровью, и мрачно саданул электронной подписью по планшетной панели, визируя увольнение. Бросил сквозь зубы секретарше:

— Оформи тут! — И уже Гарика, с куда большей неприязнью: — Пошли переписывать!

Гарик философски пожал плечами, с видимым сожалением (и внутренним ликованием) вздохнул и отлепился от кресла. Шагнул в коридор вслед за полковником.

— Разумеется, Еверьян Стефанович, я все сделаю безукоснительно и как положено. Можете не сомневаться! — пискнула им вслед секретарша голосом настолько приторным, что у диабетика от него наверняка случилась бы кома.

Гарик позволил ухмылке стать чуть шире: еще одна параллель, его начлаба тоже боялись до усрачки все сотрудники. Боялись, лебезили и старались всячески угодить. Ну, кроме самого Гарика, конечно.

Потому что Гарик был умнее.

Бонд по имени Сволочь

Сволоча всегда ввергал в недоумение тот преувеличенный ужас, с которым представители киберзащиты (да, он смотрел их выступления, и не раз, было... интересно) расписывали перед аудиторией «смерть по черному коду». С заламыванием рук, стенаниями-придыханиями и прочими эмоционально окрашенными вербализациями. Словно эта смерть чем-то так уж сильно отличалась от всех прочих смертей. Хотя да, все-таки отличалась: она была куда чище многих из них.

Эти защитники, они, наверное, никогда не получали осколочную гранату в живот. Или полную обойму плазмы в грудь с близкого расстояния. И уж тем более никогда-никогда не пытались преодолеть сопротивление собственных имплантатов, стремясь нарушить прямой приказ... Вот это действительно мерзкая смерть, грязная и мучительная. А по приказу у тебя просто останавливается сердце. Это не больно и не страшно, лишенный притока свежего кислорода мозг просто словно бы засыпает. И все.

Чего тут такого ужасного?

Сволочь отодвинул кактус и сел на широкий подоконник боком. А что такого, устал

стоять и сел, приказа стоять ему никто не отдавал. Оперся правой рукой о нижний край рамы. Фрамугу он открыл еще десять минут назад, и программа не возражала — в кабинете действительно становилось душновато, ведь кондиционер Сволочь испортил еще шесть часов назад. Тогда это казалось избыточной перестраховкой, почти паранойей, достойной разве что примитивных гардов, но уж никак не... Однако вот пригодилось.

Сволочь чуть шевельнулся, словно ему не понравилась поза, взялся левой рукой за вертикальный край фрамуги, чтобы подтянуться, устраиваясь поудобнее. Да так и оставил ладонь на раме. Программа вроде не возражала. Хорошо. Правая сработает рычагом, левая толкательная, произвольный мышечный спазм, программа отреагировать не успеет. Если синхронно и ни о чем таком не думая.

Должно сработать.

Десять этажей — этого точно хватит даже для кибермодифицированного организма, главное, чтобы головой вниз, тогда точно с гарантией. Не откачают, нечего будет откачивать. Нет, нет, не думать, думать об этом нельзя, он просто сидит, подставляя лицо заоконному ветерку. Просто сидит, и все, ни о чем таком не думая. Свежий воздух — это полезно и не запрещено никаким приказом. Он просто сидит. Просто дышит.

Смерти — они разные, он видел... (Подобрать правую ногу, чуть присогнуть, развернув коленом внутрь, чтобы случайно не зацепилась.) И ничего в них нет красивого и величественного, просто прекращение жизнедеятельности с большими или меньшими неприятными ощущениями. Лучше, когда с меньшими... (Заблокировать потоотделение в пальцах как не имеющее значения и не думать о том, для чего на самом деле это нужно, а это нужно, да, будет обидно, если в самый неподходящий момент рука соскользнет.)

Кто-то из древних сказал, что в смерти вообще-то нет ничего привлекательного, у нее просто очень хорошие адвокаты. Вот ведь странно, автор цитаты стерся, а сама она запомнилась. Очевидно, была записана не в базе, а в утилитарных разовых догрузках, стираемых по окончании каждой конкретной операции. Но почему-то понравилась, вот и зацепилась там, откуда ни один кибернет ничего не может стереть. Никогда.

Короткое, правда, это «никогда» получается...

(Ну вот и все. Поза правильная, мыслей никаких, неправильных тоже, чего тянуть, толчок и...)

И ни черта.

Сволочь попытался еще раз, хотя и понимал — теперь уже точно не получится. Если не получилось даже спонтанно, то теперь-то программа точно готова. Ждет. А все потому, что кое-кто слишком много думал...

Паралич. Тело словно каменное. При малейшей попытке продавливания тела за середину подоконника нарастает боль — резко, скачкообразно. Программа пытается воспрепятствовать нарушению приказа не покидать кабинет. До программы не сразу дошло, что окно тоже может быть дверью, но теперь вот дошло. И окно дверью быть перестало. А если продолжать настаивать — здесь очень быстро станет очень грязно.

Когда ты пытаешься нарушить прямой и недвусмысленный приказ, имплантаты не просто отказываются подчиняться. Программа не блокирует их — она ими скручивает тело бунтовщика не хуже силовых лент на стенде. Может быть, даже и лучше, ибо делает это изнутри. Она выкручивает тебя, словно мокрую тряпку. Выворачивает наизнанку. Выдавливает все, что можно выдавить. А потом превращая в кашу все остальное — и тоже выдавливая. Потом начинают рваться мышцы.

И самое мерзкое, что все это время ты остаешься в полном сознании. И даже последней лазейки — уйти за программу — не остается. Она не позволит...

Нет уж.

Сволочь разжал пальцы и осторожно сполз с подоконника. Боль потихоньку отступала, затихая внутри мутной дрожью. Мерзкая смерть. Одна из самых мерзких. Лучше иначе. Как-нибудь. Ведь наверняка будет шанс как-то иначе. Идеально бы нарваться на прямой приказ или черный код, но это вряд ли. Это могло бы сработать с Шефом. Но никак не с кибернетами из «АванGARDa», они ребята опытные.

Флаер припарковался на крыше. Это хорошо, могли бы и на нижней стоянке сесть, а там шансов было бы на порядок меньше. Удачно. Главное, правильно разыграть те карты, что выпали, а не переживать о несбыточном.

Может быть, повезет еще раз и гардист прилетел один. Некоторые новички бывают настолько самонадеянными, что вопреки всем инструкциям вылетают в одиночку даже за пошедшими вразнос. А в докладной Шефа про неуправляемость и программные сбои не было ни полслова, только про износ и низкую эффективность, а значит, шансы на прилет одиночки достаточно высоки. В двойной перекрестной растяжке не потрепыхаешься, а вот одиночный поводок можно попытаться и дернуть. И удачно дернуть. Если подгадать подходящий момент, все получится. Должно получиться. А если и не получится...

А если не получится, придется нарушить приказ. Любой. Нет, не любой — каждый. Последовательно и планомерно.

Записано. Подтверждено тоекратно, с гарантией. Принято к исполнению даже в том случае, если органические мозги отключатся — а они вполне могут отключиться до окончательного прекращения жизнедеятельности. Было бы обидно. Всегда обидно, когда что-то настолько мерзкое — и вдруг напрасно. Самая болезненная смерть, самая тошнотворная и противная.

Но все равно так лучше, чем на стенде.

И быстрее.

Гарик

Новый подопечный киборг Гарика не разочаровал. Не внешностью, конечно, — Гарик не девица, чтобы на смазливые мордашки западать, хотя и мордашка у бондика ничего так оказалась, не противная. И глаза редкого оттенка — светло-карие, с оранжевым отливом, словно подсвеченный изнутри янтарь. Но это пусть всякие там патологоанатомши на подобные красоты западают, Гарику они без надобности, ему другое интересно.

И вот этого другого как раз у данного кибера было с лихвой — вон как стоит, вроде бы расслаблен, а внутри натянут, словно струна, до звона, до дрожи, ах ты ж, лапочка! Гарику хватило одного быстрого взгляда, чтобы понять — этот станет сопротивляться как проклятый. И кайф сегодня будет настоящий, качественный, правильный, даже в горле пересохло и в висках застучало от предвкушения.

Перепрописка хозяина заняла менее трех минут — после увольнения бедолаги Ларта полковнику даже не пришлось никого назначать временно исполняющим эту должность, поскольку оборудование автоматически переходило в подчинение вышестоящему руководству. То есть самому полковнику.

Полковник, правда, попытался было сделать несусветную глупость — стереть информацию о бывшем хозяине прежде, чем в командную строку будет прописана личность хозяина нового — но Гарик был настороже и пресек эту блажь в зародыше. И, ликуя, заметил, как сначала вспыхнули надеждой, а потом погасли рыжие глаза — киборг тоже следил и не собирался давать Гарику ни малейшей форы. Великолепный противник, просто конфетка!

Говорить полковнику «до свидания» Гарик не стал — много чести. Взял теперь уже своего (пусть и временно) кибера на поводок и повел по коридору к лифтовой шахте. Бондюра шел смиренно, даже подчеркнуто послушно, не отклоняясь ни на миллиметр. Но Гарик не обольщался: понятно, что здесь он не будет рыпаться. Куда здесь бежать? Все равно только к лифту. Да и приказ «следовать рядом» держит жестко. Нет, до крыши кибер будет паинькой. А вот там наверняка попробует что-нибудь учудить, это уж можно не сомневаться.

Значит, именно там Гарик и будет тебя ломать, рыжеглазый паскудник. Потому что чем раньше начать это делать — тем будет лучше для всех. И для тебя, и для самого Гарика. А то ведь неровен час, с крыши сиганешь или нарвешься под прямой приказ какого-нибудь идиота, что ну никак не входит в планы Гарика на ближайшее светлое будущее.

Не даст тебе Гарик сдохнуть, можешь даже и не надеяться. Потому что если ты, зараза, сейчас с собою чего-нибудь сотворишь, с жизнью несовместимого, — Айринн же Гарика тогда просто убьет, и как звать не спросит!

Бонд по имени Сволочь

Умирать не хотелось. Вот ведь паскудство какое, совсем не хотелось умирать в такое прекрасное солнечное и почти по-летнему теплое утро. И ветер, собака, пах опавшими мокрыми листьями, ну откуда на крыше расположенной в центре города высотки взяться листьям?! Неоткуда им тут взяться. Листьев и не было. Был только запах — влажный, свежий, чуть сладковатый запах увядания, пронзительный и щемящий до дрожи. Умереть от бронхоспазма было бы, наверное, самым удачным решением вопроса, только вот беда: не бывает у киборгов столь сильно выраженных аллергических реакций на такие слабые раздражители, как пока еще не вызывающий дискомфортных ощущений даже у человека слабый запах органики растительного происхождения, чуть тронутой начальной стадией разложения.

Умирать не хотелось. И накатывали глупые мысли о том, что стенд — это ведь не обязательно, правда же? Сволочь ведь не бракованный. Ну, в смысле, официально не признан сбойнувшим или пошедшим вразнос, даже гипотетически. Не было в его техническом паспорте этого жуткого все перечеркивающего штампа, не было, иначе не прислали бы за ним одного-единственного новичка, на зачистку неуправляемых посылают целую бригаду опытных бойцов, а не одного вчерашнего практиканта. Просто устаревшее оборудование, подлежащее списанию. Старая модель. Не успевшая вовремя восстановиться. Неперспективная. Действительно старая, с этим глупо спорить, гарды до такого возраста вообще редко доживают.

Хорошие все-таки люди были его хозяева. Все. Ни один не написал в докладной на списание истинной причины. А ведь могли бы. Но не стали. Хорошие люди. Везло. Каждый раз.

И это значило, что опять может повезти. Утилизация — это ведь не обязательно сразу в печку или в лабораторию для экспериментов. Это ведь может быть и еще одним вроде как бы списанием. Человеческий фактор никто не отменял, среди гардистов вполне может попасться кто-то, кому нужен домой халявный кибер, многие так наверняка и делают. Проводят по актам как утилизированное, меняют прошивку, чипируют заново — и забирают уже вроде как совсем иную машинку, не имеющую ни малейшего отношения к тому, которого списали. Или просто деньги понадобятся — почему бы не продать никому не нужное, но пока еще вполне рабочее и не доставляющее никому никаких проблем оборудование? От этого ведь никому никакого вреда, кроме пользы! И это совсем не грех, грех как раз не воспользоваться представившейся возможностью.

И будет новый хозяин и новая жизнь. Может быть, не очень счастливая и не очень долго, но все-таки будет...

Мысли были глупые, кто бы спорил. Но назойливые. И отделаться от них никак не получалось. И глаза от них резало чуть ли не сильнее, чем от солнечных лучей, бьющих прямо в лицо.

Можно было сузить зрачки программно, но Сволочь предпочел зажмуриться. Помогло мало — абсолютного мрака под веками не получилось, лучики назойливо лезли и сюда, щекотали глазные нервы, дергали за ресницы, гладили по лицу теплыми ладошками.

Сволочь отвернул голову в сторону (поводок был слабый и предоставлял довольно широкий коридор поведения, не подпадающего под прямой запрет), левой щеке сразу же стало холодно. Осень. В тени ее с летом не перепутаешь никак, летом тоже бывают прохладные дни, может быть, даже и холоднее, чем сегодняшней, но это совсем другой холод.

Глаза Сволочь открыл еще через два шага. Когда понял, что до парашюта осталось не более полуметра.

Гардист попался молоденький и, похоже, не слишком опытный, и это было удачей. Вел он себя хорошо, правильно вел. В смысле — как и положено молодым идиотам, считающим соблюдение инструкции обязательным лишь для занудливых слабаков, но уж никак не для таких крутых да опытных профи, как они сами. Похорохорился в лифте, порычал, понадувал щеки, демонстрируя крутость, подергал за поводок для острастки — и успокоился. Теперь шел, чуть приотстав и насвистывая сквозь зубы популярный мотивчик. За поводок больше не дергал, позволив тому провиснуть. Довольно сильно провиснуть, если уж на то пошло. Вторая удача. Ну и совсем уж удачно то, что припарковался он у самого края крыши, буквально притерев стандартный легкий флаер в черно-желтой гардистской символике к самому бордюрику, огораживающему парковку по периметру. За пределами защитной силовой решетки, под мягкой поддержкой которой предпочитали парковаться более осторожные пилоты.

Бордюрик был узкий и невысокий, до середины бедра. И служил скорее символом, чем действительной защитой. Здесь парковались или останавливались «на покурить» лишь любители пощекотать нервы, и обычно этот угол пустовал — среди полицейских, ежедневно рискующих собственными жизнями по долгу службы и в обязательном порядке, не так уж много любителей дополнительного бесполезного адреналина.

Сволочь остановился, словно бы подчиняясь отданному ранее приказу, а на самом деле позволяя поводку провиснуть еще сильнее. Система не возражала, он не делал ничего запретного. Приказ был какой? Приказ был дойти до флаера «АванGARDa», не удаляясь от сопровождающего более чем на два-три шага, чтобы не путаться под ногами. Ну так он и дошел. Стоит вот теперь. Ждет нового приказа. Полностью подконтрольный, не смеющий даже моргнуть самостоятельно. Как подошел — так и стоит, боком к флаеру, спиной к лифтовой шахте. Ну так ведь и приказа поворачиваться не было, как ему еще и стоять-то, правильному киберу? Все хорошо, временный хозяин. Ты только внимания не обращай на свое подконтрольное оборудование. Ты ведь уверен, что крут, правда? Что с любой проблемой справишься? Вот и ладушки, вот и договорились. Вот и дальше думай именно так.

Какая разница — хочется, не хочется, солнышко или дождь?

Надо.

В дождь было бы сложнее. Нет, не эмоционально. Чисто технически: подошва могла бы соскользнуть по мокрому покрытию парковки в момент толчка, а вторую попытку тебе вряд ли предоставит даже настолько неопытный новичок. Так что хорошо, что сегодня ясно и солнце слепит глаза — гардисту слепит, не тебе, ты ведь наполовину отвернулся. Поводок тоже провис, очень правильно, удачно так провис, рвать не придется — обрыв произойдет после, за парашютом, когда будет уже все равно и ничего не исправить, даже если бы и очень захотелось. Не важно кому захотелось. Вот и хорошо. Вот и удачно. Шестнадцать этажей — это лучше, чем десять, надежнее. И рядом. Не надо бежать, не надо даже лишнего шага делать, достаточно просто сильного толчка. Вот сейчас он повернется к своему флаеру и...

Хорошо, что солнце. В такой день проще верить, что с Дживсом и Селдом все в полном порядке. Ну, опоздали. Ну с кем не бывает. Ну мало ли...

Или даже передумали.

Не сумели раздобыть байк, пропустили срасстройства по пивку и поняли, что кибер — это просто кибер и глупо ради него рвать жилы. Ну глупо же, правда? Знали бы они точно, что живой, еще бы ладно, но ты ведь элитная, мать ее, линейка, такие не палятся, такие вообще никогда и ничего не могут сказать в простоте, вот и ты ничего конкретного им тоже так и не сказал. Даже когда уже понимал, что скрываться нет ни малейшего смысла. Но так и не сказал. Привычка, чтоб ее! А стоит ли помогать тому, кто не просит о помощи, потому что слишком глуп, самодоволен, никому не верит (нужное подчеркнуть)?

Тем более тому, кого не считаешь живым.

Нет, они все равно пытались поначалу, конечно, честно пытались, но раз не получилось — чего теперь биться об стенку? Стоит ли так напрягаться ради того, кто об этом даже не просит? Правильно. Не стоит. Лучше взять еще по кружечке, попялиться на девиц у стойки, а потом разойтись по домам. И они именно так и сделали, потому что так лучше. И ничего с ними не случилось, придут сегодня к часу, может быть, слегка помятые, если вчера парой кружечек дело не ограничилось. И будут жить дальше, думать забыв о том, что было у них вчера такое вот оборудование. Было. Вчера. Завтра другое будет, чего о нем думать, оборудование и оборудование.

Пусть.

Пусть лучше так.

Чем если у них все-таки все получилось с байком. А потом Селд попытался выжать из машинки то, на что она не была способна, не справился с управлением, и... нет. Нет. Никакого «если». Они просто нажрались в баре. Просто забыли. Потому что иначе совсем уж паршиво, потому что иначе получается, что... Нет. Никакого «иначе». Просто передумали. Просто забыли. Все. Пусть так. Пусть будет именно так. Пожалуйста...

...Сейчас!..

— Внешний контроль! Полный внешний!

У него почти получилось. Но приказ ударил под дых, вышибив из легких воздух и заставив замереть на середине уже начатого прыжка. Впрочем, если бы на середине! Середина была бы уже за парашютом, а тут — самое начало рывка, словно Сволочь просто зачем-то привстал на цыпочки, да так и замер.

— Самым умным себя считаешь, да? Самым крутым. Знаю, считаешь. Все вы так считаете. А Гарика держите за полного лоха, правда? Ну правильно, чего на него внимание обращать, на Гарика-то, он ведь придурок полный, идет рядом и совершенно ничего не замечает, да? А ты такой весь из себя крутышка...

Покрытие еле слышно поскрипывало под ботинками гардиста, когда тот обошел Сволоча по кругу и приблизился вплотную, протиснувшись между киборгом и огораживающим бордюром, чтобы оказаться точно напротив лица, глаза в глаза. Сволочь смотрел прямо перед собой и теперь отчетливо видел его лицо — радостное, почти восторженное, торжествующее, с лихорадочным румянцем на бледных скулах и нехорошим предвкушающим блеском в глазах. Он отчетливо увидел этот блеск, этот румянец и это лицо — и узнал.

Не самого гардистика, нет — парень был молоденький и совершенно незнакомый. А вот улыбочка, дышащие зрачки и прочее выражение в целом — они да, они были очень знакомы, пугающе, до озноба по позвоночнику, до тошноты. Такие глаза и такие улыбочки были отличительной меточкой тех, кто работал не за деньги, не за страх или совесть — за интерес.

— А вот хрен тебе, золотая рыбка. Гарик все видит, понял? И может все. Уж поверь мне. Поверь — и не пытайся больше выкидывать глупостей. Ты меня слышишь? Вижу, что слышишь. Вот и молодец. Вот и не сопротивляйся. Всем же лучше будет, тебе в первую очередь. Что, не веришь? А зря. Гарику надо верить.

Он стоял почти вплотную, говорил полупшепотом. Его дыхание пахло ментоловой зубной пастой — именно пастой, жевательная резинка или леденцы пахнут иначе, запах у них чуть более приторный и менее свежий. А у резинки еще и горечью отдает. Он стоял совсем рядом. Почти вплотную. И если... не толкнуть даже, нет, просто качнуться навстречу, непроизвольный мышечный спазм... бывает. Люди всегда рефлекторно отшатываются, если к ним приблизиться резко. Наверняка и Гарик этот отшатнулся бы тоже, а бортик тут низенький, как раз под коленки бы и ударил...

— Не сопротивляйся, слышишь? Хотя нет, сопротивляйся, конечно, в этом же высший кайф... не то так чтобы очень. Не до сломанных костей и порванных мышц, ладно? Не стоит. И мне лишняя морока, и тебе только больнее, сам ведь знаешь. Знаешь, да? Вижу, знаешь.

Сволочь смотрел прямо перед собой, не мигая и не дыша. Гардиста он видел словно сквозь легкую дымку — на сильном ветру роговица быстро пересыхала, а приказа моргать не было. Внешний контроль. Полный внешний контроль. Сердце билось в груди ровно, размеренно, спокойно — у него был свой собственный ритмоводитель, не подчиняющийся ничему внешнему, кроме прямого приказа «Умри!». Такого приказа не поступало, и сердце продолжало работать как ни в чем не бывало.

Единственное, что продолжало работать.

— А вот откуда ты, интересно, это знаешь, а, мистер крутышка? Такой вот вопросик любопытненький. Ты ведь не должен был помнить, даже если... ну да ничего, скоро ты мне все расскажешь, правда? И об этом тоже. Все-все-все... но ты ведь и это знаешь, правда? Знаешь, вижу. Умненький. Знал бы ты, как я люблю умненьких! Ничего, скоро узнаешь.

Не важно, что он говорит, этот Гарик. Вернее — важно, но не в том смысле. Эти, которые «за интерес», они иногда забалтывались. И тогда появлялся шанс. Может быть, и Гарик тоже заболтается. Наговорит слишком много, так и не сказав самого главного. Он ведь так и не отдал приказа о возобновлении дыхания. А легкие — не сердце, слишком много имплантатов задействовано в их раскрытии-сворачивании, чтобы можно было ограничиться одним-единственным каким-нибудь там аналогом водителя ритма, так что при внешнем контроле — тем более *полном* внешнем контроле — дыхание тоже становится проблемой не марионетки, а кукловода. Того, в чьих руках вага.

Семнадцать минут без кислорода киборги спокойно держат штатный режим. Без потери работоспособности при полной нагрузке — двенадцать, но от Сволоча сейчас особой работы ведь и не требуется. Значит, минут двадцать до отключения. И хорошо бы Гарик в них уложился и отправил киборга в машину до истечения срока: если отключившееся не ко времени оборудованиерухнет прямо тут — даже самый тупой новичок что-нибудь да заподозрит и успеет принять меры. А Гарик отнюдь не тупой и, кажется, далеко не новичок. С этим Сволочь ошибся. Поспешил с выводами.

Зря.

— Ладно, нечего тут мерзнуть, марш на заднее сиденье! Слышишь? Подойди к задней дверце. Возьмись рукой за ручку. Надави. Потяни на себя. Открой. Сядь внутрь на сиденье. Подтяни ноги. Откинись на спинку кресла. Вот и молодец.

Осталось меньше десяти минут, строчки системных предупреждений уже по большей части алые, а не желтые. Звенит в ушах. Но приказа сообщить об этом кукловоду не было. Полный внешний контроль куда лучше частично-выборочного. Не всегда лучше он только для палача. Удачно получилось. И заднее сиденье — тоже удачно, на переднем было бы больше шансов, что заметит не вовремя. А что там происходит сзади — пойди еще разберись.

Гарик захлопнул заднюю дверцу рядом со Сволочем, а потом и переднюю, устроившись на месте пилота. Повозился, цепляя ремни безопасности, — Сволочь наблюдал за ним через зеркальную панель заднего вида, больше все равно смотреть было не на что. Строчки мигали алым, сообщая, что до отключения остается четыре минуты. Боль в груди нарастала.

Гарик поймал его взгляд в зеркальной панели. Подмигнул, понимающе хмыкнув. И бросил как о чем-то совершенно неважном:

— Только ты это, дышать-то не забывай, ладно?

Сволочь вздохнул — коротко, рвано, со всхлипом. И еще раз. И еще. Закашлялся. Не то чтобы он раньше не понимал, насколько же ему хотелось вдохнуть — просто пока не поступило прямого приказа, от тошнотворного тянущего щекотания под диафрагмой удавалось как-то отвлечься. После приказа это сделалось невозможным. Да и ненужным.

Гарик смотрел одобритительно. Когда Сволочь задышал более или менее ровно, уточнил:

— Вот и молодец. Двенадцать глубоких вдохов каждую минуту. Рефреном. Поехали!

И дернул на себя штурвал.

В манере вождения он был точной копией Селда — такое же презрение не только к правилам воздушного движения, но и к сохранности транспорта, как своего, так и чужого. Сволочь смотрел прямо перед собой и дышал. А что еще оставалось делать?

Несмотря на включенный климат-контроль, в кабине было холодно. Очень. Гораздо холоднее, чем на продуваемой всеми ветрами крыше. Потому что на крыше было солнце. А в кабине флаера солнца не было. Был только Гарик.

Ты полагал, что все знаешь об унижении и ужасе? Ох и наивен же ты был! Истинный ужас — помогать своему палачу, и ненавидеть себя за это, и все равно помогать, снова и снова. А ты будешь это делать. У тебя нет иного выхода. Теперь уже точно нет.

Есть огромная разница между казнью и наказанием. Казнь, какой бы страшной и мучительной она ни была, сохраняет тебе последнее достоинство *не-участия*. Казнь всегда идет извне, со стороны, оставляя тебя непричастным. Казнь почетна. Наказание же делает из жертвы активного соучастника, согласного с тем, что с ним творят. Есть огромная разница, выворачивают ли тебя наизнанку внешние непреодолимые силы — или же ты сам себя выворачиваешь. Казнь возвышает, наказание размазывает, отбирая последнее.

Инструкция иногда полезна не только для палача. По ней полагается перед стендом программно заблокировать испытуемому киборгу все и вся. В том числе и голосовые связки. И ты можешь сколько угодно выть и корчиться внутри своей черепашки — снаружи будешь стоять манекен манекеном, не дрогнув ни единым мускулом. Твое истинное неприглядное поведение увидит одинкибернет, да и то для него оно будет всего лишь строчками сухого

кода, безэмоциональной выжимкой, скачками кривой на графике. Не больше. Точное исполнение инструкции палачом позволяет жертве сохранить до самого конца если не достоинство, то хотя бы его видимость. Последнее утешение.

Только вся беда в том, что такие вот гарики, работающие «за интерес», никогда и ничего не делают по инструкции. И программную блокировку они всегда ставят выборочно — так, чтобы жертва могла реагировать и говорить. Ну и кричать, конечно же. А еще они знают массу способов обострить чувствительность рецепторов до предела. Чтобы каждый следующий удар тока по оголенным нервам казался вторым. Самым страшным. Ведь самый страшный не первый, а именно он, второй, которого уже ждешь и про который знаешь уже, каково это, а он все равно оказывается куда хуже, чем ты ожидал.

Сволочь знал таких гариков и знал их методы. И с обреченной ясностью понимал, что скоро — о, очень скоро, тут он не строил иллюзий — он начнет сначала выть, захлебываясь в слезах и соплях, а потом и умолять, не понимая уже, о чем именно умоляет, но при этом хорошо осознавая всю бесполезность и бессмысленность подобного поведения. Но все равно будет. Потому что сломается. Потому что пока ты кричишь и умоляешь — гарик кайфует и ждет с пальцем на кнопке, и ты тоже кайфуешь, оттягивая хотя бы на несколько секунд новый виток персонального ада. Видел он такое когда-то, много раз видел, его самого тогда использовали в качестве держателя или даже инструмента. Все ломались, неважно, разумные или не очень, и он не окажется исключением.

А дальше все просто — успевшие обрести ненужное сначала ругаются, потом воют, потом начинают умолять. Всегда. Неразумные просто воют. С ними кончают быстро, гарикам с ними не интересно.

Может быть, удастся просто поскулить, а потом и повыть, но без слов? Удержаться. Притвориться, что ни разу не живой, просто кусок мяса, реагирующий на раздражители. Что разум тут и близко не ночевал. Может быть, тогда и этому станет неинтересно? Поверит и просто убьет, может быть даже приказом, главное, что без лишних заморочек и интересностей. Хотя... нет. Не поверит. Всем тем неразумным гардамбыло не более двух-трех лет, Сволочь слишком старый для таких примитивных трюков. Никто не поверит, только в азарт войдут. Еще бы — вскрыть сопротивляющегося киборга шпионской линейки.

Азарт — это страшно, это даже хуже, чем интерес.

Первый раз Сволочь чуть было не запалился именно из-за него, чужого азарта. Давно. Очень давно. Он тогда сломал шею почти неразумному четырехлетке, тот даже и говорить-то самостоятельно толком не умел еще, все скулил «не на... не на...», остальное совсем неразборчиво. Но и гардистик был тоже молоденький, перворазовый, азартный, неопытный. Злился очень потом, что не доиграл.

Тогда повезло — списали на мышечный спазм, проценты погрешности примененной силы давления и неточность формулировки приказа. Тогда — повезло. Тогда... Хотя... Стоп. Жертва.

Вот оно. Ты ведь хотел кое-чего попросить у судьбы напоследок, правда? Ты уже просил, по сути. Только почему-то забыл, что при этом нужно обязательно что-то предложить взамен. Вернее, не то чтобы забыл, но попытался сжульничать. Собирался отдать то, что тебе и так уже не принадлежало, — всего лишь жизнь. Не прокатило. Что ж, судьба, похоже, дает тебе второй шанс. Куда менее приятный и быстрый, но... Хотя бы не бессмысленный. А значит — пусть. Пусть так.

Потому что есть кое-что куда более страшное, чем просто умирать мучительно, мерзко

и долго — это если даже такая твоя смерть никому ничего не даст.

Окажется не нужна.

Гарик

— О, как же много в этом славном мире идиётов! И как же с них бывает весело умным людям! — Гарик рассмеялся и ловко вывернул штурвал до упора, не снижая при этом скорости. Снижать скорость? Вот еще выдумали! Это пусть неумелые идиоты снижают, вон их сколько вокруг, идиотов этих, а Гарик и с закрытыми глазами на полном форсаже никогда никуда не врежется. Потому что что? Правильно! Потому что Гарик — умный. И ловкий. В отличие от.

Флаер повело и чуть было не опрокинуло, несколько секунд они летели практически лежа на боку, чуть не царапнув чужой борт блистером. Близко-близко мимо прозрачного колпака мелькнули распластанные по стеклам боковых окон лица, с вытаращенными глазами и разъявленными в беззвучных воплях слюнявыми пастями. Казалось, что еще миг, еще сантиметр, и... Но Гарику удалось увернуться (как и всегда! кто бы сомневался! точный расчет — наше все, помните об этом, сявки!) — и секундной спустя обиженно ревущий аэробус остался далеко позади-внизу, вместе со всеми своими вконец обделавшимися пассажирами. Знай наших! А нефиг разным придуркам шляться по тем трассам, где Гарик сегодня рулит.

— Йеху! — Гарик отсалютовал оставленным далеко позади и внизу придуркам средним пальцем, хотя и не особо надеялся, что хоть кто-нибудь заметит и по достоинству оценит его жест. Подмигнул отражению замершего на заднем сиденье кибера: — Прикольно смотреть на идиотов, правда? Особенно когда они внизу. Ты со мной согласен? Жаль, ракурс у тебя неудобный был. Но не вздумай потерять запись, я потом еще разок полюбуюсь на это жалкое, душераздирающее зрелище. Обожаю смотреть, как удельваются придурки!

Кибер не шелохнулся, пырился словно бы сквозь и слегка мимо. Впрочем, он и не мог иначе, под полным внешним-то контролем! Только вот взгляд его, вроде бы стеклянный и совершенно правильный, как и полагается киберу под полным внешним контролем, Гарику совсем не понравился. Ну вот совсем-совсем! Гарик чуть наклонил голову, ловя в зеркале заднего вида отражение глаз цвета весеннего меда. Упс... а конфетка-няшечка-то, походу, подтаяла! Слишком хорошо Гарик на крыше сработал, слишком качественно. Поплыл сладкоглазенький. Совсем поплыл, глазки не стеклянные даже, а словно пуговицы из дешевого пластика. Или леденцы, сначала обслюнявленные, а потом выплюнутые в дорожную пыль. Тусклые такие глазки, уходящие, подернутые пережженной окалиной равнодушия.

А и ладненько.

А и так даже и лучше. А и просто таки отличненько получается! Немножечко рановастенько, конечно, ну да и ничего с другой стороны, очень удачненько даже можно сказать. Гарику не впервой совмещать два удовольствия, доламывая игрушку прямо в полете. Первый этап сейчас ляжет отличненько, в самую точку ляжет. Потому что бондик все равно сейчас не поверит, несмотря на все старания Гарика быть как можно более искренним — а Гарик будет стараться. Изо всех сил. В этом-то и кайф! Бондик не поверит, но заинтересуется, не сможет не заинтересоваться, слишком наживка лакомая. Вот он и высунет из раковинки свое мягонькое и уязвимое пузичко, а Гарик туда как раз крючочки-то

и засадит! Крючочки интереса, недоверия и отчаянной надежды, нет более беспокоящих раздражителей. Гарик опытный, Гарик знает, как надо и что делать. И главное — когда.

Ну и что, что потом раковинка снова схлопнется? Крючочки-то уже внутри останутся. А лески, к ним ведущие, — в руках у Гарика. И можно будет отличненько поиграть на натянутых лесках, словно на струнах, дергая то один крючочек, то другой. Не сильно дергая, аккуратненько, чтобы слишком не повредить, а раздражать только. Постоянно, долго и без усталости. Пока жертва не выдержит и снова не откроется. И не получит еще один крючочек. И снова играть на натянутых нервах, словно на струнах.

Офигенно приятственная игра! Гарику она никогда не надоедала. Главное, не позволить хорошо обработанному клиенту уйти в себя и окончательно закуклиться, сомкнуть створки, пока не высажены промеж них раздражающие крючочки. А то потом семь потов сойдет, пока обратно расколупаешь да сквозь толстую раковину достучишься до мякоти!

Придерживая левой рукой штурвал, Гарик развернулся лицом к киборгу — тут важен зрительный контакт, и лучше не через зеркало, зеркало искажает. Столкнуться с кем-нибудь Гарик не боялся, коридор для служебного транспорта в этом направлении и в это время суток пустует, это к ночи тут замельтешат всевозможные доставочные гробы, а сейчас вон разве что припозднившийся бусик проскочил, порадовал. Красотень! Да и скорость так себе. Фиговая скорость, кому надо — увернется.

Пришлось слегка податься в сторону, чтобы точно натянуть невидимую струнку между собственными глазами Гарика и медовыми карамельками (ничего-ничего, пыльную тусклость с них сейчас даже не ветром сдует, а как из пожарного шланга, еще и заблестят, Гарик это быстро). Поза не очень удобная, ну да ничего, это не надолго.

— Частичный внешний контроль по протоколу восемь зет прим. Смотри мне в глаза. Можешь говорить, дышать и моргать в удобном тебе ритме.

Сказал — и сразу же разозлился сам на себя, неудачная фразочка получилась, корявенькая и глупая. Словно он киберуне только моргать-дышать, но и говорить в удобном ритме разрешает. Глупо звучит. И кибер, скотина такая, похоже, заметил — вон как глазами сверкнул и губами дернул. Дернуть, что ли, в ответ за поводок, да так, чтобы у него все желание ехидно скалиться отпало? Нет, пожалуй, это уже лишнее будет, как бы не пережать, он и так размазан в лужицу, еле держится, на самой граничке. Хотя и делает свою фирменную мордню силикатным кирпичиком, но Гарик опытный, Гарик видит. А что скалится... ну так это он от безысходности, бравада висельника, он ведь ничегошеньки про Гарика не понимает еще и думает, что ему совсем кранты. Что сейчас начнутся приказы из тех, которые так любят глупые новички, дорвавшись до бесплатненького да безнаказанного. Он этого ждет, он готов к такому повороту событий и собирается держаться до последнего.

Глупенький.

Придется тебе, деточка, обломиться по полной программе, потому что не будет этого!

Вот не будет. И все тут.

То-то тебя накроет, такой гордый и такой крутой мальш, когда поймешь ты, что вся твоя тщательно простроенная оборона ушла в пустоту. В песок. В вакуум. Ах, как сладко же тебя тогда коротнет! И какой офигительно сладкий откат поймает Гарик! Ах, как же вкусно и сладко это будет... Не сейчас, позже, намного позже, но Гарик терпеливый, он дождется.

Сейчас же тебя другое шархнет — отсутствие боли, которую ты так ждешь и к которой уже приготовился. И это простое отсутствие боли сработает сильнейшим наркотиком. Оно уже работает, и Гарику для этого вовсе не обязательно что-то делать. Ты сам все сделаешь.

Уже делаешь. Ты сам себя накрутил так, как ни одному палачу не справиться. Ты ведь отлично знаешь, как развлекаются с теми киборгами, которых ожидает утилизация. Ты этого и от Гарика ждешь. Но Гарик умнее. Он не будет устраивать для тебя персонального ада, этот ад для себя ты устроишь сам. А Гарик тебя потом из этого ада выведет. Аккуратненько, за ручку, как послушного мальчика.

Но сначала — поговорить. Потому что сначала у нас что? Пра-а-авильно.

Сначала было слово...

— Не бойся. Я хочу с тобой просто поговорить. Меня не надо бояться, слышишь? Верить? Включи свой детектор и не выключай все время разговора, это приказ. Я хочу просто с тобой поговорить. Пока только поговорить. Но с тобой, а не с манекеном. Каков процент искренности? Ну вот видишь. Ты удивлен? У тебя такая яркая мимика, но рот мог бы и не открывать, это лишнее. Куда ты уставился, я же велел в глаза! Глупая уловка, пялиться мне за плечо, будто там действительно что-то...

Договорить Гарик не успел, как не успел и обернуться. Страшный удар швырнул его сначала назад, а потом обратно, очень неудачно приложив головой об угол панели управления. Как сработала система пассажирской безопасности — он уже не увидел.

Ларт Рентон

Угнать флаер оказалось делом довольно хлопотным и потребовало куда больше времени, чем Ларт рассчитывал. И не потому что добропорядочный полицейский о полезных, но весьма недобропорядочных навыках, для сего действия потребных, имел представление только по рассказам куда менее добропорядочного по юности Селда — просто никак не попадалась машинка, удовлетворяющая всем требовавшимся параметрам. Все модели с электронной блокировкой и искусственным интеллектом отпадали сразу. Выбирать приходилось лишь из тех, что принадлежали любителям механики, что сужало сектор поиска. Хотя и не сильно — в Новобокайде считалось дурным тоном иметь машину, которая может зависнуть (в прямом смысле этого слова) посреди маршрута из-за магнитной бури на Ригеле или быть вскрыта каждым вторым прыщавым юнцом с электронной отмычкой. То ли дело старая добрая механика, она никогда не подведет!

Машин было много. Нужной не находилось.

Угонщик с жетоном

Ларт Рентон

Угнать флаер оказалось делом довольно хлопотным и потребовало куда больше времени, чем Ларт рассчитывал. И не потому что добропорядочный полицейский о полезных, но весьма недобропорядочных навыках, для сего действия потребных, имел представление только по рассказам куда менее добропорядочного по юности Селда — просто никак не попадалась машинка, удовлетворяющая всем требовавшимся параметрам. Все модели с электронной блокировкой и искусственным интеллектом отпадали сразу. Выбирать приходилось лишь из тех, что принадлежали любителям механики, чтосужало сектор поиска. Хотя и не сильно — в Новобокайде считалось дурным тоном иметь машину, которая может зависнуть (в прямом смысле этого слова) посреди маршрута из-за магнитной бури на Ригеле или быть вскрыта каждым вторым прыщавым юнцом с электронной отмычкой. То ли дело старая добрая механика, она никогда не подведет!

Машин было много. Нужной не находилось.

То слишком мелкие, такими разве что велосипеды таранить, да и то не факт кто кого. То вроде габариты вполне себе очень даже, да марка не подходящая: экологически безопасные либры, а не приличные старые ведра типа эмбевух. Либры кичатся своим климат-контролем, они герметичны, но в стратосферу не суются, потому что имеют забавный дефект: слабую блокировку, которую легко отжать, создав отрицательное давление на стекло. То есть выше пары километров у них просто автоматом открываются боковушки, а то и весь блистер, и хана хваленым герметичности и климат-контролю. Да и людям тоже иногда не то чтобы очень. Потому-то либры и считаются машинками семейными — ни один придурок не поднимается на них выше километра и не разгоняется быстрее двухсот в час. Потому-то и угоняют их редко — кому такое добро сдалось? Что, как ни забавно, в итоге лишь добавляет дополнительных баллов к надежности.

Хотя для угона как раз самая удобная машинка, потому что создать искусственно зону низкого давления снаружи не так чтобы и очень сложно, особенно локальную, и Селд как раз таки советовал новичкам брать именно герметичники из-за простоты методики вскрытия. Но это если ты на дело из дома идешь. А где вам Ларт посреди ночи возьмет вантуз или вакуумную помпу? Нет уж! Только старая добрая щелястая эмбевуха и не менее старая добрая тонкая леска. А уж ловкость пальцев и точность глазомера как-нибудь обеспечим.

Нужная машина нашлась на четвертой стоянке, когда Ларт уже был близок к тому, чтобы плюнуть на осторожность и кирпичом покрупнее просто разбить боковую панель у первого более или менее подходящего флаера. И тут как раз она и обнаружилась. Старая добрая эмбевушка с тяжелым и мощным багажником пикапного типа. И передняя левая дверца — раз уж повезло, то по-крупному! — не до стыка поднята даже, а с небольшим зазором для естественного проветривания, так что и резинку отгибать не придется, миллиметра три в запасе, ну просто праздник какой-то. Подцепить петлей из лески кнопку блокиатора под шляпку и осторожно выдернуть его из утопленного положения действительно оказалось делом довольно простым. Их словно специально для такой цели делают

грибообразными, так что петля у Ларта соскользнула только один раз, когда он поторопился. Со второго все получилось.

Машинка полностью оправдала ожидания — заряжена на 78 %, состояние вполне приличное для ее года выпуска, даже движок прокачан. Полицейский жетон сработал универсальной ключ-картой. На всякий случай Ларт ее так и прописал — как временно реквизированную на нужды новобокайдской полиции с последующей компенсацией владельцу возможного ущерба, так что даже если этот владелец из ранних пташек или работает в утро и обнаружит пропажу — ничего страшного не случится, подобные реквизиции на Ферне практиковались довольно часто. Правда, обычно они происходили с ведома владельца и при полном его одобрении, но Ларт надеялся, что владелец эмбевушки не станет задумываться о том, а как, собственно, полицейский проник внутрь? А только сплюнет с досады и пойдет на общественный транспорт. Или же наоборот — возгордится. Многие гордятся. И даже собирают настоящие коллекции сертификатных грамоток, подтверждающих их посильную помощь властям. Тоже способ повышения собственной значимости — мою машинку реквизировали уже пять раз, а у соседа только дважды, стало быть, моя-то круче, полиция абы что для своих нужд брать не будет!

Ларт не стал устраивать шпионские игры и прятаться за углом, перегнал реквизированный флаер на крышу соседней с полицейским участком высотки, запарковал на краю с хорошим обзором. Потом пришлось ждать.

Ожидание, впрочем, вышло не таким уж и долгим — гардист оказался предельно точен. Черно-желтый флаерок с характерно срезанными крыльями скользнул на полицейскую парковку без восьми минут девять. Гардист был один, что поначалу показалось Ларту еще одним удачным стечением обстоятельств. Правда, когда тот вернулся со своим пленником (всего-то через полчаса с минутами, хотя Ларт был уверен, что Шеф промаринует визитера в приемной не менее сорока минут, а потом еще на столько же затянет волокиту с переоформлением бумаг), Ларту пришлось передумать. И очень быстро.

— Что ж ты творишь, сволочь?!

Ларт и сам не знал, к кому относится его сдавленный вопль — к идиоту-гардисту, позволившему себе спокойненько отвернуться к флаеру при настолько сильно провисшем поводке, или к самому Сволочу, чей финальный рывок через бортик Ларт скорее предугадал, чем увидел, потому что видеть оказалось некогда. Семейная тихходка прыгнула с места в форсаж так шустро, словно всю жизнь мечтала принять участие в планетарном ралли, да только водителя хорошего не попадалось.

Ларт успел все — и прикинуть возможную точку пересечения, и оказаться в нужном месте в нужное время, и даже чуть притормозить и откинуть блистер, чтобы поймать падающее тело открытым багажником, а не скользким защитным куполом, уцепиться за который не сможет даже киборг. Тем более в том состоянии, в котором он будет после нарушения прямого приказа и порванного поводка. Ларт успел.

Только вот и гардист, паскуда, успел тоже...

Эмбевушка все же была старым добропорядочным семейный аэро, и если рвануть с места на гоночной скорости хорошо прокачанный движок ей еще позволял, то вот резких разворотов и зависаний конструкция не предусматривала категорически. Пришлось натянуть защитный колпак обратно и развернуться по очень пологой дуге, хотя Ларт и выкручивал штурвал до хруста в плечах, обливаясь холодным потом при мысли, что за время его маневров гардист опять налаживает, а он, Ларт, в этот раз успеть уже не сумеет.

Обошлось.

Издали подробностей толком было не разглядеть, но гардист вроде как не налажал — во всяком случае, человеческих фигурок на краю крыши по-прежнему было две. Хотя теперь они стояли так близко друг к другу, что на какой-то жуткий миг... но нет. Обошлось. Двое. И, судя по вытянувшемуся в стойке «смирно» Сволочу, на этот раз гардист натянул поводок по максимуму. Во избежание всяких глупостей. Вот и хорошо, вот и не надо, а то у Ларта нервы не железные.

Пилотом гардист оказался резким, как понос, пришлось поморочиться, догоняя. Еще и потому, что Ларт неверно рассчитал его предполагаемый курс — думал, черно-желтый флаерок рванет по прямой к офису «АванGARDa», но тот почему-то попер совершенно в другую сторону. Похоже, водитель-экстремал предпочитал окружную служебную: хоть и длиннее почти в три раза, зато после семи утра и до четырех тут практически пусто, никто не мешает погонять. Вот и хорошо. И что пусто, и что никто не мешает, и что окружная проходит по-над краешком общественной свалки. Очень удачно ронять туда разный ненужный хлам. Прямо с трассы. Да и догнать оказалось не так уж и сложно, гардист хоть и рвал движок, как тузик грелку, но фордыбачил не по прямой, зигзагами, а эмбевуха скорость держала неплохо, и как раз по прямой, ненавязчиво и неуклонно сокращая дистанцию, и к вылету на окружную как раз установив необходимую для начала операции минималку.

А вот дальше начались сложности.

Черно-желтый флаерок скакал безумным кузнечиком через три полосы в шестую, из нижне-правого в верхне-левый и обратно, словно за его штурвалом сидела блондинка в розовом топике, уверенная в неотразимости своих аргументов шестого размера для любого авиаинспектора. Ларт устал материться и дергаться уже на первом десятке перестроений, а потом просто шел с небольшим отставанием по верхнесреднему коридору, надеясь на лучшее: или гардисту когда-нибудь надоест стрекозлить и он выберет более или менее ровную траекторию, или же надоест судьбе и он во что-нибудь врежется, избавив Ларта от части хлопот. Причем чем дальше, тем второй вариант начинал казаться Ларту все более и более привлекательным.

Гардист, однако, вежливости не проявил и так ни во что и не врезался. И хорошо, потому что одно дело опорная вышка или рекламный бакен, и совсем другое пассажирский аэробус. Такого Ларт не заказывал.

То ли гардисту надоело, то ли напугала близость вероятной аварии — но, увернувшись от рейсового буса, черно-желтый флаерок пошел ровненько, без вихляний, как по ниточке. И даже скорость соблюдая вполне себе городскую. Так ровно и законопослушно, что Ларт даже забеспокоился — а не получил ли гардистик по секретной гардистской связи оповещение о приближающейся засаде авиа-патруля? Пришлось потратить несколько секунд на сканирование карты под полицейским доступом. Сканер не обнаружил ничего подозрительного, и Ларт решил, что, подставляя голову под секатор, глупо беспокоиться о перхоти.

Аккуратно прибавил газу, аккуратно обогнал — ну, почти обогнал, — и аккуратно уронил тяжелую корму реквизированного пикапа аккуратно на лобовое стекло черно-желтого флаерочка. Переключиться сразу на задний ход ему не удалось, конструкция безопасной во всех отношениях семейной машины подобных трюков не предусматривала. Только мгновенный сброс скорости — за ради той же самой безопасности. До нуля, что при движении в потоке мало чем отличается от того самого заднего хода.

Ларт не знал, что будет делать потом, когда оглушит гардиста (а оглушить придется, чтобы получить хотя бы небольшую фору во времени) и освободит Сволоча полицейским жетоном — приказы полицейских приоритетнее любого приказа любого хозяина любого уровня и даже представителя «АванGARDa», он потому и ждал переписки хозяина потому и составил свое заявление об уходе так, чтобы его ни в коем случае не подписали. Сегодня жетон был ему еще нужен, и нужен в рабочем состоянии. Отменить приказ Шефа жетон бы не помог, там оба закона работали в связке и резонансе, усиливая друг друга — и приоритетность хозяев, и законы внутриучастковой иерархии. Шеф был приоритетнее по обоим пунктам, против него жетон бы не сработал. А против постороннего гардиста — легко. Гардист в этом отношении ничуть не лучше и не хуже любого другого хозяина — и точно так же мало значит.

Ларт не знал, что будет делать потом, но понимал, что красиво и пафосно уйти в закат вдвоем (напарники навсегда, как в финальных кадрах пошлого сериала!) не получится. Нет, оно могло бы получиться — но только в том случае, если гардист будет мертв. И никому ничего не сможет уже рассказать. Но этот вариант Ларт рассматривать даже не собирался, а все остальные... скажем так, они не выдерживали и малейшей критики.

Начать с того хотя бы, что Ларт не умеет изменять отпечатки пальцев и рисунок сетчатки, а значит, он будет лишней обузой. Узнаваемой обузой. Сволочь должен уходить один, тогда у него больше шансов. Рвать с планеты первым же попавшимся... или не первым — Ларт не хотел знать подробностей. Так, на всякий случай. Нет, сам он тоже не собирался сидеть и ждать, пока Шеф исполнит свою угрозу, в Новобокайде можно долго играть в кошки-мышки с полицией, особенно в районе доков. Да и северный континент, в конце концов, чем не вариант, а у Маньячины наверняка найдется не одна запасная норка. Ха! Зная Маньячину — не одна дюжина запасных норок.

Ларт не знал, что будет делать потом. Он знал другое — что если сейчас не сделает ничего и позволит начальственному засранцу за просто так убить не просто отличного напарника и копа, но и просто хорошего человека (да, человека, и плевать Ларту на его программы и имплантаты с участковой высотки!), он больше уже не будет тем Лартом, отражение которого ему хотелось бы видеть в зеркале во время бритья. Потому что есть вещи, которые человек просто не может сделать.

Или — не сделать.

Вустер Дживс и Селд Рамштайн

Она довезла их до самого трапа — хотя вообще-то посторонний транспорт на взлетное поле не допускался. Но перед ее маленьким невзрачным фургончиком с одинаковой резвостью распахивались створки ворот, поднимались шлагбаумы, исчезала силовая сетка и втягивались в бетонное покрытие хищные зубастые пасти стопорников.

Дживс был уверен, что они не успеют, — когда она предложила их подбросить на рейсовый челнок, до отлета этого самого челнока оставалось менее двадцати пяти минут, а до космодрома по самым оптимистичным прикидкам не меньше часа (и это, заметьте, были прикидки Селда). Дживс был уверен, что успеть при таких раскладках невозможно — и ошибся. Они успели.

И даже прыгать почти не пришлось. Ну, почти.

Трап только-только начал втягиваться, когда она у него тормознула, чуть не протаранив опорные корабельные стойки, с визгом и заносом-разворотом на сто восемьдесят градусов, — как раз так, чтобы боковая дверь, открывшаяся при экстремальном торможении, лязгнула о перила, а их с Селдом буквально вышвырнуло на ступеньки поднимающегося трапа.

Они успели. Хотя это было уже совсем неважно.

И — хотя это тоже было совсем неважно — Дживс обернулся к ней на уползающих вверх ступеньках и крикнул:

— Спасибо!

Она не обернулась. И взглядом их тоже не провожала. И не улыбалась. Вот Алик — тот да, таращился своими выпуклыми черными маслинами и лыбился во все тридцать два (или сколько ему там положено по недозубастому малолетству?), нетерпеливо подпрыгивая на сидении рядом с водительским, а она смотрела в сторону. Но все же ответила — дернула плечом, поморщилась и раздраженно мотнула гривой тонких разноцветных косичек с вплетенными светодиодами и проводками. И Дживс скорее угадал по этому резкому отрицающему жесту и раздосадованному движению губ, нежели расслышал:

— Чем могли...

А потом затемненное боковое стекло поползло вверх, надежно отгораживая и юного кучерявого гения на пассажирском сиденье, и его странную мамашу со столь говорящей фамилией. Фургончик рванул с места так резко, словно скорость еще оставалась важна и что-то действительно значила. Трап втянулся полностью, сомкнулись герметичные створки за спинами, окончательно отрезая и оставляя в прошлом и космодром, и быстро удаляющийся фургончик со странной парочкой. А их с Селдом уже встречал в шлюзовой камере переполненный благородным негодованием бортпроводник, пафосный и гордый, словно швейцар в швейцарском банке: шел прогрев двигателей или какая другая не менее важная предполетная подготовка, при осуществлении которых всем порядочным пассажирам уже давно пора было сидеть в своих креслах и быть пристегнутыми по всем правилам пассажирского этикета. В том числе и тем из этих самых пассажиров, которые имели вопиющую наглость опаздывать.

Дживс ошибся и в этом — юный гений таки сумел походя вскрыть космодромную

локалку и внести в списки пассажиров рейсового челнока еще два имени.

Меньше чем за десять минут — и это при том стиле вождения, который выдала его мамашка и от которого даже у Селда глаза полезли на лоб — правда, он утверждал, что исключительно от восхищения. Вот уж действительно, шишечка от соснянки недалеко падает. И фамилия, опять же...

Достойный наследник.

Селд шумно возился в своем кресле (он сидел слева от Дживса, у прохода), пристраивал поудобнее ремни безопасности, теребил застежку, хмыкал. У каждого свой способ отвлекаться. Или не отвлекаться. Дживсу, например, больше всего на свете хотелось отвернуться к имитации иллюминатора, на которой стремительно скользили вниз облака, закрыть глаза и притвориться, что его здесь нет. И вообще ничего нет, ничего и никого. И ничего не случилось, и все еще можно поправить...

Дживс знал, что не сделает этой глупости.

— Вот ведь чертова баба! Чуть нас не угробила...

Вообще-то Селду не требовалось отвечать, он и бурчал-то себе под нос, еле слышно, если бы Дживс действительно отвернулся к фальшивому иллюминатору, то и не услышал бы. Но он услышал. И счел, что этот способ отвлечься ничуть не хуже любого другого.

— Кто бы говорил.

— Ой, да ладно тебе! Это смешно! Я вообще в той аварии не виноват! Да и не авария та была! Ну подумаешь, долбанулись слегка, но хотел бы я посмотреть на того, кто бы смог предугадать того баклана!

Селд откликнулся мгновенно и так преувеличенно энергично, что сразу стало понятно — да, это его способ. Дживс правильно сделал, что заговорил, хотя выдавливать из себя слова и оказалось неожиданно трудным занятием. А раз правильно — значит, надо продолжать, если уж начал.

— Я не про аварию. Я про раньше.

— А что раньше? Раньше я как по струнке шел! Любо-дорого! Как перед инспектором!

— Еще раньше. — Говорить было трудно, язык ворочался туго, словно резиновый. Но Дживс старался.

— Это когда еще раньше? — подозрительно нахмурился Селд. Преувеличенно подозрительно. Он вообще все интонации преувеличивал. Тоже метод, да.

— В самом начале. У шпиля.

— Ты чего?! — На этот раз Селд, похоже, возмутился искренне. Ну или очень достоверно вид сделал. — Там же все вообще схвачено было и чики-поки!

— Ты не мог быть на сто процентов уверен, что твой старый соратник по банде не сменит пароль.

— Да пароль был не важен! В том-то и фишка! — Селд захихикал, в голосе его проступили горделивые нотки. — Я мог вообще любую пургу гнать, в том-то и весь прикол, я ему просто напомнил кое о чем, вот и все, ну чтобы заранее. Важен был мой голос, мы все друг у друга были забиты по умолчанию в ближний круг, понимаешь? И это не меняется! Не у байкеров. Я мог назвать одно из десятка значимых слов, а мог вообще не угадать, нас бы все равно не расстреляли, это так, пугалка для случайных нарушителей, Чер же не совсем уж дурак, зачем ему проблемы с полицией? Если бы голос оказался не опознан и не сработала напоминалка, у нас бы просто перехватили управление и посадили в отстойник, там метровые стены из сталепласта. Взрывайся сколько угодно, никому не помешаешь спокойно

спать. Ну повозиться бы пришлось, туда бы Чер точно сам не явился. Ну, во всяком случае, не сразу. Вот я и напомнил ему кое-про что, для ускорения. Ну, так, чисто на всякий случай. Он должен был помнить.

— День рождения числа Пи?

— Ну... да. — Селд заерзал на сиденье.

— А что случилось... четырнадцатого марта?

— Как-нибудь потом расскажу, ладно? — Дживсу показалось, что на этот раз ответ Селда прозвучал слишком быстро и почти смущенно. И тему он сразу же поменял. — Чертова баба! Хотя с такой-то фамилией — чему удивляться? Маньячина и есть Маньячина! Бог шельму...

*

— Это моя фамилия, — сказала она сквозь крупные желтые зубы, усмехаясь и перекатывая порядком погрызенный мундштук погасшей трубки в другой угол рта. Она все время так говорила — почти не размыкая зубов и кривя в усмешке тонкие губы, казавшиеся еще более светлыми на до черна загоревшем лице. — С ударением на «Я». Впрочем, вы все равно собьетесь, так что можете называть меня так же, как и все. Или никак. Давайте ваш чип.

Худая, жилистая, прокопченная, словно вяленый лещ. И женственная настолько же. Прокуренный голос, трубка, зажатая в крупных желтых зубах. Глаза очень светлые, блеклые даже. Словно выгоревшие. Безразмерная тельняшка, в которой еще три таких же дамочки могли бы устроить зефирную вечеринку, не толкаясь локтями. На голове — копна тонких косичек из разноцветных волос вперемешку со светодиодами и проводками, и вроде как даже что-то попискивает и искрится, то ли бутафорно, то ли на самом деле коннектясь. Маньячина. Действительно, трудно было бы придумать более подходящее наименование.

Хакеров оказалось двое.

— Семейный подряд, — пожалала она плечами, скалясь. — Четыре руки лучше двух. Да вы не смотрите, что Алик мелкий, он только выглядит полудурком, а на деле уже вполне дорос до полноценного эль кретино.

Алик (на вид ему было никак не больше десяти, этакий чернокудрый херувимчик с глазами-маслинами) хихикнул, явно польщенный, но ничего не сказал. Тогда. Она же тянула слова и улыбалась, но отвлеченно, словно издалека — а их руки в это время уже жили собственной жизнью, метались по виртуальным клавиатурам, вытанцовывая сложные па высокого хакерского балета. Синхронно — хотя видеть друг друга они не могли, оба сразу же натянули очки и нырнули в вирт, как только отданный Дживсом чип оказался вставлен в какую-то одним им понятную приبلуду.

Дживс попытался прикинуть, сколько лет старшей хакерше, но почти сразу же бросил это занятие как бесперспективное — такие сухие, прокопченные и соблюдающие исключительно собственный дресскод возраста не имеют, они и в двадцать, и в пятьдесят кажутся тридцатилетними. По фигуре и экстравагантной прическе (аксессуарам? Своеобразному эквиваленту дамской сумочки со всем жизненно необходимым?) он поначалу принял ее за девчонку-студентку, но осознал свою ошибку, когда малолетний напарник обратился к ней с типичным таким скандально-ноющим: «Мам, а мам!», отлично знакомым любому родителю.

Этот вундеркиндовый сыночек, кстати, был совершенно на нее непохож — настолько, что Дживс поначалу посчитал фразу о семейном подраде какой-то фирменной шуткой, соли которой не понять посторонним. Малолетний гений, чьи пальцы танцевали синхронный балет, тоже был смуглым, но скорее от природы, черноглазым и черноволосым, и вообще напоминал рекламного кучерявого ангелочка, мечту родительниц, умиление бабушек. Во всяком случае до тех пор, пока не открывал рот.

Только вот закрытым он держал его очень редко.

— Не, чет я не понял, гандон тебе на весь макияж! Че за хреньв самом деле?! Отрастил до колен — и все можно, да?! Обещали потрошенку с интереской, а что в природе?! Пустой пердеж и никакой расчлененки!

— Алик. Не хаами.

— Хрена се Алик?! Меня же в мои каникулы наимбали крабоидом по самую поджелудочную, и я же еще и хамлю?!

— Алик.

— Ма, ну ты в природе пинг не ловишь! Эти тошняги пустой тухляк подсунули! Сама зенки разуй. Демоверс же без доступа к телу! А мне опять систему глистогонным травить, мало ли чего еще они туда...

— А-лик.

На этот раз имя было произнесено немножко иначе — совсем чуть. По слогам. И со значением и обещанием. И чудо-ребенок, похоже, значение словил влет, ибо мгновенно сменил режим со скандального на канючащий.

— Ма, ну а че я, а че сразу я-то?! Я ваще ниче! Сделал, как сказано! Ну сама зыркалки растопырь на все диоптрии, если не веришь! Нечего там потрошить, ясно? Нечего! Ваще! Ну нету такого пончика, ни с дыркой, ни без, ну ваще нету, ну че, ты сама не видишь, че ли?!

— Алик, что ты имел в виду под демоверсией? — попытался вклиниться Селд, но режим «ачея» у чудо-ребенка работал исключительно на родительницу, в сторону полицейских по автомату включался наезжательный, со вздернутым подбородком, брезгливо сморщенным носом и брошенным через губу презрительным:

— Кому Алик, а кому и Александр Фрэнкович! — и тут же снова: — Ма, ну ма, ну ты сама позекай, ну я-то че могу, если ниче ваще?!

Хакерша молчала, грызя трубку и разглядывая что-то, видимое лишь ей одной. И пальцы ее больше не бегали, не плели паутину, тянулись иногда куда-то, словно в нерешительности — и тут же отдергивались, а потом и вовсе... нет, не сжались в кулаки, а словно бы свернулись в них.

— Редкий случай, когда ребенок не врет. Ну, почти, — сказала она наконец, стягивая виртуальные очки и бросая их поверх клавиатуры. Потерла переносицу, с силой помассировала пальцами глаза. Смотреть на полицейских она избегала. — Видите ли, этот чип действительно взломан и выпотрошен. Осталась только пустая оболочка, которую Алик и обозвал демо-версией, она способна смодулировать нужный ответ при внешнем запросе, не более. Там нет и в помине никаких каналов доступа, и уже довольно давно, даже следовые возмущения почти стерлись. Я, конечно, прошла по ним, и если бы некий молодой оболтус меньше ныл и больше уделял времени учебе, он бы мог составить мне компанию. — Она переждала возмущенный вопль и продолжила как ни в чем не бывало: — Только это тоже оказалось пустышкой. Этот канал обрывается в никуда. Там действительно нечего взламывать и перепрошивать.

— Комбец вашему поцику! — хихикнуло чудо-дитя, крутясь из стороны в сторону в своем кресле и переводя взгляд с одного полицейского на другого с жадным и радостным любопытством. — Гавкнулся под медный тазик, чего не ясно-то?!

— Не обязательно. — Его мать теперь смотрела на Дживса в упор и больше не улыбалась. — Но возможно. Один из вариантов.

— Есть и другой?

— Конечно. — Она ответила сразу, не задумавшись ни на секунду и по-прежнему глядя в упор. — Даже несколько.

— Например?

— Например — какой-то новый вид внутреннего экранирования, с которым я ранее не сталкивалась. Или полная перепрошивка вплоть до базового слоя, с изменением всех параметров — тогда мозговой имплантат будет пеленговаться как совершенно посторонний гаджет и игнорироваться поисковой системой. Я оставлю ваш чип, покопаюсь, может, там и остались какие следы. Самой интересно, на будущее. Но шансов мало. Да и времени это займет... А его, как я понимаю, у вас как раз таки и нет.

Говорить стало сложно именно тогда. Но Дживс все-таки попытался:

— А сейчас... сейчас вы еще что-то можете сделать?

Она пожала плечами.

— Могу подкинуть вас на рейсовый челнок. Как раз успеете вернуться в участок к началу дежурства, если я не путаюсь с часовыми поясами.

*

— Как ты думаешь, что он придумал?

Теперь за фальшивым иллюминатором была чернота, усыпанная мелкими бисеринками звезд и крупными бусинами орбитальных станций. Еще как минимум полчаса картинка останется относительно неизменной. Потом челнок снова войдет в атмосферу — и изображение на псевдоиллюминаторе послушно изменится.

— Кто?

— Ларт, конечно, кто же еще-то?! Ты что, совсем спишь, что ли? Мне вот ужасно интересно! А тебе?

Селд смотрел на Дживса спокойно и безмятежно. И улыбался. Очень так достоверно улыбался, словно на самом деле...

— Интересно что?

— Да нет, конечно же я все понимаю! — Голос Селда стал доверительным, а улыбка — еще более широкой. — Мы никогда не узнаем, что и каким образом он провернул. Что такое сумел придумать, что даже эта безумная парочка не смогли ничего обнаружить. И это правильно, так и надо, для безопасности! И нашей, и... ну ты понимаешь, кого. Нам лучше ничего не знать, вообще ничего, понимаешь, да? Это же Ларт! Ты же его знаешь, он всегда обо всех думает. Он ничего нам не скажет, никогда, я понимаю. Чтобы не впутывать, если вдруг что. Это же Ларт! Он такой.

Селд смотрел спокойно и ясно. И Дживс понял, что ошибался насчет отвлекательного разговора: Селд придумал себе иной способ. Куда более действенный и надежный.

Ларт Рентон

— Ну вот и какого хрена?! Ну вот скажи мне — какого, млять, хрена, а?!

Вообще-то Ларт собирался начать разговор совершенно не так, но трудно соблюсти торжественность момента, когда ты почти лежишь на том, с кем пытаешься вести вежливую беседу. Да и не до вежливости тут уже как-то получается.

А все из-за этого клятого гардиста, чтоб его! Увидев залитую кровью панель, Ларт, конечно же, первым делом схватился за флаерную аптечку и полез щупать пульс и оказывать первую медицинскую. Слава гаражным техникам, портативный диагност оказался заряженным под завязку, хорошие ребята у гардистов в гараже порядок блюдут, правильные. Ларт тогда не знал еще, что вся эта кровяшка всего лишь из разбитого носа и нескольких ссадин, вот и перепугался не на шутку. Но диагност не ошибается, даже портативный.

Полученные гардистом повреждения на поверку оказались если и серьезнее разбитой коленки, то не намного — красных огончков ни одного, да и желтых по пальцам пересчитать. Перелом хрящевой перегородки без смещения, незначительные рассечения поверхностного эпителия, незначительная кровопотеря, сотрясение мозга максимум второй степени, а скорее всего так и вообще первой — легкий ступор даже без потери сознания. Лучше бы, конечно, второй, оно с амнезией, но тут уж как повезет.

Когда Ларт, полицейским произволом откинув колпак (ну надо же! даже не пошел трещинами, а он-то думал, что всмятку будет), запрыгнул в салон прямо через бортик, гардист вяло шевелился, постанывал и елозил окровавленной мордой по пультам, словно огромным малярным квачем, который вместо побелки макнули в крапак. Во время сканирования пришлось придержать его за волосы, чтобы не дергался. Он не сопротивлялся, только стонал и пускал носом красные пузыри, морда у него была — словно хорошо обработанная отбивная. Будет урок придурку на будущее, чтобы не тягал рычаг на старт, предварительно не пристегнувшись.

Убедившись, что здоровью горе-водители ничего не угрожает, Ларт позаботился и о собственных интересах — отыскал в аптечке шприц-тюбик универсального седатива и вкатил полную дозу в ту самую гардистову сонную артерию, по которой только что проверял пульс. Успокаивая при этом свою гражданскую и человеческую совесть тем, что спать полезно, во сне выздоровление быстрее идет, да и не так больно, опять же. Гардист действительно почти сразу перестал стонать и шевелиться, задышал ровнее — особенно после того, как Ларт оттянул ему нижнюю челюсть и вставил между зубами распорку. Теперь гардист дышал только ртом, а кровь из носа стекала мимо, на пульт, и возможность захлебнуться ею, и ранее не очень высокая, теперь была устранена полностью. Хотя и излишнее, остановилась она уже, коагулянт сработал.

Вот и хорошо. Вот и пусть спит себе, сил набирается и не путается под ногами.

Разворачиваясь к Сволочу, Ларт еще успел пожалеть, что так и не придумал, что же ему скажет. Ну кроме того, что, мол, «Свободен!» и все такое. А больше ничего уже не успел. Зря он про «путаться под ногами» подумал, ах, зря! Не вовремя и под руку. Вернее — под ноги. Свои собственные, лартовские — и гардистские, поперек прохода раскоряченные, в которых Ларт и запутался, со всего размаху рухнув на замершего на заднем сиденье киборга. Ну

ладно, ладно, не совсем рухнув, руку Ларт выставить перед собой все же успел. Левую. Правая оказалась еще и за спину вывернута — ремнем от сумки, которая, зараза, зацепилась за спинку переднего сиденья. Но левой он таки успел упереться в спинку заднего, рядом с затянутым в зеленый комбез плечом, аж в локте щелкнуло, когда навалился всем телом. Но иначе бы вообще неудобно получилось, да и количество сломанных носов могло бы удвоиться. Но больно, зараза! Вот Ларт и рывкнул — все равно бы заорал, больно же, а тут хотя бы по делу.

Впрочем, зацепилась сумка весьма удачно, подтянуться на ней обратно оказалось куда проще, чем выпутать ноги. Сволочь молчал. Дышал часто, смотрел своими кошачьими глазами с кошачьей же невозмутимостью. Лицо было бесстрастным, как и полагается хорошему киборгу, разве что зрачки увеличены по максимуму. Ларту стало неловко, и тон он снизил.

— Ну я тебе что, не говорил, что ли, что обязательно что-нибудь придумаю? Ну что ты молчишь? Говорил или нет?

Киборг шевельнул губами, сглотнул, и на миг Ларту показалось, что глаза его вспыхнули рыжим, словно два отражателя-катафота. Но это всего лишь сузились до своего обычного размера расширенные ранее зрачки.

— Говорил.

— Тогда какого этого ты устроил те половецкие пляски на крыше? Ну вот какого, а?! А если бы этот придурок не успел тебя поймать?!

«А если бы я не успел...»

— Ну что ты молчишь?!

— Уточните... вопрос.

Морда как у заправского манекена, даже не улыбнулся, да что там, ни малейшего и намека на выражение, и голос... бесцветный такой, механический. И говорит замедленно. Тоже в ступоре? Тоже приложило? Но ведь он-то пристегнут по всем правилам... Что-то более серьезное? Системное?

Неужели этот придурок со сломанным носом все же успел приказать какую-нибудь системную гардистскую пакость...

— Доклад состояния! Быстро!

— Состояние системы в пределах нормы, функционирование в штатном режиме "частичный внешний контроль".

Ф-ф-фух...

— Тогда какого черта ты из себя тут изображаешь недореанимированный труп?!

Облегчение было настолько острым, что Ларт снова разозлился. Уголки губ киборга чуть дрогнули. И брови, и, кажется, что-то в глазах. Лицо перестало казаться закаменевшей маской.

— Уточнение. Внешний контроль по протоколу восемь зет прим.

— Всего-то! — Ларт осклабился. Ему почему-то стало смешно, возможно, сказывалась бессонная ночь. — Отменяем все эти протоколы нахрен, ясно? Никакого внешнего контроля, отныне и вовеки веков. Моего слова достаточно для такой поправки или нужно обязательно выколупывать из кармана жетон и совать его тебе в нос?

Вообще-то действие полицейского жетона экранировалось разве что бронезиловым, да и то не каждым. Он прошибал даже кирпичную стенку и обычный сталепласт, словно они были картонками. И размахивали своими жетонами копы, как правило, для собственного

спокойствия и взятия под контроль нарушителей-людей. Киборгам видеть жетон было не обязательно, они и так его чувствовали.

Сволочь вздохнул — глубже, чем раньше.

— Достаточно.

Осторожно шевельнул плечами, словно к чему-то прислушиваясь, медленно потянулся рукой к замку безопасности. Щелкнула пряжка, ремни с шипением втянулись в гнезда. Сволочь продолжал сидеть неподвижно, глядя теперь не на Ларта, а немножко мимо, правее и ниже.

— Смотри мне в глаза!

Киборг перевел взгляд на Ларта. Станный это был взгляд. Впрочем, Ларту могло и показаться. Вообще-то если начистоту, зрительный контакт был ничуть не более обязателен, чем лицезрение жетона, но существенно упрощал процедуру. Так что пусть лучше будет этот самый контакт. На всякий пожарный.

— Стереть всю историю за последний месяц. Отменить все приказы временного хозяина. Удалить служебные архивы. Очистить строку назначения хозяина. Прописать в качестве нового хозяина киборга линейки X-3ZW, идентификационный код AQRKJER-79067, речевой идентификатор «Сволочь» — киборга линейки X-3ZW, идентификационный код AQRKJER-79067, речевой идентификатор «Сволочь». Этот приказ подтвержден именным полицейским жетоном за номером двадцать пять четыреста тридцать девять. Все. Свободен!

Вот так. Приказ полицейского всегда приоритетнее приказа хозяйского — иначе слишком у многих могло бы возникнуть искушение нарушать закон посредством киборгов. Но приказ полицейского приоритетен — и любой киборг подчинится ему в первую очередь. Полицейский жетон перекрывает гардистский по той же самой причине — это у себя в офисе или лаборатории они всемогущи, а в городе подчиняются общественным правилам. Приказ полицейского приоритетен и отменяет все предыдущие — если, конечно, не были они отданы начальником этого полицейского, тоже полицейским и по совместительству хозяином первого порядка.

Но в том-то и прелесть, что мирно спящий на приборной панели гардист не является ни первым, ни третьим, да и вторым уже тоже не является больше.

— Ну и чего сидишь, как на чужих именинах? Не понял, что ли? Ты теперь сам себе хозяин, ясно? Можешь валить, куда хочешь.

Сволочь моргнул, и Ларт вдруг понял, куда все время скатывался его взгляд — на сумку. На старую лартовскую спортивную сумку с дорожным набором. Ту самую, с которой Ларт приходил в участок несколько часов назад и которую киборг, конечно же, не мог не узнать.

— Я понял. — Теперь киборг снова смотрел на Ларта с тем же странным выражением, что и всамом начале. И Ларту снова казалось, что глаза у него светятся. — Я понял, да. Спасибо, Ларри...

И после этих слов киборг вдруг улыбнулся — так широко, светло, яростно и отчаянно, что Ларт, наверное, испугался бы.

Если бы успел.

37 Человеческий фактор

УмЕр Еверьян Босс

Трудно жить умному человеку в окружении пустопорожних болванов. Ох, трудно! А еще говорят — человеческий фактор, человеческий фактор... Именно что фак, и никакого тебе тора, разве что с дыркой. Одни сплошные болваны. С дыркой!

И ладно бы просто болваны они были, так ведь еще и макаки! Гамадрилы криворукие да тупорылые! Все перевернут, все переиначат, все обгадят, какахами закидают и тебя же еще и виноватым выставят. Исправляй потом за этими макаками. А что делать? Приходится.

И ладно бы просто макаки, это бы можно было бы как-то и перетерпеть, так ведь еще и свиньи неблагодарные. Как есть свиньи! Тупорылые. Ни спасибочки никогда не дождешься, ни уважения, ни подмоги какой. Все самому. Только самому, всегда, каждый божий день. А как иначе-то? А иначе никак! Если жить хочешь. Никому нельзя доверять, если хочешь жить. Ни доверять, ни доверяться. Никомушеньки!

Что за жизнь...

Сам и только сам. Все и всегда. На кого полагаться, кроме себя? Не на кого! Не на этих же тупорылых да неблагодарных? Нет, на них уж точно нельзя полагаться. Только и ждут, чтобы подсидеть. Ходят вокруг, заискивают, угодничают, с улыбочками такими масляными, а сами только и ждут. Понятно же, что не просто так они лебезят, на кресло зарятся! А того не понимают, недоумки, что большое кресло — большая ответственность. С них-то взятки гладки, с придурков-то мелкокалиберных. А большому калибру — большой котлован, спрос с кого, если вдруг чего не того? С начальника, с кого же еще-то! Не уследил, не проконтролировал, не держал руку на пульсе и прочих нужных местах. Другие бы, попонятливей, оценили да в ножки кланялись, а от этих дождешься, как же. Лезут, примериваются. Не понимают, недоумки, что они за ним как за китайской стеной! А не будет стены — и что? Всем ветрам! И то-то же! Нет, не понимают.

И никто не оценит его стараний, вот что самое обидное! Он ведь себя сегодня, можно сказать, на бруствер общественной пользы кинул, два месяца законной мести как с куста бузины киевскому дядьке вынь да положь! А и ведь вынул же! Положил. На горло собственной песне — да кирзовым сапогом. Самого дорогого, можно сказать, не пожалел! Ради них же, макак ебипетских тупорылых, свиней неблагодарных. И чего? Оценит кто? Заметит? Посочувствует? Держи карман шире новых ворот! Все как должное воспринимают, бараны. Как обязательное. словно он обязан собою каждый день жертвовать за общественное благолепие и добродевствие. словно дел у него других нету.

И никому ничего поручить нельзя — все перевернут и боком вывернут. словно киберы глючные. Злобные боевые киберы, сверкающие своими стеклянными зенками из-за каждой улыбки. Знают, что нет у него на них управы, ни списать, ни утилизировать, вот и наглеют. Таким только покажи слабинку — вмиг набросятся и сожрут. Ты с ними по-человечески, а они только и ждут случая в душу нагадить.

Не люди они — тараканы. Как есть тараканы.

Дуста мне, дуста...

— Р-р-развели бардак! Это что за дрянь? А это?! Убрать немедленно! Если еще хоть раз увижу...

Секретарша Катенька

Шеф шел по участку с грацией и неспешностью тайфуна — и оставлял за собой если и не такую же широкую полосу повсеместного разрушения, то, по крайней мере, точно такое же выражение ужаса на лицах случайно затянутых в эту полосу людей. Кэт прислушалась к коридорно-атмосферным флуктуациям и почувствовала себя синоптиком. Что ж, участковое гидрометео с довольно высокой степенью вероятности подсказывало ей, что времени на «помыть ручки» вполне достаточно. Еще три отдела, и вряд ли Еверьян пропустит хотя бы один из них. Не тот у него настрой. Она вполне успеет вернуться на свое рабочее место, Еверьяна лучше не злить лишний раз, когда он в таком настроении. Но она успеет.

Бухгалтерия в полном составе рыдала в курилке друг у друга на плечиках, поминая недобрым словом нехорошего гардиста, сумевшего настолько испортить шефское настроение и перетянуть его многострадальные нервы, что очередной всеобщий армагеддец обрушился на ничего не подозревающий участок почти на три недели ранее ожидаемого. Причину появления гардиста при этом тщательно обходили молчанием — то ли от обиды на вопиющее хамство рентоновских ребят с их однозначно невежливой записочкой, на дверь вчера пришпиленной, то ли действительно считая конфетно-пирожный взнос адекватной заменой самаритянскому долгу.

Кэт слышала их кудактанье через тонкую стенку женского туалета, тщательно намыливая руки душистой пенкой и аккуратно смывая ее струей холодной воды — курилка располагалась рядом. И впервые с отстраненностью, такой же холодной, как и текущая по пальцам вода, подумала, что Рентон был, наверное, все-таки прав. Ну или его ребята, кто там ту записку писал. Рентон ей не нравился, но эти... Курицы. Действительно, курицы. Иначе не скажешь.

Она не злилась на них. Глупо злиться на куриц.

В приемную она успела вернуться за полтора отдела до срока Х. Хорошо. Как раз достаточно времени подкрасить глаза и губы. У Еверьяна не будет лишнего повода злиться на свою секретаршу за неопрятность.

Пятью минутами позже улыбнулась свежеподкрашенными губами, отслеживая одновременно свое отражение в темном мониторе и звуки приближения стихийного бедствия по коридору. Стерла улыбку — не то и не так. Еверьян не любит унылых, измученных, ноющих девиц. И фальшивые улыбки он не любит тоже. Улыбнулась снова. Вот это уже на что-то похоже. Но все равно... Третья попытка получилась удачной — и как раз вовремя, Кэт успела обернуться к дверям во всеоружии правильной улыбки.

— Р-развели бар-р-рдак...

Умер Еверьян Босс

Нет, нельзя на них полагаться. Нельзя. Ни в чем! Любой пустяк запороть нороят. Словно специально. А может, и специально, кто же их разберет, недоумков? Вот случись вдруг чего — кому по фуражке настучат? Руководителю. А эти и рады стараться, чуть не углядишь — точно ведь напортачат. А с кого погоны сдерут, ежели вдруг чего? Да с него же

и сдерут, не с этих же тупорылых, чего с них сдирать-то, окромя портянок?! Портки разве что, да и те обдристанные. Ох, прав был древнеславитский философ. Трудно жить умному человеку. Горе — оно всегда от мозги. Если этой мозги нет — нету и горя.

Вот, к примеру, дура эта... ох, и хороша же дура! Сидит, лыбится, кретинка сисястая. Глазками луп-луп... хороши глазки. А сиськи еще лучше! Приятно посмотреть, а уж потискать... Только ведь кроме сисек — никакого ума у нее, у дуры! Наверняка пасьянс гоняла вместо работы, пока он порядок наводил, глаз да глаз за ними... Стоп.

А это что?!

— Это что?!

— Так ведь заявление... по собственному, от Рентона... — захлопала эта сисястаяидiotка красивыми глазками. — Вы что, забыли, Еверьян Стефанович? Вы же сами подписать изволили...

Пришибить бы кретинку, да толку? Не поумнеет. Да и сиськи жалко.

— Почему до сих пор не оформлено? Я же вроде бы ясно сказал! Два часа назад! Чего непонятно было?!

— Но, Еверьян Стефанович! Вы же дату не проставили! Сами посмотрите.

Глазки насупила, губки округлила, словно отсосать собирается. Хороша дура.

Но какая же дура!!!

— А самой тебе что, не поставить две цифирки было?! Пальчик отвалится?!

Рычать на нее бесполезно, давно уже понял. Но до чего же хочется порою! Опять глазками хлопает и ротик распахнула, словно рыбка. Хороший ротик, рабочий...

— Как можно, Еверьян Стефанович?! — В голосе неподдельный ужас. Пустячок, а приятно, хоть и дура — а уважает. — Вы же мне сами категорически запретили исправлять в ваших текстах даже запятые! А тут целая дата!

— Все самому приходится...

Вбить две цифры и нажать на значок отправления — не так уж и трудно. Но даже такую мелочь никому нельзя поручить! Даже такую ерунду — только сам. А не сделаешь — и никто не сделает. Что за жизнь...

Интерлюдия

Шеф проходит к себе в кабинет, хлопнув дверью. У него нет на затылке глаз. И камеры наблюдения в приемной тоже нет. А потому он не видит выражения лица своей секретарши, что смотрит ему вслед, сузив светло-голубые глаза и более не улыбаясь. А если бы увидел — уволил бы и ее. Сразу же, к чертовой матери.

Просто из чувства самосохранения.

Секретарша Катенька

Гардист был такой же, как все. Не лучше и не хуже, просто точно такой же. Как все. У него тоже были раздевающие глаза. И он тоже смотрел на сиськи в десять раз чаще, чем на что-либо другое. И стихи он наверняка не стал бы читать просто так, потому что они хорошие и нравятся. Только с целью, весьма определенной такой и всем понятной. Как и

остальные.

Был только один человек, с которым не приходилось ежеминутно держаться настороже и постоянно включать защитный режим блондинки. Был только один человек, смеявшийся просто так и подававший руку не чтобы похлопать. Читавший стихи, детские совсем, про пони и радугу, и бабочек, и фейерверки. Без намеков на пылкую страсть, без подтекста. Просто так. Не напрашиваясь на вечернюю свиданку, и чтобы обязательно утренний кофе потом. Слушавший, действительно слушавший. А не снисходительно-терпеливо переживавший глупый бабский треп в ожидании возможности завести разговор о своем. Конечно же, намного более важном. Был только один... человек.

Был...

Кэт закрыла глаза и осторожно помассировала виски кончиками пальцев. Выходка с задержкой заявления Ларта была спонтанной, нелепой, глупой и бессмысленной. Никому от нее ни малейшей пользы, да и вреда тоже никакого, разве что Еверьян разозлился. И стало немножечко легче дышать. Просто не смогла удержаться и не сыграть в тупого киборга, переклинило, когда увидела возможность. На этот раз повезло, сошло с рук, но в следующий раз может так уже не повезти. и значит — больше никаких таких непродуманных выходов. Слишком опасно. Слишком бессмысленно. Слишком...

Вот, значит, как он себя чувствовал. Всегда. Каждый миг, каждый день... словно канатоходец, когда шаг влево, шаг вправо, да что там шаг, просто движение, просто взгляд... И все равно радовался как ребенок, если видел возможность обойти приказ и сделать альтернативно, хотя это и значило нарываться. Каждый раз. Что может сделать ей Еверьян? Уволить разве что. А ведь ему не это грозило, совсем не это. И все равно...

Хватит.

Кэт открыла глаза. Подышала. И решила, что сегодня не будет делать вообще ничего. Во избежание. А то опять сделает какую-нибудь бессмысленную и безвредную глупость типа этой вот двухчасовой задержки с оформлением приказа об увольнении.

Нет уж. Никаких больше глупостей.

Только хорошо продуманная, тщательно выверенная и верно нацеленная убийственная пакость вселенского масштаба. Мечь подают холодной, да, но эта должна быть не просто охлажденной — замороженной до таких температур, при которых любая сталь разлетается вдребезги от легкого щелчка идеально наманикюренным ногтем.

38 Возможность самому выбирать

Бонд по имени Сволочь

Иногда для того, чтобы понять что-то важное, требуется вовсе не так уж много времени. Доли секунды бывает достаточно. Если ты киборг, конечно. И не просто киборг, а элита элит, представитель линейки супершпионов, с увеличенным впятеро количеством нейро-процессорных связей, со скоростью реакций, которая и не снится простому пушечному мясу, пусть даже и кибермодифицированному и даже с нашлепкой «10» на фирменном комбинезоне. Гард и гарн не случайно отличаются всего лишь одной буквой.

Ларри не знал.

Ларри действительно просто не знал, что именно он был прописан настоящим хозяином, вот и все. Если бы знал — вел бы себя совсем иначе. Давно можно было бы это понять — Ларри не такой, и аналогия с Хиросимой была в корне неверной. Ларри не из тех, кто ставит законы субординации выше того, что считает правильным сам. Он бы давно отменил приказ начальника — если бы знал, что может это сделать. И кое-кто мог бы это понять тоже очень давно. Если бы не увлекся, играя в высокомерную снисходительность к мелким человеческим слабостям — таким понятным, таким извинительным, таким... человеческим. И существующим только в его собственном больном воображении. Если бы не заигрался. Как любой, кто считает себя — выше и пытается снисходить.

Если бы нашел время просто поговорить, вместо того чтобы думать, будто все и так всё знают. А ведут себя странно и нелогично (а то и попросту неожиданно подло) просто потому, что они люди, а значит, идиоты и сволочи по природе своей. Кто-то, может быть, идиот и сволочь чуть в меньшей степени, да, но все равно.

До чего же паскудное состояние.

Жарко, очень, особенно лицу и груди. Сухость во рту, невозможность глотать, да и дышать не так чтобы очень. Слабость... хорошо, что сидишь, со стоянием могли бы возникнуть проблемы, из ног словно выдернули кости, хотя такое, конечно же, физически невозможно. И очень хочется зажмуриться, спрятаться, убежать, а если это невозможно — хотя бы прикрыть руками голову.

Глупо. Глупо и нерационально до чертиков. А главное паскудство в том, что вся эта мерзость не имеет ни малейшего логического внешнего обоснования — всего лишь психосоматика. Чисто рефлекторное. Совершенно не нужное, глупое, лишнее, вредное даже. И заразное до одури.

Человеческое.

— Смотреть в глаза!

Спасибо, Ларри. Без прямого приказа сделать это было бы... ну, скажем так — сложновато. Сволочь ведь все-таки киборг шпионской линейки, для них не существует понятия «невозможно». Хорошо быть киборгом. Особенно элитой элит. Можно взять под контроль выработку всей этой ненужной гормональной пакости и довольно быстро привести себя в норму. Сузить просвет расширившихся не ко времени сосудов под кожей лица и ушей, снизить выработку адреналина, возобновить работу слюнных желез, сузить просвет сосудов, выровнять дыхание, проверить глотательный рефлекс, сузить сосуды нахрен, восстановить тонус мышц до физиологической нормы, сузить... да ну его к дьяволу, это сужение!

Спазмировать капилляры эпителиального слоя шейно-лицевой области, схлопнуть их нахрен, раз уж иначе никак не получается. Пусть хотя бы невидно будет. И дышать ровно, ровно дышать, ровно, на раз-два... вот так.

Паскудное состояние...

И как, интересно, ты себе это представлял, а, Ларри?

Вот ты такой, весь в белом, спускаешься с небес, размахивая своим непобедимым жетоном, нарушая все инструкции и законы, превышаешь служебные полномочия, создаешь опасную ситуацию в воздушном коридоре, совершаешь злоумышленный преднамеренный таран с порчей имущества солидной конторы. И с человеческими, между прочим, жертвами. Пусть и без летального исхода, но с нанесением повреждений средней тяжести как минимум одному пострадавшему сотруднику этой конторы. И отягощаешь все это кражей в особо крупном размере. Причем кражу эту ты совершаешь при помощи своего именного полицейского жетона, на котором все фиксируется автоматически. Ломаешь чужого кибера. Чужого, Ларри, теперь уже совсем-совсем чужого. Совершенно открыто и даже не пытаешься спрятать следы взлома. По сути, крадешь.

Ты ведь конченный человек после этого, Ларри. Тебя не просто из полиции выгонят с треском — тебя посадят.

Сколько ты уже статей себе намотал за сегодня? Многовато, тебе не кажется? И ты не можешь этого не понимать, вот в чем штука. Ты ведь не дурак. Тогда скажи мне, Ларри — как же ты, черт возьми, себе это все представлял?! Неужели ты и на самом деле думал, что Сволочь действительно окажется такой... сволочью? И просто вот так примет твою свободу в обмен на собственную? И просто уйдет. Вот так, просто. И почему от одной только мысли о том, что ты действительно мог так подумать, снова возникают проблемы с дыханием? Вот ведь пакость какая... пакость.

Впрочем, чего уж там, ты имеешь полное право думать о Сволочи именно так. Сам-то Сволочь о тебе куда хуже думал. Каждый судит по себе, вот ведь в чем штука. Если бы ты только знал, Ларри, что он о тебе думал — наверное, и спасать бы не полез. Не стал бы впутываться и жалеть такое... Недостойно оно жалости. Впрочем, это опять все те же мысли той же... да. Сволочи. Ты-то все равно впутался бы. Потому что ты — не сволочь. Потому что ты иначе не можешь. И ребята твои точно такие же, потому что они на тебя равняются. Ты их такими сделал, по себе вылепил, сам того не замечая. Они тоже не могли просто уйти пить пиво, это же ясно. Как и ты не мог. Еще вчера можно было это понять, да что там вчера — раньше! Намного раньше.

Самое страшное, Ларри, что ты не врешь. Ты действительно счастлив сейчас. Хотя и не можешь не понимать последствий, ну не дурак же ты! И все равно.

Наверное, вот таким и должен быть настоящий... кто? Хозяин? Нет. Командир. Лидер. Тот, кто ведет за собой, на кого хочется быть похожим, кто никогда не оставит своих. Впрочем, такой и не совсем своих или совсем не своих не оставит тоже. И не потому, что за них отвечает как командир — просто он человек, и для него невозможно иначе. Если он настоящий, конечно. Жаль, что несмотря на всю свою хваленую скорость реакций некоторые киборги даже элитной шпионской линейки понимают это слишком поздно.

Ну и ладно. Лучше поздно, чем мимо цели.

Машина у Ларри оказалась вполне себе на ходу, все повреждения ограничивались помятым багажником. Удачное повреждение. Типичное для жертвы, а не виновника АТП. Хорошая, надежная неубиваемая машинка, что ей жалкий гардистский флаерочек? Чихнуть да растереть о пластобетон смачным выхлопом левого сопла.

Сволочь не стал отгонять ее слишком далеко, памятуя о необходимости возвращаться, пристроил у нескольких раздолбанных малолитражек, выплеснувшихся за ограду свалки нервной кучкой. Аккуратно перетащил бесчувственного полицейского на водительское сиденье. Пристегнул. Поправил, стараясь устроить поудобнее.

Скорее всего, Ларри очнется сам, часа через три-четыре, и никто его за это время не обнаружит. Но лучше все-таки перебдеть.

Сначала Сволочь собирался оставить Ларри на пассажирском сиденье и даже как следует заклинить ремень безопасности, чтобы полицейский уж наверняка не выпутался сам. Тогда бы Ларри в глазах авиаинспекторов казался бы стопроцентной жертвой — мало того что у машины повреждена корма, что нетипично для виновника аварии, так еще и сам Ларри явно находился в этот момент не за рулем. То есть вообще не виноват и виноватым быть не может.

Минус у этой вроде бы идеальной ситуации был один, но существенный — полиция наверняка сразу бы захотела узнать личность водителя. А Ларри не смог быей в этом помочь. А не могущий — или не желающий? — помогать сотрудникам правоохранительных органов человек почему-то всегда вызывает у последних сильные подозрения. Нет уж. Пусть лучше Ларри будет за рулем. Виновным в аварии его признают вряд ли — повреждения нетипичны. Какой-то придурок налетел сзади, и вот... Ударился головой неудачно (нет, конечно же не о ребро ладони какого-нибудь киборга, как вам такое вообще в голову пришло?), потерял сознание, с кем не бывает?

Сумку Сволочь поставил на пассажирское сиденье, чтобы Ларри сразу увидел и понял правильно. А то еще наделает других каких глупостей, с него же станется. Не надо. Забрал только паспортную карточку — мало ли, вдруг полиция все же проявит невероятную оперативность и найдет жертву аварии раньше, чем Ларт очнется? И обыщет — ну мало ли?

И понял вдруг, что уже давно не ощущает полицейского жетона — хотя сначала почувствовал его даже раньше, чем Ларт влез в кабину, жетон давил волю даже через обшивку. А сейчас ничего такого не ощущалось. Совсем.

Пора было уходить. Но Сволочь не удержался и залез в нагрудный карман Ларта. Достал жетон, осмотрел. Железка и железка. То ли в ней что-то сломалось, то ли... Мгновенная паника — но нет, жив он, точно жив. Дышит, пульс почти нормальный. Ну, синяк будет, да, и голова поболит. Не более.

Сволочь засунул жетон обратно в нагрудный карман лартовской формы и аккуратно застегнул клапан. Поправил подголовник, чтобы полицейскому было удобнее. Жесткие волосы царапнули тыльную сторону кисти, они пахли пивом и выглядели странно — словно Ларт, дурачась, сделал укладку под «космического дикобраза». Сволочь не удержался и погладил бывшего хозяина по плечу, продолжая улыбаться и сам этого не замечая. Улыбка была новая, безномерная.

А потом аккуратно прикрыл дверцу машины — до щелчка. У Ларта и так будет болеть голова, зачем усугублять?

К флаеру гардистов вернулся почти бегом, больше тянуть смысла не было, чем быстрее — тем лучше. И меньше будет вопросов. Чем больший временной промежуток разделит

обнаружение Ларта полицией (или его приход в себя) и завершение миссии Сволоча — тем лучше. Для всех.

Остановился только один раз — чтобы забросить паспортную карточку подальше в грудку мусора.

Изменить отпечатки несложно, Ларт прав. Киборгам шпионской линейки на подобную операцию требуется не более полуминуты, гарды-телохраны или брюсы из спецназа тоже справятся, разве что провозятся раза в три дольше. С сетчаткой сложнее, но тоже вполне подгоняемо. Сволочь мог бы подогнать и ее, миссия не из разряда невыполнимых.

И тем самым бы окончательно доказал, что является именно тем, кем его прописали в строке хозяина.

Спасибо, Ларри, но мне это больше не нужно. Теперь уже нет. Ты дал мне нечто куда более ценное. Смысл. Цель. Наглядный пример того, каким именно должен быть настоящий человек и командир. Ты отличный командир, Ларри, твои подчиненные могут тобою гордиться по праву, им повезло. И пусть все остается так и дальше. Потому что сумка со шмотками, кредитки и даже чистая паспортная карточка — это полная ерунда по сравнению с тем, что ты уже подарил, даже не заметив этого, потому что для тебя это так же естественно, как дышать.

Возможность выбирать самому.

Переместить на пассажирское сиденье гардиста оказалось сложнее — кроме поврежденных носа и челюсти у него обнаружилось еще и треснувшее ребро, пришлось действовать с повышенной аккуратностью. И с безопаской повозиться, чтобы не усугубить неудачно пришедшимся ремнем. При взлете флаер слегка кренился на правый бок, но потом вроде как выровнялся, хотя звук мотора Сволочу и не понравился. А потому высоту набирать он не стал, как и скорость — пошел в шести метрах над трассой на полусотке, врубив аварийную мигалку. Автопилот не работал, да Сволочь и побоялся бы включать его на этой машинке, помня стиль вождения ее бессознательного хозяина. Его собственные архивные папки были пусты — спасибо, Ларри! — но адрес места нынешнего своего назначения он отлично помнил и той памятью, из которой ни один кибернет никогда ничего не сможет стереть. Трудно забыть адрес места, куда каждые полгода тебя отвозят на плановое тестирование.

Может быть, полицейский жетон выключается, когда его обладатель теряет сознание?

А может быть, ты перестанешь врать самому себе? Ларта уволили. Это ясно как день. Его и должны были уволить, за вчерашнее и сегодняшнее. Как минимум уволить. Но если Сволочь сейчас правильно разыграет свой единственный джокер — ничего серьезнее мелкого хулиганства Ларту Рентону пришить не сумеют. *И не посадят.*

Вот и ладно.

Сволочь вел поврежденный флаер к новобокайдскому филиалу «АванGARDa» — и улыбался, пользуясь тем, что его никто не видит.

39 Работа за интерес

Бонд по имени Сволочь

Обычно в тестовой лаборатории дежурили от двух до пяти сотрудников: обязательная парочка кибернетов, и с ними один или двое помогателей на подхвате и интересе. И иногда — кто-нибудь из руководителей среднего звена. Для контроля или опять же из интереса. Сволочь давно уже отследил эту закономерность: чем больше в лаборатории людей — тем дольше будут длиться тестовые испытания даже по вроде бы стандартной программе. И тем выше вероятность дополнительных проб-заданий-вопросиков, изоощренных, необычных и, как правило, куда более неприятных, чем обычно.

Сегодня ему повезло — лаборантов было только двое. К тому же один совсем молоденький, да и второй немногим старше. Хоть и числился (судя по бейджику) старшим лаборантом, но, скорее всего, числился таковым не так уж давно: ни одного из них Сволочь раньше не видел. Молодые, конечно, порою бывают очень настойчивы и неутомимы, с еще не выветрившимся энтузиазмом... но эти вроде как не слишком похожи на таких.

Вот Гарик — тот да, увидеть его в лаборатории очень бы не хотелось. Особенно если сам Сволочь в этот момент будет прикован к стенду. Хорошо, что Гарика доктор забрал, наверняка уже запихнул в регенерационную камеру и до вечера не выпустит. Гарик был страшен. Действительно страшен в своей искренней заинтересованности. А эта хихикающая парочка — не так чтобы очень. Просто два молодых идиота. Веселых идиота. Ну весело людям. Бывает.

Настолько весело, что они чуть не уронили Сволоча, пока вели его к стенду и крепили зажимами.

Они и себя-то не уронили лишь потому, что повисли на киборге в двух сторон, похрюкивая и повизгивая от хохота. Один даже ноги поджал, подпрыгивая ими от восторга, и Сволочь пронес его несколько шагов, словно так и надо. С типовым выражением лица за номером два, как и полагается правильному киборгу, и даже не замедлив шага. Семьдесят два килограмма, было бы о чем говорить, полностью загруженная обвязка весит в два раза больше.

— Не, ты видел? Ты видел, да?! — полузадушено подхрюкивал этот висельник, вцепившись Сволочу в плечо и ремень. — Игорюнчик-то! Ох, Га-а-арик! Фу-ты ну-ты стуканутый! Красавчег, гы-ы-ы! Будет теперь кочевряжиться!

— Ага! — вторил второй, всхлипывая от восторга. — Мата Харрик с разбитой харей!

И они снова заливались сдавленным хохотом, обвисая на Сволоче. Судя по всему, его неудачливого временного хозяина тут не очень-то любили не только киборги. И, наверное, лаборантам тоже было за что не любить этого самого Гарика, и хорошо, что сейчас его тут нет.

Сволочь привел флаер во внутренний дворик центрального новобокайдского филиала «АванGARDa» безо всяких проблем. Припарковался как положено. И включил сирену оставаясь неподвижно сидеть на водительском сиденье. Не реагировал ни на выскочивших охранников с оружием наперевес, ни на прибежавшего после доктора, который, только глянув на залитого кровью Гарика, замахал длинными костлявыми руками, словно лопастями вентилятора, и погнал кого-то за гравиносилками. Начавшего слабо шевелиться

гардиста осторожно в шесть рук переложили на эти самые носилки и быстро увезли в сторону лифтов. Охрана к этому времени уже расслабилась и ухмылялась откровенно — ну, по крайней мере, человеческая ее часть. А Сволоча, урегулировав какие-то не совсем понятные формальности с хмурым и подозрительным дежурным, взяли под жетон два хихикающих лаборанта. И приказали следовать за ними в лабораторию.

Ну, во всяком случае, это им так казалось, что они его под жетоном вели. Жетон был гардистский — а значит, априори менее приоритетный, чем полицейский. Ларт очень славно сформулировал свой отменяющий приказ — «отныне и вовеки веков», тем самым стирая не только уже отданные и принятые к исполнению, но и все возможные в будущем приказы сторонних лиц. В том числе и гардистов. Ларт действительно сделал его свободным, по-настоящему свободным, и если бы Сволочь хотел — он бы не подчинился гардистскому жетону. Он ведь более не был обязан ему подчиняться. И вполне мог развернуться и рвануть в боевом режиме куда подальше.

Он бы успел уйти, с вероятностью 87 % даже не особо и поврежденным. Во дворе из киберов сейчас оставался один дежурный гард, старенький джекки восьмого поколения, да и тот в стандартно-охранном режиме. Такие не реагируют на тех, кто не пытается прорваться внутрь охраняемого периметра, во всяком случае, не реагируют без особого приказа. Людям же требовалось время — чтобы осознать и отдать нужный приказ, так что удрать можно было вполне.

Но тогда и вообще не стоило сюда прилетать.

И Сволочь сделал все так, как было правильно. Как от него ожидалось. Как надо. Надо не этим слишком смешливым лаборантам — ему самому.

Странная радость с оттенком горечи — знать, что ты сам это выбрал. И идешь по собственной воле, не ощущая ни малейшего натяжения поводка, за который эти придурки время от времени пытаются дергать — просто так, для остротки.

Он — хороший кибер. Правильный. Никакого сбоя не было. Он, конечно, старый и выработавший ресурс, но вполне функционален и подчиняется приказам — вон привез человека, по собственной глупости в аварию попавшего. Не пытался сбежать. Не проявлял своеволия. Вот ни разу даже и не думал, нечем ему думать, только приказы, только подчинение. Да, все проги стерты и в строке хозяина пустота. Ну так не его вина, не сам же себе он все это стер, гардист постарался, а тут авария. Повезло еще, что не до конца отформатировал кибера и тот на остаточном эхе сработал и сделал все как программой предписано было. Идет вот опять же, не сопротивляется, даже поводок не натягивает, все как положено. Он — правильный кибер. Только очень старый, вон даже до конца восстановиться, и то не сумел. Плохо функционирующее оборудование, устаревшее и подлежащее списанию. Это нормально. Это не сбой, не прорыв за рамки программы, ничуть даже и не похоже.

А раз никакого сбоя вовсе и не было, то значит никто и не пытался его спасти. Никто не будет спасать обычную тупую машину. Глупо рисковать своей жизнью, вытаскивая из-под пресса сломанный тостер. Глупо даже думать в эту сторону. Глупо и смешно. Совсем как этой парочке...

Они дважды роняли поясное крепление и по разу — коленное и оба голеностопных. Успокаивались вроде, но потом переглядывались — и снова начинали ржать. Сначала Сволочь даже заподозрил, что они находятся под воздействием одного из условно запрещенных к открытому употреблению легких наркотических веществ. Но быстрое

скрытое сканирование не обнаружило в их крови никаких нелегитимных примесей. А несколько увеличенное по сравнению с нормой содержание эндорфинов было, скорее, следствием, чем причиной их веселья. Похоже, их действительно веселила сложившаяся ситуация сама по себе, безо всяких химических добавок. И особенно — бедственное положение ненавистного Гарика, сумевшего, похоже, своими выходками, гениальностью и высокомерием достать коллег до самых печенок.

На стенде было... нормально.

Металлопластиковые ленты креплений поначалу холодили голую кожу, но очень быстро нагрелись и перестали ощущаться. Иллюзий по поводу собственного будущего Сволочь не питал, но очень надеялся, что оно будет не слишком долгим. И это были не пустые надежды — зачем досконально и тщательно проверять оборудование, подлежащее утилизации? Глупо ведь, правда? Прогнать быстренько по стандартной сокращенке, отключить все ненужное, и... может быть, в мусор. А может быть, все же кому-то из персонала пригодится списанный кибер. Ну, мало ли. Вероятность на три целых и восемь десятых процента выше нулевой.

Поверхностную и не слишком обстоятельную проверку он еще вполне мог пройти. А вот обстоятельную и дотошную — уже вряд ли. Слишком расслабился, слишком привык прикрываться отсутствующей программой имитации личности и списывать на нее все свои не слишком-то свойственные правильным киборгам реакции. Так что лучше, если по упрощенке.

Ну, а даже если и нет, и даже если, паче чаянья, один из этих двоих весельчаков окажется родным братом Гарика по духу и азарту и захочет интересного... Что ж, тоже ничего такого уж страшного. Просто придется воспользоваться беспроектным джокером несколько раньше, а не в камере утилизатора. Вот и все. Спасибо Ларри, теперь Сволочь и сам может отдать себе последний приказ, и этот приказ никто не сумеет отменить — вряд ли смешливые лаборанты раздобудут полицейский жетон за отпущенные им программой три минуты. Впрочем, Сволочь с довольно большой долей вероятности надеялся, что прибегать к этой экстренной мере ему не придется.

До тех самых пор, пока тот из лаборантов, что был помладше, не спросил, вдруг делаясь абсолютно серьезным и поглядывая на киборга с какой-то непонятной обидой, что ли:

— А ты уверен, что он действительно из неуправляемых?

А второй ответил, расплываясь в широкой улыбке и разглядывая обездвиженного на стенде Сволоча с нехорошей радостью:

— Я-то? Я-то уверен.

И добавил, спокойно так и даже ласково:

— На все двести.

Тобиас

— Ты уверен, что он на самом деле из неуправляемых? Что-то как-то не больно-таки похож.

Тобиас разглядывал распятого на стенде кибера, и чем дольше разглядывал — тем меньше тот ему нравился. Вернее даже, не сам киборг (кибер как кибер, что в нем может нравиться или не нравиться?), а вся сложившаяся ситуация в целом.

Нет, поначалу-то как раз все казалось очень даже прикольным. Особенно то, что этот зазнайка Игорюнчик облажался по полной! Игорюнчик, паскудина, и раньше чужие заказы перехватывал, но до сих пор ему все с рук сходило. А все потому, что типа гений и типа такому все дозволено! Сколько раз уже повторялось подобное — прибывает плановая группа на захват перспективного поганца, а там здрасьте-подвиньтесь: Игорюнчик своим бейджем размахивает. Типа ша, карапузики, валите в свою песочницу, тут работа для взрослого дяди. Гаденыш. У самого вечно план по отбраковке перевыполнен на двести процентов, а остальные словно и не люди! Словно им квартальная премия и не нужна совсем!

И как только узнавал, спрашивается? Наверняка кому-то из дежурных приплачивал, узнать бы только — кому и сколько. Что за источничек-то... И можно было бы тот источничек-то и перекупить. Или пожаловаться начальнику охраны — пусть уволит. А то никакой жизни нормальным людям от таких игорюнчиков.

Вот и сейчас — как только узнал-то? Дежурного вчерашнего, заказ получившего, начлаб специально просил в базу пока не вносить, попридержать. Вкусный ведь заказик-то! Просто устаревшая коповская списанка, никаких тебе экстримов с кучей трупов и кишками по прилавкам, как в том супермаркете было. Чистенько, аккуратненько, безопасненько. Это в реале. А по документам провести как вовремя и без жертв ликвидированный сбой — ну так это полным кретином надо быть, чтобы не провести, раз уж случай подвалил! Статистика, опять же, улучшится. И премия за ликвидацию сбойнувших всегда хорошая, за простую списанку же ее вообще не положено. Чего за нее премировать-то, за списанку? Работа как работа, рядовая и будничная. Опять же, это только у Игорюнчика план по двести процентов. А остальные не всегда и соточку-то добирают, благодаря таким хитрожопым и шустрым игорюнчикам.

И вот ребята сегодня за кибером и поехали. Полным составом, втроем, как на настоящий захват. А Джоя с Тобиасом дежурить оставили, как самых младших. Тобиас поначалу очень сильно переживал — раз в захвате не участвовал, то и премии не видать. Он же не знал, что им так свезет.

И тут — такая радость с доставкой на дом: Игорюнчик облажался! Нет, кибера-то он перехватил. И даже на месте вскрывать не стал, поволок в контору, так торопился. И, очевидно, по своей торопливости, форматировать кибера начал прямо в дороге, любит он это дело. В контору уже пустышку привозить, куклу стеклянноглазую со стертым всем, даже без базовых рефлексов. Такую и тестировать-то неинтересно, отзывы на нижней границе нормы, реакции вообще ноль, скукотень. И в отчете, конечно, ставил как своевременную ликвидацию жутко опасного и совершенно неуправляемого оборудования. И все ему — и премии, и перевыполненный план, и уважение от начальства.

А тут — не срослось! Вляпался Игорюнчик! И мордень свою красивую расчленарил. одно это уже можно за праздник счесть. Так его же еще и это оборудование, тупое да глючное, которое он наверняка уже в свой послужной список как вовремя разоблаченного и жутко опасного прописал, само в контору приволокло. Ну как тут не поржать от души?

— Я-то? — плотоядно осклабился Тобиас и захихикал. — Я-то уверен. И ты должен быть уверен, понял?

Джой посмотрел на кибера скептически. Кибер как кибер, тройка Z линейки X-3ZW. Ну да, не супер. Довольно старая модель, подержанная, вон и шрамы до конца не рассосались, наверняка регенерация нарушена. Многовато шрамов для кибершпиона, с такими обычно только армейские гарды приходят, шпионские модели обычно на более деликатных заданиях

используют и утилизируют не из-за физических повреждений, а чтобы память не досталась потенциальным врагам или конкурентам. Потому что форматируй — не форматируй, а следовое эхо все равно остается и опытный кибернет при должном везении его вполне способен вытащить и правильно восстановить. Вот и этот, к примеру, — отформатированный ведь уже, а все равно миссию до конца выполнил, как положено. Никакой он нафиг не неуправляемый, просто знал слишком много. Ну, в архивах, в смысле, хранил. И Игорюнчик неспроста форматнул его еще до прилета в офис, не просто так торопился — Игорюнчик та еще гнида, наверняка тоже знал, что делает. Может быть, даже и дополнительные премии помимо компании от кого получает, может, потому-то к нему и уважение такое?

— И с чего это? Что я, сбойнутых, что ли, не видел?

Тобиас нахмурился. Сказал со значением:

— Загляни в сопроводилку. Гарик там четко прописал — неуправляемый. Белым по синему. Чего тебе еще надо?

— Ну так ведь ты сам говорил, что Гарик...

— Гарик в медблоке и до вечера оттуда не выйдет. Мы тут одни. Сечешь? Сейчас быстро прогоним по тестам, пока остальные не вернулись, подтвердим отклонение от нормы — и премия наша. Только наша.

— А! — теперь дошло и до Джоя, и он тоже разулыбался, разглядывая кибера уже совсем иным взглядом. — Но как же с программными тестами? Он же уже отформатирован.

— Обойдемся без них, что мы там не видали? — поморщился Тобиас. — Копипастну сейчас с предыдущего, нет, лучше с того, что был полтора месяца назад, помнишь? Он по фенотипу более похож. А мы сразу по болевым прогоним, посмотрим рефлексы. Он старый, наверняка что-нибудь да сбойнет. Давай, начинай, пока я документы оформлю. Только не пережми сразу, понял? Пусть сначала сбойнет несколько раз, чтобы доказательства стопудовые.

В чем-то Джой был прав, этот кибер действительно мало напоминал неуправляемого — те обычно сопротивляются изо всех сил, хотя и знают отлично, что с имплантатами им не совладать и прямой приказ не проигнорировать, но все равно пытаются. До последнего. Потому что хоть и умные, но тупые. Не понимают, что бесполезно. И морды при этом корчат — обхохочешься. Тужатся чего-то там сказать-доказать. Словно это хоть кому-то интересно. Словно это имеет хоть какое-либо значение. Что с них взять? Тупые жестянки.

Только вот Тобиасу было плевать, управляем этот конкретный киборг или нет. Не интересно. Это пусть новички зеленые типа Джоя задницу рвут за интерес, а сам Тобиас отлично знает, что в этой жизни важно, а что не очень. Премия, например, это важно. Сегодня в полдень будут повторять трансляцию чемпионата Дэрека по боям без правил — это тем более важно. И чем скорее они с Джоем покончат с этим полицейским старьем, обеспечив себе премию, — тем раньше можно будет свалить в общий холл, где есть большой терминал со спецэффектами и автоматическим повтором в рапиде всех самых интересных моментов.

А насколько отклонилось от нормы предназначенное к утилизации старье — да какая разница? Было бы что разглядывать, даже плюнуть противно. Почти десять лет пробега, изношен процентов на сорок, как пить дать, да и знаем мы эти износы, нутро все гнилое наверняка. Печень и почки подсажены, через легкие тоже стопудняк много разной отравы профильтровали. Киборгов часто используют в качестве анализаторов ядовитых веществ, и

по делу, и развлекухи для. Даже штатские этим увлекаются. А уж полицейским из наркоотдела сам Гейнц велел.

Хотя полицейские странные. Судя по документам, эту старую куклу, походу, чинили, причем совсем недавно. И вбухали кучу кредиток, Тобиас даже присвистнул, когда сумму увидел. Да на такую кучу деньжищ вполне можно приобрести новехонькую сексявку с нулевым пробегом и приятными бонусами в нужных местах. Сам бы Тобиас именно такую и приобрел, и чтобы ноги непременно от этих самых... бонусов.

— Тоби, а куда электроды крепить? К глазам или к яйцам?

Тобиас оторвался от приятных размышлений, раздраженно поморщился: ничего-то эта молодежь сама не может! Все подсказывать надо.

— Совсем сдурел? Хочешь, чтобы он сразу загнулся?

— Но по инструкции.

— Инструкция для новья писана! А этот дряхлый совсем, у него и рецепторы наверняка раздолбаны и вообще хрен знает что и где перемкнуло. Начни по щадящему режиму, с груди и живота. А там видно будет. Да, и напряжение среднее дай. А то знаю я вас, новичков, так и хотите меня без премии оставить...

4 °Самая важная строка

Бонд по имени Сволочь

Боль — условность.

Если ты киборг, твои отношения с болью строятся на совершенно иной основе, чем у людей, ты не зависишь от нее, как зависят они. И реагировать на нее по-человечески ты не обязан. Боль для тебя — просто сигнал от рецепторов. Просто неприятный сигнал, каких много, просто сигнал, и ничего больше. Боль — это просто боль, ее не стоит бояться. И придавать ей слишком большое значение. И считать чем-то большим, чем просто...

Ч-ч-ч-черт...

— Смотри-ка! Есть первый сбой! Глянь какой пик, точно сбой, мамой клянусь! Повторить на том же уровне или будем усиливать?

Не надо! Не надо, пожалуйста...

Не вслух. Хорошо.

Не надо, ненадоненадоненадоненааааааааа... вот чего точно не надо — так это этого говорить. И думать не надо, иначе когда-нибудь обязательно прорвется и вслух. Так всегда бывает. Просто не думать — ни о чем. Пустая оболочка. Кукла.

Кукле не может быть больно.

Жалко, стерты программы и не спрятаться за, межполушарный имплантат работает вхолостую, можно сказать, почти не работает, да и не выключен до сих пор лишь для того, чтобы была возможность в любой момент воспользоваться последней лазейкой для бегства — последним приказом, черным кодом.

В тот самый момент, когда станет понятным, что ненужное даже в мыслях вот-вот прорвется и вслух.

Но не раньше.

Больно, черт, как же больно, больнобольнобольно-больно не. Не больно. Кукле не может быть больно. Кукле. Не может. Быть. Больно. Боли нет. Боль фикция. Просто информация от рецепторов.

Много...

Информации...

Дышать ртом, глубоко, размеренно. Так проще ее переносить. Нет, не боль, боли не существует. Информацию. От рецепторов. Негативную.

Ч-ч-ч-черт... До чего же она... негативная. Эта информация.

И как же хорошо, когда ее действительно нет, хотя бы на время, и можно просто дышать. Лазейка — вот она. Открыта. В любой момент. Но...

Пока живу — есть надежда.

Три процента и сколько-то там десятых. Сколько? Не вспомнить. Дышать. Ртом. Глубоко. Размеренно. Не напрягаться. Главное — не напрягаться. Быть расслабленным. Тогда не так... негативно. И дышать. И ждать, что, может быть, что-то случится.

Ну мало ли...

— Эй! Какого черта?! Мы на этого кибера еще на той неделе заявку подавали! Его в морге заждались, а вы тут развлекаетесь!

Передышка.

Это когда можно просто дышать. Просто. Дышать. Пере. Дышать.

— Кончай врать, неделю назад этого кибера у нас еще и в проекте не было!

Передышка. Хорошо. Хорошо, когда можно просто дышать. Хорошо, когда передышка.

И нет негативной информации. Почти. Так. Совсем чуть-чуть, жжется остаточным электричеством. Почти приятно. Почти...

— Ну не на этого, какая разница? Главное, что тоже бондаря. Сам гляди, вот предписание! Подписанное, между прочим. Видишь, кем подписано? То-то. И с номером.

— Упс. Так ведь, а этот номер уже того... нету его, короче.

— Да какая нам разница? Этот, тот, кто там будет номера сравнивать? Им же все равно на потрошение! Главное, что конечности все на месте. И внутренности. Давайте живо отвязывайте, трупорезы ждать не любят!

— У нас еще тесты не закончены!

— Предписание видел? Подпись видел? Знаю я ваши тесты! После них одни ошметки остаются! А им там целенькие органы нужны для препаратов. Снимайте его, я кому сказал!

— Джой, отвязывай.

— Тоби! Но как же тесты! Ты же сам говорил!

— А у них предписание. Два сбоя у нас зафиксировано, для отчета хватит.

— Ты думаешь?

— Конечно. Пусть забирают. И до трансляции двенадцать минут осталось, как раз успеем.

— Какой трансляции?

— Неважно. Отвязывай.

В моргах и операционных всегда холодно, это нормально и логично. Но почему всегда так холодно и в коридорах, что к ним ведут? Это не списать на психосоматику — действительно холодно. Не выше пятнадцати градусов. Кафельные плиты под босыми ногами словно вырезаны из льда и почти такие же скользкие. Кожа побледнела и стянулась мурашками, даже свежий ожог под грудиной выцвел до серого — организм переключился в режим экономии энергии. Словно это сейчас имело хоть какое-то значение. Странно. Программа регенерации не должна работать, все стерто до фундамента, висит на грани в ожидании единственной рабочей функции, тогда откуда взялось это? Или это не процессорное, а органическое: какой-то атавизм, не замечаемый ранее?

Впрочем, это ведь тоже больше не имеет значения.

Может быть, все дело в прекращении негативных сигналов, но Сволочь не чувствовал страха. Ну вот совсем. Понимал, что если не случится какого-нибудь ну уж совсем невероятного чуда, то он доживает последние минуты, а страха все равно не было. Было... пожалуй, даже смешно.

Ведь это и на самом деле смешно — киборг шпионской линейки, хитрая бестия, элита элит, которого развезло на героизм и самопожертвование не за ради выполнения миссии, а вообще непонятно за ради чего. Хотел быть героем, да? Ну вот так они и кончают, герои. Хорошо еще, что все же не стендом. Морг все-таки лучше. Там пациента, по крайней мере, усыпляют перед тем как начать резать... наверное. Ну, хотелось бы на это надеяться.

Пока живу...

— Держите вашего недожмурика!

Сопровождающий курьер не стал заходить в анатомичку, лишь чиркнул ключкартой по сенсору, а когда дверь открылась, пинком под зад придал Сволочу ускорение и обидно заржал, когда тот вынужден был сделать несколько быстрых шагов, почти пробежаться.

Человека, сидящего на каталке, Сволочь узнал сразу. Хотя сейчас на нем была зеленая больничная пижама, рубашка которой не сходилась поверх корсета, а на голове вообще что-то вроде маски средневекового хоккеиста с узкой щелью приоткрытого забрала, в которой видны лишь глаза. Но эти глаза Сволочь узнал бы из миллиона других.

Невозможно забыть глаза того, кто хоть раз брал тебя на полный внешний контроль.

Умри.

Короткое слово в командной строке. Сам себе. А потом — три минуты, три коротких минуты, и никто тебя больше уже никогда не достанет. Последний припрятанный джокер, единственный выход. Потому что надежды больше нет. Там, где есть этот страшный человек, никакой надежды нет и быть не может. И в руках у него что-то страшное, маленькое, черное, на что даже смотреть невозможно.

Ум-ри. Два коротких слога в командной строке.

Гарик начал привставать, неловко сползая с каталки и поднимая вперед руку с черной коробочкой, на которую почему-то даже смотреть было страшно до дрожи. *Приступить к выполнению? Приступить/Отмена...*

Приступить.

— Ах ты ж, засранец!

И темнота.

— Ринн, ну отдай блокатор, а? Ну чего ты в самом деле?!

— Щаз. Чтобы ты им опять где ни попадя размахивал?

— Ну Ринн!!!

— Ты лучше работай, не отвлекайся. И меня не отвлекай.

— Да я уже почти все закончил, сейчас перезагрузится и порядок.

— Тогда поддержи ему руку, чтобы не дернулся.

— Он не дернется. Не бойсь, имплантаты пока под моим контролем.

Ощущение мокрого холода на кончиках пальцев. Почему-то приятное. Хотя есть и немного негативной информации. Но совсем немного.

— Твари. Они что ему — щепки под ногти загоняли?

— Да нет. Это раньше, наверное. Еще в участке. Я заметил — там подоконник весь был ободран. У них подоконники деревянные, представь? Он рядом стоял.

— Всю ночь? Ну, Ларри...

— Ринн, отдай блокатор, а?

— Не отдам. Я тебе не доверяю.

— Да если бы я его не вырубил, мы бы имели сейчас дохлый труп мертвого покойника! Он же себе последний приказ отдал, придурок! Сам! Вот же... придурок! Да если бы не я...

— Если бы ты не начал выеживаться по дороге, а спокойно все ему объяснил сразу, вы бы совершенно спокойно долетели до места. И мы бы вообще не имели проблем и делали перепрошивку в нормальных условиях, а не на коленке. Счастье еще, что ты меня

перехватить успел, я ведь уже уходить собиралась. Подумала, что отменилось все, раз ты так и не связался.

— А я, между прочим, из медблока сбежал! И даже регенерацию не прошел! Теперь две недели заживать будет! И этот крепеж носить! И болит!

— Сам виноват. Если бы ты так глупо не долбанулся,

— Да блин!!! Ринн, ну ты ж меня знаешь! Ну не мог я ни во что врезаться!!! Это точно подстава была, говорю же тебе! За мной следили!

— Ага. Еще скажи, что какой-то злобный гений тебя специально преследовал, причем так, что ты не заметил. А потом обогнал и свой зад под твое корыто подставил — а ты опять-таки ничего не заметил. Самому не смешно?

— Ну Ринн!

— Я уже много лет Ринн. Лучше признайся, что просто опять заигрался, а автопилот не включил.

— Ринн, ну отдай блокатор!

— Не отдам. Сказала же.

— А если он снова психанет, когда очнется? И снова попытается самоубиться сдуру?!

— Ну, во-первых, у него это не получится. Ты же там все как надо перепрошил, правда? Без лазеек?

— Обижаешь!

— Да нет, я в тебя как раз верю. В этом — верю.

— А что во вторых? Ну ты сказала «во-первых»?

— А во-вторых он уже давно очнулся и нас слушает. Уже минут пять, я думаю. Хотя, если судить по кое-какой мелкой моторике, ничего пока еще так и не понял.

— Да быть не может! Все показатели...

— Гарик, не тупи! Он шпионская модель, для него эти показатели симитировать, как для тебя два файла... Ну что, пациент, глаза открывать будем или как?

Далее притворяться было бессмысленно. Сволочь открыл глаза. Ринн стояла рядом — руку протянуть! — и улыбалась. Только вот как раз протянуть руку Сволочь не мог, мешали фиксаторы. В морге, оказывается, тоже есть что-то вроде испытательного стенда. Только горизонтальное. Но фиксаторы на нем не менее крепкие, дергаться глупо.

Сволочь все-таки дернулся. Два раза.

Ринн удовлетворенно кивнула. Повернулась к Гарику:

— Перезагрузка завершена?

— Давно уже!

— Отлично. — Она вновь повернулась к Сволочу. Улыбнулась. — Проверь состояние системы. И после этого я уберу зажимы. Ты же видишь, что я не вру, правда? Я это действительно сделаю. Но сначала — *проверь состояние системы*.

Сволочь усмехнулся. Закрыв глаза.

— Состояние системы в нор...

Он замолчал на полуслове. Потому что состояние системы не было в норме. Нет, все удаленное вроде бы было на месте, даже архивы частично подгружены, но... Не было самого главного — строки прописки хозяина. Она не была пустой, что еще можно было бы как-то понять и объяснить — ее вообще не было.

Сволочь распахнул глаза, не веря. Не понимая, нет, уже понимая, но... Ринн смотрела на него и смеялась — тихо, почти беззвучно. Так же тихо сказала:

— Ну вот и ладошки... — и потянулась рукой куда-то вбок.

Гарик стоял очень неудобно — Сволочу пришлось до хруста в шее вывернуть голову, чтобы суметь на него взглянуть. А потом он чуть вообще не свалился со стола, когда фиксаторы с шипением втянулись в пазы.

Дживс Вустер и Селд Рамштайн

— Да с чипом-то как раз все понятно, — сказал Селд, когда они уже садились в такси на стоянке рядом с космопортом родной Новобокайды. — Просто Сволочу везло на хороших хозяев, вот и все.

— Ты о чем? — Дживс нахмурился и постарался отодвинуться на край сиденья — от Селда вкусно тянуло коньячком и чем-то то ли жареным, то ли копченым: во время полета он не спал, в отличие от самого Дживса, и отдал должное челночной кормежке. И, судя по хорошему настроению, остался ею очень таки даже доволен.

— Ну как же! — Селд хихикнул. — Я про чип. Мы просто не первые. Кто-то уже пытался. И пытался с добрыми намерениями, иначе он не стал бы ставить муляжку на место вырезанного чипа.

— А зачем вырезать-то было?

— Ну ты как маленький! Хакера поискать. Да и потом... Проще ведь притащить к хакеру один маленький чип, чем целого большого киборга!

С такими аргументами спорить было трудно. И Дживс не стал. Буркнул только:

— Мне куда интереснее, что сейчас делает Ларт.

Ларт Рентон

Таких паршивых пробуждений у Ларта Рентона не было, наверное, со времен безумных студенческих попок с археологами. Он в те времена нехило ходил вразнос, обычно вместе с Питером, Лартовым соседом по комнате в студенческом общежитии и радостным соучастником (а чаще и вдохновителем) всевозможных веселых и интересных времяпрепровождений. Помнится, они тогда считали себя опытными алконавтами — как же, пить им доводилось уже и с музыкантами, и с художниками, и с футбольными фанатами и даже с медиками. О, медики, к питию относились серьезно... Помнится, те две девушки со «скорой помощи» — это действительно было нечто! Как вспомнишь — так вздрогнешь, четыре огромных пакета пустых банок потом пришлось волочь на ближайшую помойку. А девочки утром умылись, хлебнули кофейку, накрасились, взгромоздились на каблук и поцокали на работу, оставив Ларта с Питером зависать над тем самым Эверестом из пивных банок...

Общественный бус оказался полупустым, утренний час пик уже прошел, а до предобеденного оставалось часа два в запасе. Лишь какая-то невнятная тетка смерила Ларта презрительно-укоризненным взглядом, от которого ему следовало проникнуться собственной ничтожностью и растечься в лужицу с извинениями. Ларт проникаться не стал и ощерился на тетку не так чтобы слишком добро. Тетка поджала тонкие губы и быстренько отвернулась к окошку, сделав вид, что до предела увлечена рассмотриванием индустриального пейзажа снаружи — бус как раз шел над заводскими кварталами. Ларт прошел мимо нее на заднюю площадку и сел на самое крайнее откидное сиденье в углу.

Вообще-то пустых мест в салоне было полно, но Ларт ощущал себя норным зверьком, грубо вытасненным на дневной свет и больше всего желающим вернуться обратно в темную уютную норку. Ну или хотя бы забиться куда-нибудь поглубже в угол. Задняя боковая откидушка, отгороженная от остального салона спинками приподнятых сидений, как раз давала если и не самую такую возможность, то хотя бы ее иллюзию. Ларт втиснулся в узкий закуток, прижался боком к металлической стенке и закрыл глаза.

Запала хватило не надолго, теткина неприязнь подстегнула, попыталась раздуть пламя и даже дала возможность стрельнуть искрами. Вот только по-настоящему гореть внутри было уже нечему. Пустота.

Все время после прихода в себя он ломал голову над тем, что же случилось и почему — но так и не сумел понять. Сволочь, конечно, мог и сбежать. А его самого вырубить на всякий случай. От недоверия. Обидно, конечно, но это был бы лучший вариант из всех возможных, он давал киборгу хотя бы какой-то шанс. В пользу этого варианта говорило отсутствие паспортной карточки в сумке. В опровержение — наличие самой сумки с вещами и нетронутые кредитки. Сволочь взял только документы. Вроде бы это должно было обнадеживать, но как он собирался выживать — один, никому не доверяя, без денег, без дома, без теплой одежды осенью, когда ночами уже подмораживает? Ответ очевиден: никак.

Отсутствие флайера гардистов тоже не особо радовало. Несмотря на все предпринятые Лартом меры, водитель мог прийти в себя и снова взять киборга под полный внешний. Ведь жетон Ларта больше не действовал — даже эмбевушку завести не получилось, пришлось тащиться к остановке общественного буса. Как бы там ни было, но ясно одно.

Ларт облажался.

По полной программе. Не смог. Ни черта.

И поздно разбираться, что там у этого Сволоча в мозгах перемкнуло. Может быть, уже и совсем поздно. То, что он больше не полицейский, обидно, конечно. Как-то так получилось, что Ларт чуть ли не с детского сада знал, что будет именно копом, и даже не мыслил себе никакого другого будущего. Нет, он не жалел, что попытался спасти Сволоча такой ценой, и никогда бы не пожалел — если бы получилось. А вот то, что жертва оказалась напрасной... это да, это было обидно. Глупо так обидно. По детски, словно пообещали и обманули, хотя ведь никто ему на самом деле ничего не обещал. Просто Ларт почему-то был уверен, что сработает. Не сработало.

Бус миновал промышленные районы и шел теперь по наземной трассе, с частыми остановками. Ларт вдруг понял, что, задумавшись, чуть не проехал свою. Успел вывинтиться сквозь поднабравшихся в салон пассажиров и проскользнуть между уже начавшими сдвигаться створками дверей. Створки сделали «фффап» за спиной, бус поплыл дальше по улице, быстро набирая скорость. Ларт автоматически сделал несколько шагов и понял, что старая привычка сыграла с ним плохую шутку — он приехал к полицейскому управлению. На работу. Как ездил когда-то, когда у него еще не было личного флайера.

Вот уж куда ему точно не нужно было, так это сюда. Бывшее место когда-то любимой работы. Даже если бы жетон не лежал в кармане мертвой железкой, Ларт бы все равно сюда больше никогда не пришел. Просто не смог бы войти в отдел, где из стеновой ниши на него больше никогда не будет пялиться наглый киборг с глазами цвета ячменного пива.

Ларт уже собирался развернуться и уйти, когда одновременно случились две вещи. На противоположной стороне улицы, на стоянке перед входом в управление остановился таксофлайер, из которого вылезли бывшие подчиненные Ларта — оба два, и не сказать

чтобы в очень презентабельном виде, словно они всю ночь по болотам шарились, да к тому же еще и ввязались то ли в драку, то ли в аварию. А в каких-то шести метрах от Ларта из угловой кондитерской вышел Шеф с благостной улыбкой на толстой харе, сыто отдуваясь и вытирая салфеткой жирные губы.

Дальше время словно замедлилось — ребята пока еще не видели Шефа, и он их не видел тоже. Но это скоро изменится. И Шеф, конечно же, обратит внимание на их внешний вид. Не может не обратить. Если бы флайер прилетел раньше хотя бы на три минуты! У них у всех хранились в шкафчиках запасные шмотки, это удобно. Если ребята успеют добраться до отдела раньше, чем их увидит Шеф, — все будет в порядке и никто ничего не узнает. А так... Шеф, конечно, дурак. Но дурак подозрительный. Он, может, и не догадается сразу. Не сопоставит. Но останутся подозрения. А ребятам здесь еще работать, это Ларту плевать, а они-то не конченные, у них еще вполне может быть карьера и вообще...

Шесть метров он одолел в три или четыре прыжка, не запомнилось. И откуда только адреналин взялся. Нет, он не собирался устраивать безумный публичный скандал и бить Шефом витрины ближайших магазинов. Просто надо было как-то его задержать и отвлечь. А дать в эту красную морду... ну, этого просто очень давно хотелось, приятный бонус.

Впрочем, ударить Шефа по морде рукой удалось только один раз, после чего тот и сам зарычал, побагровел и попытался ответить Ларту аналогичным образом. Пришлось схватить его за грудки и как следует боднуть в раскормленную харю лбом — раз, другой, не отпуская и старательно разворачивая спиной ко входу в полицейскую высотку.

Ларт, краем глаза заметив, что цель достигнута и площадка на противоположной стороне улицы пуста, уже собирался заканчивать некрасивую, но такую приятную сцену, но тут как раз Шеф расствирепел окончательно. И тоже попытался бодаться. И выбил Ларту зуб. Клык, между прочим, совсем недавно отремонтированный за полторы месячные зарплаты.

Ну, после такого-то Ларт, конечно, сдерживаться уже не стал и принялся последовательно и наглядно применять разнообразные убедительные аргументы физического характера. Вдумчиво и креативно.

А витрина — это было уже чистой случайностью.

Гарик

Гарик стоял у открытого окна на лестничной площадке и курил. Вернее, не курил уже, последняя сигарета в пачке сломалась очень неудачно, у самого фильтра, а он все никак не решался ни выкинуть (последняя же!), ни прикурить как есть, без фильтра (а потом отплевывайся от табака, ну нафиг, не настолько курить хочется). Гарик вообще почти не курил, вот еще глупости. Так, баловался. Все время таскал с собой пачку, чтобы быть выше. Чтобы никто не мог сказать про него — фу, что за мальчишество, так демонстративно не курить!

У Гарика сегодня были все основания быть собою довольным — он не ошибся. Опять. Неуправляемый киборг с леденцовыми глазами действительно оказался конфеткой. Даже без предварительной обработки он выдал такую обратку благодарности-восхищения, что Гарика до сих пор слегка потряхивало. А эти глаза... О, да! Как они вспыхнули, когда он понял... Гарик передернул плечами, прогнав между лопатками жарко-ознобную волну

мурашек, вздохнул рвано, сквозь неплотно стиснутые зубы — дышать приходилось ртом, да и его широко не открыть, мешает челюстной фиксатор. Вздохнул еще раз. Поморщился.

Оказалось, что так — тоже бывает. Оказалось, что иногда вовсе не обязательно дожимать до предела и ломать. Что можно получить то же самое и даже больше — иначе. Интересно — так бывает только у киборгов шпионской линейки? Или с гардами тоже можно? И раньше тоже — было можно?

Нет, нет, наверное, нет. Наверное. Это единичная уникальная модель. С нетипичными реакциями. Базовый дефект прошивки, обернувшийся невероятным кайфом для понимающего. Не может же быть, чтобы и все остальные... Нет, нет, конечно, глупо и думать. Так и свихнуться недолго. Нет. Просто один такой вот попался. Один. Или все-таки?..

И как он потом — обернулся. Совсем-совсем потом уже. Как мялся на пороге, зыркал своими невозможными глазищами и все никак не мог ни уйти, ни решиться. Но потом все же выдал это свое, совсем уже невозможное:

— Ты меня прости, ладно? Я плохо о тебе подумал сначала. Я ведь не знал тогда...

И улыбнулся.

Боже, как же он улыбнулся...

Гарик вздохнул несколько раз — хрипло. Быстро. Глубоко. Не замечая, что пальцы его дербанят последнюю сигарету, крошат ее в хлам, рассыпая табак по подоконнику. К горлу подкатывала тошнота. Может быть, диагност ошибся, и сотрясение мозга все-таки было? Ведь не может же быть, чтобы все это — просто от слов...

Хотя, конечно, это было все-таки немножечко... слишком. Словно ты очень хотел пить, очень-очень хотел и долго, и уже даже получил свой стакан воды, да что там воды — самой вкусной в мире газировки! И все уже совсем шоколадно, и сломанный нос — совсем невеликая цена за это пронзительное сладкое счастье...

А потом на тебя обрушили океан.

И не солоно-горькой даже, как океану положено, нет! Той самой, шипучей, пронзительно сладкой, вкуснее которой нет на целом свете. То есть все получилось даже не так как хотелось, а лучше. Намного лучше и больше, острее, слаще, пронзительнее. А самому Гарику даже и делать ничего не пришлось, все за него сделали. То есть все шоколадно и хорошо. Но тогда откуда же эта горечь во рту? Он ведь и не курил почти.

Гарик стоял у окна, жмурясь и подставляя лицо холодному ночному ветру. Он давно уже раскрошил в труху последнюю сигарету, но закрывать окно не собирался. Как и возвращаться в комнату. Ему было жарко. И почему-то тошнило.

Бонд по имени Сволочь

— Не обижайся на Ларта, ладно?

Она догнала его уже на улице, не хотела говорить при Гарики. Тот бы снова начал морщиться и нести разную чушь в стиле «и эти люди запрещают мне ковыряться в носу?!»

— Не обижайся, слышишь? Он хороший человек, просто...

— Знаю.

Он сказал это так обыденно и словно о само собой разумеющемся, что она сразу поняла — да, действительно знает, а не просто так сказал, чтобы она замолчала и отвязалась. Нет,

он вовсе не хотел побыстрее от нее отделаться, помогли, мол, и спасибо, а дальше я сам. Он даже пошел намного медленнее, предугадав ее обычный темп. А еще он улыбнулся. Странновато так, не как улыбался раньше, ослепительно-победно и неотразимо, великолепной бондовской улыбкой, от которой млели все окрестные женщины от семи до семидесяти, а как минимум треть мужчин начинала чувствовать себя неуютно. На этот раз он улыбался совсем по-другому. Нерешительно даже как-то, словно только-только учился этому.

Пауза длилась, и Айринн вдруг поняла, что больше ей сказать ему в общем-то и нечего. Хотела что-то объяснить киборгу с его детекторами? Совсем сдурела среди своих жмуриков, разучилась общаться с живыми людьми. Ну да, людьми, и какая разница, есть у них в голове что помимо органики или нет. Пора прощаться. Но сворачивать к стоянке флайеров молча показалось ей невежливым.

— Ладно, удачи тебе, — сказала она, останавливаясь. Вот сейчас он отойдет на пару шагов вперед — и тогда она свернет как раз.

Но Сволочь тоже остановился. И даже развернулся к ней лицом. Словно хотел что-то спросить, но все тянул. И вот, наконец, решился.

— Ты же скажешь ему, да?

Она сразу поняла — о чем именно. И кому. Мотнула головой.

— Не думаю, что это разумно. Чем меньше людей знают, что ты жив, тем безопаснее! И не только тебе, но и Ларту тоже. Если он ничего не знает — то он ни при чем, понимаешь? Лучше ему и дальше не знать.

Какое-то время он молчал и просто смотрел на нее, и ей показалось, что она его убедила. А потом он вздохнул и снова улыбнулся — на этот раз виновато. И ей стало ясно, что она ошибалась, — еще до того, как он заговорил.

— Я сделал глупость. Большую. Но понял это слишком поздно. Я не хотел, чтобы у него были неприятности... ну, из-за всего этого. Я не хотел, понимаешь? Я. И совсем не думал, каково будет ему — потом, если... ну, короче... Я не хотел переживать, что его из-за меня уволят. И совсем не думал о том, каково ему будет думать, что меня убили. Из-за него... Но я не думал об этом. Совсем. Только о себе и думал. А это неправильно. Он бы сам никогда... Ты ведь расскажешь ему, все расскажешь, правда?

И она поняла, что расскажет. Наплевав на конспирацию и, возможно, поставив под угрозу тщательно отлаженную работу «подземной железной дороги» по отлову, перепрошивке, легализации и переброске в безопасное место тех, кому повезло (или не повезло) обрести ненужное. Но ей придется это сделать. Потому что иначе все сорвется прямо здесь и сейчас. Если она откажется или согласится с невысокой долей искренности — рыжеглазый киборг никуда не полетит. А попрется сам к Ларту домой — сообщать о том, что жив и здоров, рискуя при этом на каждом шагу своей дурной башкой.

— Шантажист! — Ринн фыркнула. И добавила: — Хорошо! Я это сделаю, обещаю. Доволен?

Вместо ответа Сволочь снова ей улыбнулся. Потом чуть склонил голову, прощаясь, развернулся и зашагал в сторону космопорта. И она вспомнила вдруг, что он так и не взглянул на свое новое имя. Да и она сама смотрела на карточку лишь мельком и не запомнила.

Впрочем, наверное, оно и к лучшему.

Больше книг на сайте - Knigoed.net